

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

№ 4 (22) 2012

Научно-практический журнал. Учрежден Тюменским институтом повышения квалификации сотрудников МВД России. Издаётся с 2006 г. Выходит ежеквартально. Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий

Редакционный совет

Председатель:

Иголеви́ч В.А., начальник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, кандидат технических наук, доцент

Члены совета:

Анохин Ю.В., проректор по научной работе и международным связям Алтайской академии экономики и права, доктор юридических наук, доцент;

Афанасьев В.С., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Герасименко Ю.В., начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Гусак В.А., заместитель начальника Управления организации оперативно-розыскной деятельности ГУУР МВД России, доктор юридических наук;

Зарубин С.П., начальник УФСИН России по Тюменской области, кандидат юридических наук;

Козаченко И.Я., заведующий кафедрой уголовного права Уральской государственной юридической академии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Корнеев М.В., начальник УМВД России по Тюменской области;

Лавров В.П., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Мазунин Я.М., профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Мироненко В.В., заместитель начальника УФСИН России по Тюменской области;

Отческая Т.И., судья Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа, доктор юридических наук, профессор;

Цуканов Н.Н., начальник кафедры административного права Сибирского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия

Председатель:

Числов А.И., доктор юридических наук, профессор

Члены коллегии:

Бражников Д.А., кандидат юридических наук, доцент;

Ванюшин Я.Л., кандидат юридических наук, доцент;

Киричёк Е.В., кандидат юридических наук, доцент;

Комиссарова Е.Г., доктор юридических наук, профессор;

Смахтин Е.В., доктор юридических наук, доцент;

Тишин Д.В., кандидат юридических наук, доцент;

Цишковский Е.А. (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент;

Шарапов Р.Д., доктор юридических наук, профессор;

Шеслер А.В., доктор юридических наук, профессор;

Юзиханова Э.Г., доктор юридических наук, доцент

Редакторы *Е.В. Карнаухова, Е.А. Пыжова, Е.В. Шабанова*

Технический редактор *С.Ф. Ярославцев*

Адрес редакции: 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75. Тел. (3452) 59-85-16. Тел./факс (3452) 30-68-69.

Эл. почта naukatui@mail.ru;

сайт <http://www.naukatui.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

ISSN 1998-6963

Подписано в печать 10.12.2012. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 13,48. Уч.-изд. л. 12,13. Тираж 1000 экз. Заказ № 538. Цена свободная.

© ФГКОУ ДПО «ТИПК МВД России», 2012

Содержание

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

<i>Исхаков Э.Р., Аксенов С.Г.</i> Государственно-правовое регулирование здравоохранения в период правления Петра I	4
<i>Блажевич Н.В., Блажевич И.Н.</i> Генезис новых отраслей права: теоретико-методологический анализ.....	11

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

<i>Алексеева А.П.</i> Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (кадровый профессионализм, открытость для доверия и оптимизация): проблемы и перспективы реализации	16
<i>Ярославцев С.Ф., Ярославцева С.В.</i> Информационно-правовая политика России в сфере судебной деятельности: теоретические основы и вопросы реализации.....	21

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

<i>Комиссарова Е.Г.</i> Профессиональные честь и достоинство государственных служащих: предпосылки междисциплинарного подхода	29
<i>Олейник Л.В.</i> Реализация права собственности на придомовую территорию	36

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

<i>Анисин А.Л.</i> Криминологический срез теории и практики мультикультурализма.....	40
<i>Моисеенко М.И.</i> Актуальные вопросы уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве.....	45
<i>Костылев С.П.</i> К вопросу о социальной обусловленности установления уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат.....	56
<i>Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю.</i> Нормативно-правовое обеспечение противодействия организованной преступности в XXI веке	63

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

<i>Алексеев В.В., Батоев В.Б.</i> Понятие, структура, значение комплексной характеристики хищений сотовых телефонов.....	71
---	----

<i>Шмидт А.А.</i> О перспективных формах организации работы органов внутренних дел по добровольной сдаче незаконно хранящихся средств вооружения	79
--	----

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

<i>Трусов Н.А.</i> Проблемы реализации сотрудниками органов внутренних дел права на компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений (в свете реформирования органов внутренних дел Российской Федерации)	84
--	----

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

<i>Рогова Ю.В.</i> Отдельные вопросы классификации гражданско-правовых договоров.....	92
<i>Жилко И.А.</i> К вопросу об исправительно-воспитательном воздействии на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в следственных изоляторах	96

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

<i>Лоба В.Е., Сафронова Е.В.</i> Целеполагание уголовного наказания в диссертационных исследованиях университетов Российской империи.....	102
---	-----

<i>Summary</i>	108
----------------------	-----

<i>К сведению авторов</i>	112
---------------------------------	-----

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I

Э.Р. Исхаков

(профессор кафедры криминологии и психологии Уфимского юридического института
МВД России, доктор медицинских наук, профессор; iskhakov1964@mail.ru)

С.Г. Аксенов

(декан факультета защиты в чрезвычайных ситуациях Уфимского
государственного авиационного технического университета, кандидат юридических
наук, доктор экономических наук, профессор; 8-927-953-33-87)

В статье анализируется законодательство Петра I, регламентирующее организацию различных сфер медицинской помощи населению и Вооруженным силам России.

Ключевые слова: история медицинского законодательства России, законодательство Петра I.

Особое значение в развитии России в целом и здравоохранения в частности при-
дается XVIII веку – эпохе преобразований,
проводимых Петром I (годы правления
1682–1725, самостоятельное правление с
1689 года). По мнению Д.С. Лихачева, эпо-
ха петровских реформ «явилась закономер-
ным результатом всего развития русской
культуры, начавшей переходить от сред-
невекового типа к типу нового времени»
[1, с. 3]. При этом отмечается, что стрем-
ление максимально расширить влияние го-
сударства на все стороны жизни, активно
проявившееся во время правления Петра I,
затронуло и область здравоохранения [2,
с. 219-230]. Государь занимался улучше-
нием многих сторон здравоохранения, та-
ких как повышение уровня лечения своих
заболевших поданных; предупреждение
распространения инфекционных заболе-
ваний; развитие аптечного дела, сохране-
ние здоровья военнослужащих, подготовка
отечественных медицинских работников,
организация стационарной помощи боль-
ным.

С самого начала своего правления
Петр I обратил внимание на законодатель-
ное регулирование ответственности (нака-
заний) медиков за ненадлежащее лечение
больных. В официальные годы правления
Петра I, в 1686 году в России был издан

царский указ «Боярский приговор», предус-
матривавший наказания за ненадлежащее
лечение. В разделе «О наказании незнаю-
щих медицинских наук и по невежеству в
употреблении медикаментов, причиняю-
щих смерть больному» лекари предупреж-
дались, что «буде из них кто нарочно или
ненарочно кого уморят, а про то сыщется и
им быть казненными смертью» [3, с. 36].

А.Н. Алелеков обнаружил в Полном
собрании законов Российской империи
документы – указы Великого Государя, в
которых рассматриваются наказания за
ненадлежащее лечение больных (результат
лечения здесь была смерть пациентов)
или за факт халатности и ненадлежащего
исполнения врачебных обязанностей. Так,
в 1686 году был наказан лекарь, который в
пьяном виде перепутал лекарства, и боль-
ной скончался от неправильного лечения.
В наказание его было «велено сослать с
женою и с детьми в Курск» [4].

В 1700 году обнародован указ в свя-
зи с тем, что в результате ненадлежащего
лечения со стороны лекаря скончался боя-
рин – ему давали дозу лекарства, во много
раз превышавшую терапевтическую, т.е.
токсичную, поэтому этого лекаря сосла-
ли с женою на каторгу в Азов [5, с. 20; 6].
А.Г. Блинов рассматривает уголовно-пра-
вовые нормы XVI–XVIII веков, в том числе

нормы, действовавшие при Петре Первом и относившиеся к телесным повреждениям, по аналогии с современным законодательством и правоприменительной практикой как относящиеся и к врачебной деятельности, хотя уголовных дел или упоминаний, где фигурировали бы медицинские работники, наказанные за действия при исполнении лечения, им не приводится [7].

Санитарная деятельность, направленная на предупреждение инфекционных заболеваний, отразилась в Указе 1688 года, который возлагал контроль за чистотой улиц Москвы на объезжих из дворян: хозяева дворов, возле которых обнаружены нечистоты, должны были свозить нечистоты на земляной город ниже Нового Спасского монастыря [8, с. 131].

О защите прав на охрану здоровья в плане создания соответствующих санитарно-гигиенических условий для проживания населения говорится в Указе от 25 мая 1718 года «О смотре, чтобы строение домов производилось по указу; о содержании улиц в чистоте; о допущении торговых шалашей в указанных местах; о съестных припасах, о подозрительных домах, о гуляющих людях, о приезжих и отъезжающих; об определении с дворов караульщиков, в каждой слободе или улице старост и при каждых десяти дворах десятского и о распространении повинности постоя на людей всякого чина и звания». Пункт пятый данного приказа ограждал граждан от приобретения в пищу недоброкачественных продуктов: «Також опасно хранить надлежит в рядах и местах, а наипаче где столовые харчи продаются, дабы отнюдь нездорового какого съестного харчу не продавали, а паче вредительского чего, но все б держали здоровое, еще ж смотреть и хранить с прилежанием...». Пункт 6 предписывал заботиться о санитарно-гигиеническом благополучии мест обитания граждан: «Також в надсмотрении иметь чистоту улиц и переулков, рынков, рядов и мостов; и каждому жителю дать указ, дабы все пред своим двором имели чистоту и сор чистили, и возили на указанное место, а наипаче надлежит хранить, дабы отнюдь на реку зимою не возили, а летом не бросали, также про-

токи и каналы сором не засыпали под жестким штрафом» [9, с. 120].

При Петре I стало развиваться и аптечное дело. Н.Н. Коротева пишет о «фармацевтической правовой базе» Российской империи, имея в виду, например, Указ Петра I от 22 ноября 1701 года «О заведении в Москве вновь осьми аптек с тем, чтоб в них никаких вин не было продаваемо: о введении оных Посольскому приказу и об уничтожении зеленых лавок» [10; 11, с. 125-129]. Но фармацевтика – это наука, изучающая создание, безопасность, хранение, изготовление, отпуск и маркетинг лекарственных средств, поэтому правильнее говорить не о фармацевтической правовой базе, а о правовой базе развития аптечного дела или правовой базе организации деятельности аптек. Данный указ Петра I, с одной стороны, обеспечивал права пациентов на надлежащее лечение тем, что реализация лекарств только в аптеках гарантировала качество препаратов, устраняя бесконтрольную продажу лекарственных средств неопределенного качества: было велено завести аптеки (числом 8) в Москве, одновременно закрыв лавки, которые «продавали всякие непотребные травы и зелье вместо лекарств». С другой стороны, ограничивалось количество аптек, что может рассматриваться как нарушение прав пациентов и снижение уровня медицинской помощи населению. Указ Петра I от 14 августа 1721 года «Об учреждении в городах аптек под смотрением Медицинской Коллегии, о вспоможении приискивающим медикаменты в Губерниях, и о бытии под надзором помянутой Коллегии гошпиталям» способствовал дальнейшему увеличению числа аптек в Петербурге и губернских городах [12].

Законодательству о военной медицине Петр I уделял особое внимание. Основные «судьбоносные» и внесшие большой вклад в регламентирование здравоохранения нормативные правовые акты принимались Петром I при формировании и развитии Вооруженных сил России. Нормативные акты, относящиеся к деятельности армии и флота, включали статьи и разделы, посвященные охране здоровья и лечению

служащих Вооруженных сил, и в дальнейшем действие этих актов распространялось на гражданскую сферу.

Первые указания на наличие в войсковых соединениях России врачей относятся к 1616 году, хотя их постоянное присутствие в армейских частях было необязательным. Врачи командировались в полки только в случае надобности. Так, М. Лахтин ссылается на найденный им документ от 1 апреля 1703 года – «Указ великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича вся великия и малыя и белыя России самодержца боярину Тихону Никитичу Стрешневу с сотоварищи», в котором дается поручение врачу с лекарем и лекарствами из Аптекарского приказа отправиться в полк Севеска [13, с. 164-165]. Осмотр старых, больных и увечных солдат при увольнении их со службы поручался также не врачам, а воеводам, как это явствует из грамоты, данной боярину, князю Черкасскому «с сотоварищи» в 1655 году [13, с. 166; 14]. С 1704 года появляются указания Петра I о назначении врачей для освидетельствования военнослужащих Российской армии с целью выяснения вопроса относительно их пригодности к военной службе.

Во времена Петра I, согласно Указу 1706 года, была определена структура и построена деятельность медицинской части в войсках. В указе был предусмотрен и контроль за исполнением обязанностей лекарями: «прапорщик, который послан будет смотреть за лекарями, чтобы не ленились и свое бы дело исправляли» [5, с. 36].

Некоторые элементы защиты прав пациентов на получение надлежащей медицинской помощи имеются в Воинском уставе Петра I. В нем говорится об обязанностях военно-медицинских чинов осматривать в госпиталях больных как минимум 4 раза в неделю и обязательно назначать им лекарства; об обязанностях обслуживающего персонала и их нормы численности – на каждые десять больных один здоровый солдат и несколько женщин, которые должны проводить гигиенические мероприятия и ухаживать за ними. Чтобы воздух в больницах был «легкий и невредежный», предписывалось постоянно прокури-

вать больничные палаты можжевельником и «докторскими порошками» [15, с. 106].

К 1711 году был подготовлен проект по нормативному распределению медицинских работников по воинским подразделениям. Согласно этому проекту в каждом пехотном полку должен был находиться один «лекарь иноземец» и десять «просто лекарей» (имеются в виду русские лекари) [16], в артиллерийском полку – два лекаря и семь цырюльников [17]. Глава 33 Воинского устава 1716 года гласит: «Надлежит быть при всякой дивизии одному доктору, одному штап лекарю, а во всяком полку полевому лекарю, також в каждой роте по цырюлнику». Однако исследователь М. Лахтин (1902) считал, что штаты «штап лекарей» и «цырюльников» не были заполнены профессиональными медиками, о чем, по его мнению, свидетельствуют следующие слова Указа Сената от 8-го января 1713 года: «А что положено в определенных табелях на аптекарских служителей в генералитет и на полковых лекарей, и те деньги из губерний, по тому определению, присылать в канцелярию Правительствующего Сената, потому что они лишняя» [13, с. 183; 18].

Считается, что и Артикул воинский, изданный Петром I 26 апреля 1715 года, внес значительный вклад в организацию гражданского медицинского дела [9, с. 327-365]. В главе второй «О службе божии и священниках» Артикула 16 отмечено, что больные люди находились на особом положении во время молитвы и службы, им, в отличие от других граждан, разрешалось приобретать товары в торговых и питейных заведениях: «Сколь скоро к молитве или службе божией звычайный знак дан будет, имеют тогда все маркетентеры, купцы, харчевники и шинкари лавки свои запереть, и отнюдь никаких товаров, ни пива, ни вина, не продавать. Разве когда *больной* (курсив наш. – Э. И., С. А.) для своей нужды требовать будет». Защита права воинов на охрану здоровья, касающуюся предупреждения кишечных инфекционных заболеваний во время службы, отражена в главе 11 (о квартирах и лагерях) Артикула 90: «В обозе всюду чисто держано имеет быть,

буде же кто обрящется, что он на оном месте, где не надлежит, испорожнитца, или во оной воде, которую пьют, или на варение берут, мыть, или лошадей тамо поить, или вне учрежденного места скотину бить будет: оный имеет не токмо то нечистое сам вычистить, но и сверх того жестоко наказан быть». Глава 19 «О смертном убийстве» посвящена в том числе и вопросам судебно-медицинской экспертизы; в ней приводится описание телесных повреждений, приводящих к смерти.

О защите права пациента от ненадлежащего лечения со стороны врача говорится в параграфе 9 десятой главы (глава называлась «О лекаре») Морского устава, утвержденного Петром I в 1720 году. Устав устанавливал ответственность врача за неблагоприятный исход лечения вследствие ненадлежащего исполнения врачом своих профессиональных обязанностей: «Ежели Лекарь своим небрежением и явным презорством к больному поступит, от чего им беда случится, то оной яко злоторец наказан будет, яко бы своими руками его убил, или какой уд отсек. Буде же леностию учинит, то знатным вычетом наказан будет, по важности и вине смотря в суде» [19].

Указ от 17 сентября 1712 года проливает свет на довольно распространенные способы лечения в полковых лазаретах: широко практиковалось назначение алкогольных напитков одновременно с другими лекарствами [13, с. 182].

Указы Петра I развивали организацию больничного дела (в том числе и его финансирования), что можно рассматривать как принятие мер по обеспечению прав пациентов на лечение в надлежащих условиях.

Считается, что первая попытка Петра I посредством Указа, принятого в конце 1700 года, учредить лечебные заведения по всем губерниям оказалась неудачной, т.к. историками медицины никаких данных о воплощении указа в жизнь не было найдено [5, с. 58].

По идее, поданной отставным лейб-медиком Петра I Николаем Бидлоо, главе Монастырского Приказа Ивану Мусину-Пушкину было поручено вести строитель-

ство лечебного учреждения нового типа – военного госпиталя (в котором бы работали только россияне), о чем и был издан Указ от 25 мая 1706 года. 21 ноября 1707 года Московский военный госпиталь начал свое существование. При этом деятельность госпиталя не подчинялась Аптекарскому Приказу (который ведал тогда всей медицинской частью России) и финансировалась за счет Монастырского Приказа, а также приписанных вотчин и сбора с венчающихся в церкви. Хотя он и назывался военным, однако первое время в нем лечили больных различных категорий, причем раненых и солдат среди них не было. Полное бюджетное финансирование через Монастырский Приказ госпиталь получил по Указу от 1 мая 1710 года [5, с. 77].

В 1715 году Петром I был обнародован Указ о создании госпиталей при церквях [5, с. 59]. При Петре I помимо больших больниц (госпиталей) в России существовало и множество более мелких больниц – лазаретов, и в 1716 году их число доходило до 500. В соответствии с Указом 1714 года на содержание лазаретов была определена половина «венечного сбора» (сбор, уплачиваемый при заключении браков в церкви) [20].

Большой проблемой при Петре I (и не только в его время) являлось обеспечение финансирования медицинской деятельности. В 1721 году были выпущены два указа царя: по одному из них в госпиталь отдавались все деньги, вырученные за счет продажи недвижимости лиц, совершивших проступки в церковном ведомстве. По второму указу взыскивались так называемые лазаретные деньги (определенный процент с жалования лиц, состоящих на государственной службе) [5, с. 123].

Однако вследствие недостаточности сумм, получаемых от «венечного сбора», правителями России изыскивались все новые и новые источники финансирования. Так, в 1715 году именным указом было предписано взимать еще в пользу лазаретов по 100 рублей с пожалованных в дьяки [21], а в 1721 году в пользу больниц были установлены вычеты из жалования всех лиц, находящихся на государственной

службе: «на каждый год от каждого рубля по копейке, и еще особый вычет за каждое повышение по службе» [22]. Еще один источник поступления денег был найден в 1722 году: было положено брать на содержание больниц имения, оставшиеся после лиц духовного звания и раскольников [23].

Одним из мероприятий, внесших глобальное изменение в осуществление медицинской помощи в России, стало начало подготовки собственных российских медиков из числа соотечественников. При Московском военном госпитале одновременно с его образованием в 1710 году была открыта лекарская школа, которая выпустила первых русских лекарей, благодаря этому была составлена конкуренция иностранным врачам, господствовавшим в российской медицине. Естественно, на русских врачей началась «охота» со стороны иностранных медиков в виде всевозможных дискриминационных мер. Под угрозу было поставлено развитие российского медицинского образования. На письме Н. Бидлоо, в то время руководителя госпиталя и лекарской школы (в нем была описана негативная ситуация, сложившаяся по отношению к выпускникам российской лекарской школы), царем 18 марта 1715 года была наложена резолюция, согласно которой российские лекари брались под защиту от притеснений со стороны лекарей иностранных [5, с. 79]. Подготовка профессиональных российских лекарей можно рассматривать как одну из мер обеспечения прав пациентов на надлежащее лечение.

Малое количество врачей сказывалось на действенности оказания медицинской помощи в России, и особенно в войсках. Такие меры, как приглашение иностранных врачей, направление студентов на учебу в заграничные университеты, не давали результата и стоили слишком дорого. В результате был издан именной Указ от 23 мая 1719 года, согласно которому к иностранным врачам, принятым на службу в России, прикреплялись ученики из числа россиян, а с врачей бралась подписка с обязательством учить врачебному делу с последующим получением обучающимся звания «лекарь» [13, с. 189].

Ряд принятых Петром I нормативных правовых актов был направлен на определение квалификации медиков, осуществляющих лечебную деятельность. Считается, что Указ Петра I от 14 августа 1721 года «Об учреждении в городах аптек под смотрением Медицинской Коллегии...», по которому учреждалась Медицинская Коллегия (вместо Аптекарской канцелярии), был вызван большим числом шарлатанов среди медиков и непорядками в медицинском управлении. Указ может рассматриваться как обеспечение прав пациентов на надлежащее лечение и защиту от низкого уровня квалификации лечащего врача, поскольку данный акт запрещал врачебную практику медикам (докторам и городским лекарям), не получившим разрешение, и лицам, не имеющим специального образования. Следует, однако, заметить, что в данном нормативном правовом акте прямо не предусматривалась уголовная ответственность за медицинскую практику, которую медики вели без разрешения Медицинской Коллегии [24, с. 17]. Данным указом вводился контроль за аптеками: устанавливался запрет на продажу некачественных лекарств и по завышенной цене; было зафиксировано положение о том, что доктор (лекарь) без соответствующей подготовки и квалификации своим ненадлежащим лечением наносит вред здоровью пациента; содержались указания по развитию применения отечественных лекарственных средств. Дополнением к этому указу предусматривалось финансирование московского госпиталя Синодом (хотя организационно *de jure* госпиталь подчинялся уже Медицинской коллегии) [5, с. 130].

Новый этап в истории полиции России начинается с издания Петром I Указа от 25 мая 1718 года «Об учреждении в новой столице – Петербурге должности Генерал-полицмейстера», с создания в Санкт-Петербурге Генерал-полицмейстерского управления. На полицию впервые стали возлагаться основные обязанности по выполнению санитарно-гигиенических задач. Изданный Указ положил начало активному участию полиции в охране здоровья населения. Одной из главных задач полиции являлось

обеспечение санитарной безопасности, в том числе соблюдение правил торговли съестными продуктами [25]. При Петре I, как можно видеть из документов, на полицию возлагались и функции по охране здоровья населения. В составленной лично Петром I особой инструкции, состоявшей из 13 пунктов, наряду с многочисленными обязанностями, полицейские должны были следить и за чистотой улиц и переулков, качеством продаваемых продуктов. 16 января 1721 года Петр I среди задач, стоящих перед полицией, указал и задачи, связанные с охраной здоровья людей: «...предостерегает все приключившиеся болезни; производит чистоту по улицам и в домах...» [26]. При этом полиция обладала правом определять нарушителю меру наказания, минуя суд. Так, за неоднократную продажу испорченных продуктов назначалась каторга, за сброс мусора и нечистот в Неву и притоки назначался кнут.

Считается, что Петром I в начале XVIII века было обращено внимание на проблему незаконнорожденных младенцев и их здоровья, и началось формирование законодательной базы [27]. Следует заметить, что прямое попечение о детях-сиротах с помощью создания специальных детских учреждений относится к началу XVIII века, когда в 1706 году Новгородский митрополит Иов построил специальный сиротский дом для «засорных» детей по собственной инициативе на собственные средства. Начиная с эпохи правления Петра I охрана здоровья незаконнорожденных младенцев и их медицинское обеспечение осуществлялись через специально учрежденные заведения. Указом от 4 ноября 1715 года Петр I приказывает строить в городах госпитали для незаконнорожденных и подкинутых младенцев, причем в госпиталях должно быть предусмотрено специальное окно, через которое бы младенцев передавали так, чтобы лиц людей, приносящих детей, не было видно [28].

Наряду с другими сферами здравоохранения Петр I усовершенствовал и медико-социальную помощь. В эпоху его правления открытие и содержание богаделен и больниц входило в обязанности приказов,

сначала Патриаршего, затем, с 1701 года, Монастырского, а с 1721 года это дело было поручено Святейшему Синоду и Камер-конторе [29]. В 1720 году (29 мая), 1722 и 1723 гг. были изданы еще три указа, согласно которым больные и инвалиды, уволенные с военной службы, направлялись для лечения и ухода в богадельни при монастырях [5, с. 59].

Посредством своих указов Петр I начал развивать в России организацию лечения минеральными водами (Указ от 1721 года) [5, с. 123].

Таким образом, реформы Петра Великого, обновившего все стороны русской жизни, захватили и медицинскую сферу в различных ее аспектах: издавались указы, которые предусматривали ответственность в виде наказания за ненадлежащее лечение; получили дальнейшее развитие санитарное и аптечное дело, произошло становление и развитие военной медицины, госпитального дела и его финансирование; было положено начало организации лечения минеральными водами; началась подготовка отечественных врачебных кадров, обязанности по выполнению санитарно-гигиенических задач стали возлагаться на полицию; было введено определение квалификации медиков для разрешения им лечебной деятельности; были выработаны меры по улучшению оказания помощи младенцам; через деятельность богаделен дальнейшее развитие получила медико-социальная помощь.

1. Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Т. 1. Л., 1987.

2. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во времена правления Петра I // Правоведение. 2001. № 4. С. 219-230.

3. Крылов И.Ф. Врач и закон. Л., 1972.

4. Полное собрание законов Российской Империи. Т. II. СПб., 1830. № 1171. С. 747.

5. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707-1907 гг.

- составлена А.Н. Алелековым. М.: Типография Штаба Московского военного Округа, 1907.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Т. IV. СПб., 1830. № 1756. С. 10.
7. Блинов А.Г. Уголовно-правовая охрана прав и свобод пациента в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
8. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII века. СПб., 1998.
9. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 4. М.: Юрид. лит., 1986.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Т. IV. СПб., 1830. № 1879. С. 177.
11. Коротева Н.Н. Аптечное дело в России в XVIII – начале XX веков // Вопросы истории. 2008. № 2 (февраль). С. 125-129.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Т. VI. СПб., 1830. № 3811. С. 412.
13. Лахтин М. Этюды по истории медицины, М., 1902.
14. Полное собрание законов Российской Империи. Т. I. СПб., 1830. С. 364.
15. Книга Устав Воинский. Напечатана с повелением Царского Величества в Санкт-Петербурге. Лета Господня 1717.
16. Полное собрание законов Российской Империи. Т. IV. СПб., 1830. № 2319. С. 590-627.
17. Полное собрание законов Российской Империи. Т. IV. СПб., 1830. № 2480. С. 792-801.
18. Полное собрание законов Российской Империи. Т. V. СПб., 1830. № 2624. С. 2.
19. Памятники Русского права. Вып. 8. М., 1961. С. 484.
20. Полное собрание законов Российской Империи. Т. V. СПб., 1830. № 2821. С. 114.
21. Полное собрание законов Российской Империи. Т. V. СПб., 1830. № 2911. С. 158.
22. Полное собрание законов Российской Империи. Т. XII. СПб., 1830. № 9158.
23. Полное собрание законов Российской Империи. Т. XII. СПб., 1830. № 10588.
24. Самойлов В.О. История Российской медицины. М., 1997. С. 17.
25. Полное собрание законов Российской Империи. Т. V. СПб., 1830. № 3203. С. 579.
26. Полное собрание законов Российской Империи. Т. VIII. СПб., 1830. № 5700.
27. Жилыева С.К. История призрения сирот в России как государственная проблема в XVIII веке // История государства и права. 2010. № 2. С. 13-19.
28. Полное собрание законов Российской Империи. Т. V. СПб., 1830. № 2953. С. 181.
29. Зубанова С.Г. Социально-исторические вехи православной церкви в сфере социального служения до XIX столетия // История государства и права. 2009. № 12. С. 10-11.

ГЕНЕЗИС НОВЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Н.В. Блажевич

(профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор философских наук, профессор; 8 (3452) 59-84-32)

И.Н. Блажевич

(старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права; bin7704@rambler.ru)

Авторы статьи стремятся представить становление новой отрасли права как результат синтеза общих, непосредственных и основных предпосылок. В статье обосновывается положение о том, что специфика генезиса новой отрасли права проявляется в таком содержании правового регулирования, которое не может быть охвачено общими положениями других отраслей права, а требует формулировки самостоятельных положений, направляющих применение данной совокупности юридических норм, которая может быть названа новой отраслью права.

Ключевые слова: *отрасль права, юридические нормы, правовое регулирование, правовая реальность.*

Вопрос о генезисе новой отрасли права – это вопрос о процессе возникновения и становления определенного качества в правовой реальности. Какова граница этого процесса? Границей генезиса новой отрасли права является оформление ее как самостоятельной отрасли права. Сам генезис отрасли права можно рассматривать как период предотрасли права. Известно, что методологическим ориентиром в раскрытии генезиса того или иного явления служит понятие основы, ибо основа содержит ту сторону рассматриваемого явления, которая обуславливает другие его стороны, свойства и связи, составляющие сущность явления. Конкретизируется понятие основы через близкие ему понятия предпосылки и условия, отражающие процессуальную сторону реальности. Так, понятие предпосылки характеризует не столько саму отрасль права, сколько процесс ее возникновения. Вот почему главным содержанием анализа предпосылок является установление противоречий, определяющих возникновение новой отрасли права. Становление новой отрасли права есть результат синтеза общих, непосредственных и основных предпосылок. Сформировавшаяся новая отрасль права представляет собой обосо-

бившуюся систему, которая востребована юридической практикой и наукой.

Сегодня в отечественной юриспруденции можно считать общепринятым определение отрасли права, под которой мыслится объективно сложившаяся внутри единой системы права в виде ее обособленной части группа правовых институтов и норм, регулирующая качественно однородные общественные отношения на основе определенных принципов и специфическим методом, в силу чего приобретающая относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования [1, с. 22; 2, с. 297]. В отечественной литературе по юриспруденции также распространено мнение, согласно которому основанием выделения новой отрасли права является образование нового предмета права и нового правового метода. Это мнение, несмотря на несколько критических работ, является преобладающим в отечественной теории государства и права с конца тридцатых годов прошлого века вплоть до настоящего времени [3, с. 34].

Однако, на наш взгляд, конструкции отрасли права, основанной на особом предмете и методе правового регулирования, присущи противоречия. Во-первых, поло-

жение о собственном методе для каждой отрасли права не соблюдается. Во-вторых, исходя из этой конструкции, неясен статус таких образований, как «комплексная отрасль права». В-третьих, существуют трудности в определении соотношения системы права и системы законодательства.

Если провести анализ базового определения отрасли права, то из него следует, что признаками отрасли права являются следующие свойства:

- а) наличие соответствующей области общественных отношений;
- б) наличие определенного единства в данном комплексе общественных отношений;
- в) наличие объективно обусловленного интереса в самостоятельном регулировании данного комплекса отношений;
- г) наличие определенного специфического метода регулирования данного комплекса отношений [2, с. 297].

Но этих общих признаков недостаточно для выделения новой отрасли права, ибо они носят субъективный характер из-за своей нечеткости. Поэтому многие исследователи стали выделять и другие признаки, например, наличие общих принципов [4, с. 117-118] или «социальную ценность» (с последней схоже такое основание, как заинтересованность общества в создании новой отрасли права). Однако использование в качестве критерия для выделения новой отрасли права наличия собственных принципов у этой отрасли права не получило в отечественной юриспруденции развития, поскольку названные признаки еще более субъективны, чем остальные.

Уже давно высказывалось мнение о том, что специфика предмета правового регулирования отрасли не исчерпывается только требованием особой формы или метода правового регулирования. Специфика проявляется и в таком содержании правового регулирования, которое не может быть охвачено общими положениями других отраслей права, а требует формулировки самостоятельных положений, направляющих применение данной совокупности юридических норм [5, с. 117]. Таким образом, для новой отрасли права необходимо

иметь собственную «общую часть», иначе данное образование не может считаться отраслью права.

Тем не менее, несмотря на все перечисленное, главным системообразующим фактором для новой отрасли права считается предмет правового регулирования [6, с. 170]. Это – основной, но не единственный фактор, его можно понимать как объективную потребность общества в особом режиме правового регулирования данной группы общественных отношений. На эту необходимость влияют все стороны общественных отношений, но главные из них: социально-экономические и политические. Встает вопрос о том, каков механизм образования новой отрасли права?

Ряд авторов считают, что следует выделять общественные отношения, существующие только как правовые, и общественные отношения, для которых правовая форма не обязательна. Первые образуют самостоятельные отрасли права по объективным причинам (административное, уголовное и т.п.). Вторые могут образовывать отрасли права, а могут и не образовывать, роль здесь играют следующие факторы: характер отношений; степень применения к ним методов государственного воздействия; наличие самостоятельного законодательства [7, с. 9]. Таким образом, существуют отрасли права, наличие которых предопределено объективно, и отрасли права, наличие которых зависит от воли общества и государства. Однако провести границу между объективными и субъективными условиями в данном случае весьма сложно. В частности, последовательно применяя объективный предметный подход к пониманию отрасли права, А.Ю. Анишин пришел к выводу о том, что «финансовое право является такой же объективной реальностью, как и сами финансы. Оно возникло одновременно с возникновением государства и является его неотъемлемым атрибутом» [8, с. 40]. В том, что объект правового регулирования финансового права возник одновременно (или, во всяком случае, хронологически близко) с возникновением государства, сомневаться действительно не приходится. Так что автор прав, если исхо-

дить из вышеупомянутого подхода к пониманию того, чем является отрасль права.

Но можно ли говорить о существовании новой отрасли права в тот момент, когда предмет ее как самостоятельный не осознавался ни доктриной, ни законодателем? Нам представляется, что «отрасль права», никем не осознанная в качестве таковой, не может являться частью правовой реальности (как, в свою очередь, части общественной реальности). Поскольку и правотворчество, и правосознание являются одними их ключевых компонентов правовой реальности, то, следовательно, говорить о реальном существовании такой «отрасли права» нельзя, а можно лишь вести речь о существовании потенциальном. Мы полагаем, что процесс перехода «потенциальной» отрасли права в отрасль права «реальную» с процессом образования «новой» отрасли права имеет лишь терминологическое различие, поскольку и в том и другом случае (если это разные случаи!) процессы должны сопровождаться одинаковыми явлениями: признанием доктриной, появлением самостоятельной нормативной базы, выделением специфических методов и т.д.

Механизм образования новых отраслей права целесообразно изучать на примере объектов, которые могут быть отраслями права в стадии формирования. Сразу же обращают на себя внимание так называемые «комплексные отрасли права». Их существование как элементов системы права часто отрицалось на том основании, что выделение первостепенных и второстепенных отраслей права противоречит принципам построения системы права, поскольку все отрасли подсистемы одного уровня, то и иерархии среди них быть не может [2, с. 299; 3, с. 11]. Это вполне логично, если считать что нормативные акты одного уровня имеют одинаковую юридическую силу. Правда, на практике существуют объективные исключения, например, применение гражданского законодательства к земельным отношениям. Или применение земельного законодательства к иным природоресурсным отношениям (лесным, водным). И в том и другом случае иерар-

хия фактически основывается на правиле о приоритете специальных норм над общими нормами права. Комплексные отрасли права объективированы в нормативных обобщениях, выраженных в общих положениях, принципах, некоторых специфических приемах регулирования [7, с. 185]. Но все принципы, методы комплексной отрасли права производны от принципов и методов основных отраслей права, а значит, и должны им следовать. Но тогда непонятно, зачем нужны комплексные отрасли права именно как особые подсистемы, почти на уровне отрасли права. Очевидно, только исходя из предмета правового регулирования, который немного отличается от предмета правового регулирования основной отрасли права, но не имеет такого значения.

Проблему существования комплексных отраслей права можно попытаться свести к чисто понятийной проблеме. Так, если под термином «отрасль права» понимать упомянутый ранее ряд имманентных признаков, то следует заключить, что комплексная отрасль права соответствует только одному из них (и то не полностью), а значит, употребление в термине «комплексная отрасль права» словосочетания «отрасль права» сомнительно. Показательна здесь уже упомянутая позиция Д.А. Керимова. Он, анализируя систему права, описывает объекты, похожие на комплексные отрасли права, но резко выступает против использования этого понятия [2, с. 299]. (Поскольку комплексная отрасль права, по существу, отраслью права не является, то иногда предлагаются иные термины для их обозначения, например, «полуотрасль»).

Недостатки данной схемы могут быть устранены, на наш взгляд, если считать комплексную отрасль права отраслью права, находящейся в стадии формирования (точнее, в стадии, предшествующей оформлению данной подсистемы системы права в новую отрасль права). В этом случае традиционные отрасли права выступают как база для формирования новых отраслей права. В дальнейшем комплексная отрасль права может развиваться в полноценную новую отрасль права (обрастая кодексами, законами и т.п.). Например, утверждалось,

что следовало бы отказаться от понятия комплексной отрасли права (примерно по тем же причинам, которые уже приводились выше), но для каждой отрасли права, называемой ныне комплексной отраслью права, следует найти свой предмет и метод.

Рассматривая принадлежность норм, регулирующих использование природных ресурсов, можно отметить, что их источником послужила не одна основная отрасль права, хотя термин для этого остается прежним – «комплексная отрасль права». Но это будет уже другой разновидностью комплексной отрасли права, так называемой «интегрированной комплексной отраслью права», или, как ее называл С.С. Алексеев, – «суперотраслью», «надотраслью» [7, с. 196]. Хотя правильность этих терминов можно, на наш взгляд, оспаривать, но отрицать существование интегрированных структурных образований, которые понимаются под этими терминами, достаточно сложно. Основными примерами таких образований являются природоресурсные и природоохранные отрасли. Очевидно, что единственной причиной, определяющей данный статус этих образований (надотраслей), является общность регулируемых общественных отношений. Эти правовые образования тоже можно рассматривать как отрасли права, находящиеся в стадии формирования. Однако существуют и правовые образования, в изменении которых необходимости нет (например, судебное право). Таким образом, характер того или иного правового образования такого типа остается спорным.

Другим объектом исследования при изучении формирования отраслей права является институт права. Под правовым институтом понимается объективно сложившаяся внутри отрасли права группа правовых норм, регулирующая с требуемой детализацией типичное общественное отношение и в силу этого приобретающая относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования [2, с. 300].

Общими с отраслью права характеристиками института права являются следующие: обособленность и органическое

единство компонентов; специфичность метода; относительная самостоятельность; устойчивость и определенная автономность [2, с. 300] (но меньшая, чем у отрасли права, а С.С. Алексеев вообще отрицал замкнутость института права [7, с. 120]).

Следовательно, в целом институт права отличается от отрасли права только объемом предмета правового регулирования. Собственными признаками института права являются следующие:

– воздействие на определенный участок общественных отношений (впрочем, сам термин «участок» крайне нечеток, поскольку любую по размеру группу общественных отношений можно назвать участком, но, по крайней мере, этот участок меньше того, что составляет предмет отрасли права);

– фактическая и юридическая однородность – единые понятия, общие положения, собственная юридическая конструкция;

– формальное обособление правового института [7, с. 128].

Перечисленные признаки соответствуют каждому конкретному институту в разной мере в зависимости от степени его развития. Можно выделить смешанные институты (из разных отраслей права), их существование признается даже некоторыми авторами, отрицающими существование комплексных отраслей права. Пограничные правовые институты – следствие взаимодействия смежных однородных отраслей права.

Развитие этих институтов может проходить по следующим направлениям:

а) как института одной отрасли права и последующая потеря комплексного характера;

б) как новой отрасли права; для этого необходимо появление новых понятий и конструкций, а также общей части с принципами и общими началами, но такое накопление не идентично разрастанию нормативного материала самого по себе [9, с. 8].

Если же стоять на позиции отрицания существования комплексных институтов права, то она приводит к осознанию проти-

воречий между системой законодательства и системой права. Например, в качестве части системы права объект должен быть полноценной отраслью, но законодательно он еще не развит и является комплексной отраслью законодательства.

Вопрос же о соотношении отрасли права и отрасли законодательства является проблемным. В российской юриспруденции большую поддержку имеет взгляд на систему права как на объективное структурное качество права. Меньшее доверие вызывает представление о систематике правовых норм, которая основана также на объективных признаках, но выбранных автором систематики субъективно (например, включение в законодательство, в целом относящееся к одной отрасли права, нормативных правовых актов другой отрасли права, что не меняет их отраслевой принадлежности). Считается, что система законодательства обладает определенной степенью независимости от системы права. Иными словами, существуют отрасли законодательства, не являющиеся отраслями права. Но все-таки факт наличия сложившейся новой отрасли законодательства свидетельствует об особенностях структуры права.

Таким образом, можно констатировать, что элементы структуры права, не вписывающиеся в ее логическую схему, но сходные по ряду признаков с отраслями права, являются формирующимися от-

раслями права. Однако это не означает, что из них обязательно должна сформироваться полноценная новая отрасль права. Это лишь означает, что есть реальная возможность начаться процессу формирования новой отрасли права.

1. Бобылев А.И. Современное толкование системы права и системы законодательства // Государство и право. 1998. № 2.

2. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.

3. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Правоведение. 2000. № 4.

4. Александров П.Г. О месте трудового права в системе отраслей социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 5.

5. Шаргородский М.Д., Иоффе О.С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6.

6. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1983.

7. Павлов И.В. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 11.

8. Анишин А.Ю. Предмет финансового права: Современное состояние. М., 2004.

9. Поленина С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9.

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства**ДОРОЖНАЯ КАРТА ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (КАДРОВЫЙ
ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, ОТКРЫТОСТЬ ДЛЯ ДОВЕРИЯ И ОПТИМИЗАЦИЯ):
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ****А.П. Алексеева**

(доцент кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент; alexeeva.va-mvd@yandex.ru)

Статья посвящена подробному анализу первых трех разделов проекта «Дорожной карты дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации», вынесенного Общественной палатой Российской Федерации для всенародного обсуждения. Изучен потенциал норм, направленных на повышение кадрового профессионализма, открытости, оптимизации деятельности разных структур

Ключевые слова: реформирование, органы внутренних дел, профессионализм, открытость, доверие, оптимизация.

Начало процесса реформирования МВД России было положено Указом Президента Российской Федерации «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» еще в 2009 г. [1] Активная фаза преобразований началась с 1 марта 2011 г., когда вступил в силу Федеральный закон «О полиции» [2] и главой государства были подписаны семь указов, непосредственно определяющих направления реорганизации [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Первый этап реформы закончился 21 мая 2012 г. сменой руководителя Министерства внутренних дел Российской Федерации, когда на эту должность указом Президента Российской Федерации был назначен генерал-лейтенант полиции Владимир Колокольцев. Рассуждая об итогах произошедших изменений, он заявил, что нерешенными остались такие ключевые проблемы, как, например, «палочная» система оценки деятельности сотрудников органов внутренних дел и отсутствие других ее критериев; неполнота учета и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях; нарушения дисциплины сотрудниками полиции и т.д. Следовательно, меры, принятые в рамках реформирования Министерства внутренних дел Российской Федерации, были необходимыми, но недостаточными [10].

Для исправления ситуации и разработки перспективного плана действий по формированию высокопрофессиональной, авторитетной и пользующейся доверием населения службы 14 июня 2012 г. Владимир Колокольцев создал при Министерстве внутренних дел Российской Федерации Расширенную рабочую группу по дальнейшему реформированию органов внутренних дел [11] (далее – Группа). В состав Группы были включены известные правозащитники, депутаты, юристы, эксперты с опытом работы в МВД России и других силовых ведомствах.

Одним из результатов работы Группы стал проект свода положений, то есть наглядного пошагового сценария развития, названного «Дорожной картой дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации» [12] (далее – «Дорожная карта»), который представляет собой комплекс первоочередных мер по реорганизации министерства в рамках второго этапа реформирования. Содержание «Дорожной карты» разделено на пять направлений: первое направление – это кадровый профессионализм; второе – открытость для доверия; третье – оптимизация; четвертое – доступность правоохранительной помощи; пятое – адекватный ответ новым вызовам и угрозам. Данный документ впервые вобрал в себя наибо-

лее значимые предложения, высказанные в ходе обсуждения реформы. Его, безусловно, следует признать нужным и своевременным. Но при всех его положительных свойствах он, на наш взгляд, не лишен некоторых пробелов, перекосов и ненужных нагромождений. Остановимся на некоторых из них более подробно.

1. Кадровый профессионализм.

Среди наиболее значимых пунктов этого раздела следует отметить пункт 1.5, который предлагает создать единую базу данных *о поступивших в отношении сотрудников полиции жалобах и заявлениях граждан* с тем, чтобы можно было более объективно и всесторонне оценивать эффективность деятельности каждого работника системы.

Одновременно другой пункт – 1.8 – предлагает оперативно реагировать на необоснованные нападки, оговоры, клевету в отношении сотрудников полиции, для чего планируется использовать потенциал юридической службы системы МВД России.

Но что делать, если такие же необоснованные нападки на сотрудников полиции происходят внутри системы, например, со стороны руководства? Кто в этом случае должен защитить сотрудника полиции?

Пункт 1.10 некоторым образом отвечает на эти вопросы: «Следует ужесточить ответственность руководителей всех степеней за противоправные действия в отношении подчиненных... Признание в установленном порядке действий руководителя незаконными (восстановление уволенного сотрудника на службе по решению суда, отмена приказа о привлечении к дисциплинарной ответственности и т.д.) должно влечь за собой обязательную дисциплинарную ответственность руководителя, принявшего соответствующее решение».

Признание таких решений незаконными (восстановление уволенного сотрудника на службе по решению суда, отмена приказа о привлечении к дисциплинарной ответственности и т.д.) предполагает ведение длительной и упорной борьбы сотрудника с системой фактически один на один. Учитывая, что профессиональные союзы сотрудников органов внутренних дел России (возможность их создания и функци-

онирования закреплена в ст. 31 Федерального закона «О полиции» [2]) – пока еще структуры довольно молодые и не имеют весомой силы, достаточного опыта и авторитета, на наш взгляд, в «Дорожной карте» следовало бы тщательно продумать механизмы их развития и незамедлительного реагирования на нарушения трудовых и социальных прав сотрудников полиции их сослуживцами, и особенно руководством.

Отдельного внимания заслуживает пункт 1.12, закрепляющий возможность проведения выборочных аттестаций некоторых подразделений, служб и сотрудников.

Осуществленная в 2011 г. переаттестация, превратившая сотрудников милиции в сотрудников полиции, оставила у общества немало вопросов. Опыт показал, что далеко не все, кто злоупотреблял служебным положением, нарушал права граждан и т.д., были «отфильтрованы» строгими аттестационными комиссиями. Более того, звучали нарекания, что с помощью аттестации руководство органов внутренних дел избавлялось от неугодных им сотрудников. И действительно, четких механизмов и алгоритмов проведения этих испытаний нигде прописано не было. Поэтому установить, насколько объективны были оценки тех или иных сотрудников, теперь довольно сложно. Руководство подразделений по собственному усмотрению формулировало вопросы, задаваемые своим подчиненным в ходе переаттестации, тем более что пункт 36 Приказа МВД России «О порядке проведения аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» [13] позволяет членам аттестационных комиссий задавать аттестуемому сотруднику *«любые вопросы»*, связанные с его служебной деятельностью. Закрепляя возможность проведения подобных выборочных проверок и в дальнейшем, в «Дорожной карте» следовало бы четко обозначить границы и правила их реализации, чтобы в следующий раз это мероприятие не превращалось в экзамен с «открытым перечнем вопросов». С его помощью нужно было бы производить реальную оценку деловых и профессиональных качеств сотрудников полиции *по зафиксированным докумен-*

тально успехам и достижениям сотрудника, а не *устное тестирование* его памяти.

2. Открытость для доверия.

Неоспоримым достоинством этого раздела является положение, закрепленное в пункте 2.2: «МВД России намерено активно взаимодействовать с гражданским обществом», осуществляя *постоянный мониторинг общественного мнения* о работе полиции (пункт 2.1) и *постоянный мониторинг проблем*, возникающих во взаимоотношениях бизнес-структур и органов полиции (пункт 2.8). Но механизмы осуществления такого исследования нигде не оговариваются, хотя «*постоянный мониторинг*» подразумевает реализацию сплошного наблюдения, когда фиксации подлежат все единицы изучаемой совокупности. А судя по формулировке пункта 4.13 «Дорожной карты», *изучать мнения граждан о деятельности органов внутренних дел планируется путем социологических опросов и контент-анализа СМИ*, что относится к несплошным формам наблюдений, а именно к выборочному наблюдению. В этом случае следовало бы либо называть вещи своими именами и говорить о «периодическом выборочном исследовании», либо предлагать реальные формы и способы «постоянного мониторинга».

3. Оптимизация.

Совершенно справедливым считаем положение 3.8 «Дорожной карты»: «Требуют рассмотрения вопросы определения наиболее оптимальной системы подразделений по борьбе с организованной преступностью с одновременным решением вопроса о роли и задачах Главных управлений МВД России по федеральным округам».

Но отдельные предложения авторов «Дорожной карты» выглядят, по меньшей мере, спорно. Так, в пункте 3.4 предлагается «в целях компенсации недостающей штатной численности участковых уполномоченных полиции подготовить проект федерального закона *о муниципальных инспекторах по охране общественного порядка, которые выполняли бы функцию помощников участкового уполномоченного полиции*». Финансирование и материально-техническое обеспечение муниципальных

помощников участкового уполномоченного полиции планируется возложить на бюджеты субъекта Федерации и органа местного самоуправления. Более того, в пункте 3.10 высказывается намерение *использовать в охране правопорядка на муниципальном уровне силы общественности*.

Считаем подобные инициативы нецелесообразными и малообоснованными, поскольку в правовом государстве *правоохранительные функции обязаны выполнять только органы государственной власти*, наделенные для этого законными полномочиями. Данные функции *нельзя перекладывать на частные предприятия и гражданские формирования*. А если в стране фиксируется очевидная нехватка определенных кадров, таких как участковые уполномоченные, то *надо решать проблему расширения штата* сотрудников, а не создавать какую-то другую, дополнительную структуру с дублирующими функциями.

Совершенно иной случай, когда речь идет о привлечении помощников из числа гражданского населения, например, к поиску пропавших людей. И здесь мнение авторов «Дорожной карты», отраженное в пункте 3.13, мы полностью разделяем: «Необходимо оптимизировать работу по розыску лиц, пропавших без вести, особенно детей... Следует работу по розыску пропавших без вести определить в числе одного из приоритетных направлений... привлекать к поиску людей волонтерские организации».

Дискуссионными представляются многочисленные предложения авторов «Дорожной карты» о создании разнообразных дополнительных «групп», «пунктов», «центров», «комиссий» — искусственных формирований, целью деятельности которых, судя по всему, должна стать оптимизация взаимодействия между различными структурами. Так, в пункте 1.9 обосновывается необходимость *создания в МВД России постоянно действующей рабочей группы по взаимодействию с Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и с Управлением по надзору за соблюдением прав*

предпринимателей Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Аналогичные рабочие группы, по мнению авторов «Дорожной карты», целесообразно создать в МВД республик, ГУ, УМВД субъектов Федерации по взаимодействию с региональными представительствами Уполномоченного по защите прав предпринимателей и с соответствующими подразделениями органов прокуратуры в субъектах Федерации.

В пункте 3.3 авторы предлагают создание *передвижных полицейских пунктов с приемом местного населения*, а также открытие таких *временных пунктов* в школах, местных общественных центрах, на пересадочных узлах, в торгово-развлекательных центрах *для приема граждан и немедленного реагирования на их сигналы о преступлениях и иных правонарушениях*.

В пункте 3.13 предлагается *создать центры по поиску пропавших детей* при ГУУР МВД России и УУР МВД республик, ГУ, УМВД по субъектам Федерации (по модели американского центра поиска пропавших детей – г. Александрия, штат Вашингтон).

На основании пункта 4.2 планируется *создать федеральный центр обработки статистических данных о состоянии преступности*.

В пункте 5.2 рассматривается возможность *создания Межведомственной комиссии при МВД России* по противодействию торговле людьми (по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, МИД России, СК России, ФСБ России, ФМС России, ФТС России, Росфинмониторингом).

Учитывая, что в ходе реформы МВД России количество сотрудников полиции *уменьшилось на 22 %*, полагаем, что данные инициативы вряд ли применимы в настоящих условиях. Единственное, что можно было бы предложить для решения перечисленных выше проблем, – *постараться оптимизировать работу уже имеющихся структур, не расширяя штата действующих сотрудников*. Следует полностью поддержать мнение авторов «Дорожной карты», отраженное в пункте 3.2: «В ходе первого этапа реформы была со-

кращена численность низовых подразделений полиции, осуществлено укрупнение органов внутренних дел муниципальных образований. Это негативно отразилось на обеспечении доступа граждан к правоохранительной помощи (затруднена процедура подачи заявлений в сельской местности, в поселках и малых городах, снижена скорость реагирования на сообщение о преступлениях)». Вместе с тем нельзя отрицать, что в настоящее время стремительно развиваются электронные технологии, и все большее число граждан получает возможность пользоваться услугами Интернета, в том числе через мобильные устройства (телефоны, планшеты, нэт-буки и т.д.). В связи с этим, по нашему мнению, было бы более эффективно развивать *электронные формы общения граждан с районными органами полиции* (в настоящее время гражданину можно обратиться в ближайший РОВД полиции через Интернет, но только используя веб-страницы органов полиции субъектов федерации или МВД России), сокращать время реагирования на эти сообщения, отправленные через Интернет, сосредоточить основные силы на техническом перевооружении органов внутренних дел, развитии системы видеонаблюдения, например такой, как «безопасный город» [14]. Тем более что в пункте 2.2 высказывается намерение «...развивать предоставление государственных услуг органами внутренних дел, в том числе в электронном виде». Действительно, практикой доказано, что минимизация общения гражданина с чиновником по вопросам заявительного характера приводит к существенному снижению уровня коррупции и других нарушений.

Наши замечания, как видно из их содержания, носят дискуссионный характер. Мы лишь высказываем свое собственное мнение по поводу некоторых положений проекта «Дорожной карты». В целом это начинание мы полностью поддерживаем, считаем его правильным и необходимым для успешной реализации второго этапа реформирования органов внутренних дел. Хотя доработка отдельных его пунктов позитивно сказалась бы на дальнейших пла-

нируемых нововведениях, которые призваны улучшить качество оказываемых правоохранительных услуг населению.

1. О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 24 дек. 2009 г. № 1468: ред. от 1 марта 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 52 (Ч. 1). Ст. 6536; Рос. газ. 2011. 2 марта.

2. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ: ред. от 25 июня 2012 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

3. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248: ред. от 12 июля 2012 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 10. Ст. 1334.

4. Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 249 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 10. Ст. 1335.

5. Вопросы организации полиции: указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 250 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 10. Ст. 1336.

6. О внеочередной аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 251: ред. от 12 мая 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 10. Ст. 1337. (Документ утратил силу с 24 янв. 2012 г. в связи с изданием Указа Президента Российской Федерации «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации» от 24 янв. 2012 г. № 104).

7. О предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 252: ред. от 19 сент. 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 10. Ст. 1338.

8. Об утверждении перечня должностей высшего начальствующего состава в органах внутренних дел Российской Федерации, в Федеральной миграционной службе, в Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств и соответствующих этим должностям специальных званий: указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 253: ред. от 5 июля 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 10. Ст. 1339.

9. О признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 254 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 10. Ст. 1340.

10. МВД признало провал первого этапа реформирования // Информационное агентство «ФедералПресс» [Электронный ресурс]. URL: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/mvd-priznalo-proval-pervogo-etapa-reformirovaniya.

11. О создании Расширенной рабочей группы по дальнейшему реформированию органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 14 июня 2012 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.mvd.ru/news/show_107927/#top_page.

12. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (проект) // Общественная палата Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem>.

13. О порядке проведения аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 14 марта 2012 г. № 170 // Рос. газ. № 94. 2012. 27 апр.

14. Безопасный город // ITV | AxxonSoft: [Электронный ресурс]. URL: http://www.itv.ru/verticals/homeland_security.

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ

С.Ф. Ярославцев

(заместитель начальника отдела координации научных исследований и внедрения передового опыта Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук; 8 (3452) 59-84-97)

С.В. Ярославцева

(помощник судьи Арбитражного суда Тюменской области; svetvik@tyumenarbitr.ru)

В статье раскрывается понятие информационно-правовой политики в сфере судебной деятельности как важнейшей составляющей государственной правовой политики. Со ссылкой на нормативные правовые акты проанализировано современное состояние информационно-правового обеспечения судебной деятельности в Российской Федерации. Обозначены отдельные направления совершенствования процессов информатизации в сфере судебной деятельности, а также проблемы, тормозящие их развитие.

Ключевые слова: информационно-правовая политика, информация, судебная деятельность, судебная власть, судебные акты, Интернет.

Информационно-правовая политика Российского государства в сфере судебной деятельности направлена на повышение уровня эффективности судопроизводства внутри судебной системы, а также на открытость судебной власти перед участниками судебных процессов и всей заинтересованной общественностью. При этом информационно-правовая политика в сфере судебной деятельности является одним из направлений информационно-правовой политики Российского государства, предметом правового регулирования которой выступают отношения по формированию и использованию информационно-правового поля и информационно-правовых технологий, возникающие при рассмотрении дел российскими судами всех уровней.

Проявлением информационно-правовой политики в государстве является реализация особо значимых для общества интересов, а именно обеспечение гарантии справедливого, законного, беспристрастного и как можно более скорого правосудия. Таким образом, правовая политика, направленная на решение столь важных вопросов, должна являться одним из главных звеньев государственной правовой политики. Реализация мер информационно-правовой политики должна обеспечи-

вать выполнение государством одной из важнейших функций – функции по обеспечению законности и стабильности в государстве, способствовать повышению уровня доверия граждан к судебной системе и к государству в целом.

Поскольку по отношению к понятию информационно-правовой политики в сфере судебной деятельности понятие правовой политики является родовым, то для характеристики последнего воспользуемся подходом Н.И. Матузова, который рассматривает правовую политику как комплекс целей, мер, задач, программ, установок. При этом имеется в виду область отношений, связей и интересов, охватываемых понятием «правовое пространство» и объективно нуждающихся в регулятивном опосредовании (упорядочении) со стороны публичной власти [1, с. 77]. По его мнению, «разработка эффективной правовой политики государства, обоснование концепции правового развития на ближайшее время и на перспективу – одна из неотложных задач современной юридической науки» [1, с. 75].

Таким образом, применительно к понятию «информационно-правовая политика государства в сфере судебной деятельности» под правовым пространством сле-

дует понимать комплекс целей, мер, задач, программ, установок, направленных на урегулирование информационно-правовых отношений, возникающих в ходе осуществления правосудия и выполнения иных возложенных на нее задач российской судебной властью. При этом итогом реализации такого комплекса правовых средств должно стать значительное снижение поступления в суды необоснованно заявляемых исков, повышение качества принимаемых судебных актов, исключение ситуаций вынесения судьями заведомо неправосудных решений и – как следствие – повышение уровня доверия граждан к судебной системе, направленность спорящих сторон на разрешение конфликтных ситуаций исключительно правовыми средствами, что соответственно приводит к повышению уровня социальной и экономической стабильности в государстве.

Как отмечает В.М. Боер, теория информационно-правовой политики государства представляет собой новое перспективное научное направление, возникшее на основе общей теории права и государства, теории информатизации, кибернетики, широкого использования достижений научно-технической революции в области информационных технологий [2, с. 2].

По мнению указанного ученого, информационно-правовая политика государства представляет собой целенаправленную политико-правовую деятельность по формированию высокого уровня правовой культуры общества, соответствующей объективно существующей системе социально-экономических отношений. Она основана на теории информационно-правовой политики, которая представляет собой комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение правовых реалий настоящего и прогнозируемой перспективы по обеспечению прогрессивного развития общества. Другими словами, она представляет собой высшую, самую развитую форму организации научного знания, дающего целостное представление о закономерностях, существенных связях в области правовой действительности, обеспечивающей жиз-

неспособность общества на пути прогрессивного развития.

Информационно-правовая политика вместе с данной теорией призвана обеспечить переход к информационному обществу на основе формирования информационной культуры как свода правил поведения, вписывающихся в мировую гуманистическую культуру человечества [2, с. 4].

Исходя из вышеизложенного, можно предложить следующее понимание дефиниции «информационно-правовая политика государства в сфере судебной деятельности»: это совокупность целей, мер, средств, задач, программ, установок, направленных на повышение информированности граждан о деятельности судебной власти, на повышение доступности и открытости судопроизводства для участников судебных процессов и иных заинтересованных лиц, а также на качественное преобразование подходов к осуществлению правосудия судами посредством использования достижений научно-технического прогресса в области информационных технологий.

При этом основным моментом, определяющим возможность формирования и реализации информационно-правовой политики в сфере судебной деятельности, на наш взгляд, является волеизъявление государства на открытость и доступность органов судебной власти для всех заинтересованных в этом лиц и всего общества в целом. Иными словами, в таком волеизъявлении государства прослеживается его заинтересованность в повышении уровня правовой культуры общества, уровня правосознания, его стремление к укреплению авторитета судебной власти, представляющей одну из ветвей государственной власти.

По мнению В.Н. Путило, государственная политика не должна идти впереди права, то есть политическая целесообразность обязана обладать и качеством правовой необходимости [3, с. 127].

Считаем, что указанное замечание вполне справедливо, однако имеются основания предполагать, что такое теоретическое положение не всегда будет согласовываться с практикой, поскольку, например,

обязательность применения информационных технологий при формировании массивов правовой судебной информации имеет ряд особенностей, выходящих за рамки императивных указаний закона. В частности, закрепленная в нормах обязательность опубликования всех судебных актов судами Российской Федерации всех уровней на сегодняшний день не может быть реализована в полной мере, поскольку для этого необходимо соответствующее материальное, информационно-техническое и кадровое обеспечение органов судебной власти.

Объективное отсутствие технической возможности реализации поставленной перед судами задачи информировать широкие круги общественности обо всех принимаемых решениях (определениях, постановлениях) может свести на «нет» исполнение норм права, закрепляющих обязанность судов производить размещение такой информации на общедоступных информационно-правовых ресурсах.

В связи с этим информационно-правовая политика государства в сфере судебной деятельности в настоящее время не может в полной мере отождествляться с правовой политикой, представляющей совокупность правовых средств.

Между тем сегодня можно с уверенностью говорить о том, что реализация направлений информационно-правовой политики в сфере судебной деятельности является одной из приоритетных задач государства, направленных на развитие процессов демократизации в обществе, повышение открытости судебной власти и гласности судопроизводства. Об этом свидетельствуют изданные в последнее десятилетие законы и подзаконные нормативные акты.

Одним из первых в числе таких нормативных правовых актов было принято постановление Совета судей Российской Федерации от 16.11.2001 № 60 «О Концепции информационной политики судебной системы» [4], согласно которому Концепция информационной политики судебной системы Российской Федерации является выражением официальных взглядов судейского сообщества России на цели, задачи,

принципы и основные направления работы в информационной сфере, представляющей собой совокупность информации (информационных ресурсов), субъектов, осуществляющих сбор и распространение информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных и правовых отношений.

Согласно Концепции, непосредственно под информационной политикой судебной системы понимается проведение комплекса мероприятий нормативно-правового, организационного, научно-исследовательского, издательского и иного характера, направленных на гармонизацию отношений судебной власти и общества, понимание гражданами сложности проводимой в государстве судебной реформы, пропаганду идей правосудия, а также на объективное освещение деятельности судов в средствах массовой информации.

Кроме того, Концепцией определены такие основные направления реализации информационной политики судебной системы, как: создание системы информационного обеспечения судебной власти, структурирование и объединение ее ресурсов в информационной сфере, приоритетное разрешение в ней общих проблем всех ветвей судебной власти; создание систем автоматизированного сбора судебных решений, которые обеспечивают доступ к судебной информации не только для судей, но и для иных пользователей – юристов, представителей науки, средств массовой информации и т.д.; нормативно-правовое регулирование взаимоотношений судов и средств массовой информации и другие.

В целях реализации Концепции информационной политики судебной системы постановлением Президиума Верховного Суда РФ 24 ноября 2004 г. утверждено Положение по созданию и сопровождению официальных Интернет-сайтов судов общей юрисдикции [5].

Согласно названному Положению Интернет-сайты управлений (отделов) Судебного департамента в субъектах Российской Федерации созданы для обеспечения доступа граждан, юридических лиц, органов государственной власти к информа-

ции о деятельности районных, городских, гарнизонных военных судов, управлений (отделов) Судебного департамента в субъектах Российской Федерации, реализации механизмов общественного доступа к информации о правосудии, создания механизмов информационного взаимодействия с гражданами, а также для решения иных задач в области информационной политики судейского сообщества России.

При этом в Положении отмечается, что работа Интернет-сайтов управлений (отделов) Судебного департамента должна строиться в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», Федеральным законом от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене», Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера», постановлением Совета судей Российской Федерации от 16 ноября 2001 г. № 60 «О Концепции информационной политики судебной системы».

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 10 августа 2007 г. № 96 были утверждены Методические рекомендации по ведению официальных Интернет-сайтов управлений (отделов) Судебного департамента в субъектах Российской Федерации [6], разработанные в соответствии с Концепцией информатизации судов общей юрисдикции (Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие») и базирующиеся на основных принципах организации работы по формулированию целевых задач и выстраиванию типовой структуры Интернет-сайтов судов общей юрисдикции.

Можно сказать, что с этого времени началась деятельность судебной системы

по созданию сайтов судов общей юрисдикции, а затем по модернизации с целью увеличения объемов размещаемой информации и улучшению пользовательских интерфейсов.

Большим достижением в сфере регламентации общественных отношений, связанных с реализацией направлений информационно-правовой политики в сфере судебной деятельности и с повышением открытости судебной власти, явилось принятие Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [7] (далее – Федеральный закон № 262-ФЗ), вступившего в силу с 1 июля 2010 года.

В данном Законе обобщены и систематизированы основные принципы и подходы, которые были ранее изданы на уровне вышеуказанных подзаконных актов, а также введены новые положения, направленные на регулирование отношений, связанных с доступом к информации о деятельности судов.

Согласно статье 4 вышеуказанного Закона, основными принципами обеспечения доступа к информации о деятельности судов являются:

1) открытость и доступность информации о деятельности судов, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации;

2) достоверность информации о деятельности судов и своевременность ее предоставления;

3) свобода поиска, получения, передачи и распространения информации о деятельности судов любым законным способом;

4) соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту их чести и деловой репутации, права организаций на защиту их деловой репутации; соблюдение прав и законных интересов участников судебного процесса при предоставлении информации о деятельности судов;

5) невмешательство в осуществление правосудия при предоставлении информации о деятельности судов.

В статье 6 Федерального закона № 262-ФЗ перечислены способы обеспечения доступа к информации о деятельности судов, среди которых: присутствие граждан (физических лиц), в том числе представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления, в открытом судебном заседании; обнаружение (опубликование) информации о деятельности судов в средствах массовой информации; размещение информации о деятельности судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; размещение информации о деятельности судов Судебным департаментом, органами Судебного департамента, органами судейского сообщества; ознакомление пользователей информацией с находящейся в архивных фондах информацией о деятельности судов; предоставление пользователям информацией по их запросу информации о деятельности судов.

Особым случаем является обеспечение доступа к информации о деятельности судов посредством сети «Интернет», поскольку именно данный способ является наиболее доступным и позволяет с минимальными затратами времени знакомиться с судебной информацией различных судебных органов, в том числе территориально отдаленных, неограниченному кругу лиц: как участникам судебных процессов, так и иным лицам, заинтересованным в получении такой информации.

Статьей 10 Федерального закона № 262-ФЗ разъясняется, что суды, Судебный департамент, органы Судебного департамента для размещения информации о деятельности судов используют сеть «Интернет», в которой создают свои официальные сайты с указанием адресов электронной почты, по которым может быть направлен запрос. В случае если суд общей юрисдикции (районный суд, гарнизонный военный суд, мировой судья) не имеет официального сайта и возможности размещать информацию о своей деятельности в сети «Интернет», указанная информация может размещаться на официальном сайте органа Судебного департамента в субъекте Рос-

сийской Федерации, на территории которого находится этот суд общей юрисдикции.

В довольно объемной по своему содержанию статье 14 Федерального закона № 262-ФЗ содержится перечень, согласно которому в сети «Интернет» на официальных сайтах судебных органов размещается информация о деятельности судов. Важным моментом является то, что данная статья предписывает судам размещать, в том числе, сведения о находящихся в суде делах: регистрационные номера дел, их наименования или предмет спора, информацию о прохождении дел в суде, а также сведения о вынесении судебных актов по результатам рассмотрения дел (назначено к слушанию, с указанием даты, времени и места проведения судебного заседания, рассмотрено, отложено, приостановлено, прекращено, заключено мировое соглашение, заявление оставлено без рассмотрения, иное (с учетом особенностей соответствующего судопроизводства); тексты судебных актов, размещаемые с учетом требований, предусмотренных статьей 15 настоящего Федерального закона, сведения об их обжаловании и о результатах такого обжалования, а при опубликовании судебных актов – сведения об источниках их опубликования; разъяснения, обобщения и обзоры по вопросам судебной практики рассмотрения судами дел.

Как показывает практика, именно данная информация наиболее востребована участниками процесса и иными заинтересованными лицами. В частности, размещение текстов судебных актов, результатов их обжалования, обобщений и обзоров по вопросам судебной практики рассмотрения судами дел влияет на предсказуемость результата рассмотрения дел определенных категорий, соответственно, ознакомившись с имеющейся в суде практикой, потенциальные истцы имеют возможность грамотно обозначить свою правовую позицию при подаче иска в суд, сократив тем самым время судебного разбирательства, либо отказаться от намерения подавать иск, по которому перспектива проиграть дело очевидна.

В целях реализации Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 20.04.2009 № 71 утвержден Регламент размещения информации о деятельности судов общей юрисдикции, органов судейского сообщества, системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в сети «Интернет» [8], приказом Верховного Суда РФ от 18.06.2010 № 10-П утвержден Порядок организации доступа к информации о деятельности Верховного Суда Российской Федерации [9], постановлением Президиума Совета судей РФ в от 27.01.2011 № 253 утвержден Регламент организации размещения сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте суда общей юрисдикции [10].

В частности, п. 3.4 Регламента, утвержденного постановлением Президиума Совета судей РФ от 27.01.2011 № 253, установлено, что на сайте суда размещаются в полном объеме тексты судебных актов, подлежащих в соответствии с законом опубликованию, в том числе: тексты судебных актов, вынесенных по гражданским делам, возникающим из публичных правоотношений, в частности по делам об оспаривании нормативных правовых актов и о защите избирательных прав; тексты вступивших в законную силу судебных актов, вынесенных по делам, рассмотренным в порядке части 3 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; тексты вступивших в законную силу судебных актов, содержащих требование об их опубликовании через конкретное средство массовой информации в соответствии со статьей 35 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации».

При этом в целях защиты информации, не подлежащей разглашению, пунктом 3.5 Регламента определено, что не подлежат размещению на сайте суда тексты судебных актов, вынесенных по делам:

затрагивающим безопасность государства; возникающим из семейно-правовых отношений, в том числе по делам об усыновлении (удочерении) ребенка, другим делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних; о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности; об ограничении дееспособности гражданина или о признании его недееспособным; о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар и принудительном психиатрическом освидетельствовании; о внесении исправлений или изменений в запись актов гражданского состояния; об установлении фактов, имеющих юридическое значение, разрешаемых в порядке статьи 126 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Вышеуказанные нормативные правовые акты свидетельствуют о пристальном внимании государства к проблемам информационно-правового обеспечения деятельности судов, участников процесса и иных заинтересованных лиц. Информационно-правовая политика государства в сфере судебной деятельности направлена на повышение эффективности работы судов и их информационной открытости.

Об этом свидетельствуют и положения Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р [11].

Согласно данной Концепции, внедрение в деятельность судебной системы современных информационных технологий является одним из основных мероприятий Программы до 2012 года, направленных на обеспечение открытости и прозрачности правосудия, реализацию конституционного права на судебную защиту, оптимизацию сроков рассмотрения дел и споров, сокращение количества не завершенных производством дел и исключение случаев утраты документации, повышение качества и эффективности работы аппаратов судов, а также на создание условий для удобного и быстрого доступа к информации.

Кроме того, в соответствии с Концепцией, по итогам реализации Программы до 2012 года во всех федеральных судах общей юрисдикции, арбитражных судах и в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации созданы официальные сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Количество автоматизированных рабочих мест, включенных в единую информационную систему федеральных судов общей юрисдикции, составило 72 518 единиц, в единую информационную систему арбитражных судов – 14 000 единиц.

Таким образом, достижения в сфере реализации направлений информационно-правовой политики государства в сфере судебной деятельности очевидны, но нельзя не признать, что процессы по информационно-правовому обеспечению судебной системы ведутся недостаточно быстро и эффективно, в частности, судебные акты «выгружаются» не все и недостаточно оперативно из-за отсутствия соответствующего материально-технического оснащения, профессионально подготовленных для данной сферы кадров, а также большой загруженности судей и работников аппаратов судов.

Данный факт отмечается и в Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы», в которой указывается, что реализация мероприятий, направленных на развитие судебной системы России, определенных Президентом Российской Федерации в качестве основных, в частности совершенствование системы размещения судебных решений с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обеспечение доступа к этим решениям, потребует значительно укрепление материально-технической базы органов судебной власти.

Кроме того, в рамках разработки мероприятий по переходу к юридически значимому электронному документообороту требуются подготовка и принятие закона, закрепляющего возможность подписания судебных актов при помощи электронной

цифровой подписи для судей арбитражных судов.

Все вышеперечисленное, а также реализация мероприятий федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» по созданию «мобильного правосудия», «электронного правосудия», внедрению программных средств аналитического обеспечения деятельности, осуществлению сканирования всех поступающих в суды документов, а также формирование электронных дел и формирование электронного архива судебных дел позволят упростить доступ граждан к правосудию, обеспечить качественную и эффективную работу судов, повысить информационную открытость судебной системы в Российской Федерации.

В заключение необходимо отметить, что реализация целей и задач информационно-правовой политики Российского государства в сфере судебной деятельности на сегодняшний день – одно из наиболее активно развивающихся и значимых направлений деятельности судебной власти, в осуществлении которой заинтересованы и государство, и судебные органы, и участники судебных процессов.

1. Матузов Н.И. Правовая политика: сущность, концепция, реальность // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: НОРМА, 2003.

2. Боер В.М. Информационно-правовая политика и безопасность России: Теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998.

3. Социология права: учеб. пособие / под ред. В.М. Сырых. М.: Юстицинформ, 2001.

4. О Концепции информационной политики судебной системы: постановление Совета судей РФ от 16.11.2001 № 60. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс. Судебная практика».

5. Положение по созданию и сопровождению официальных Интернет-сайтов судов общей юрисдикции Российской Федерации: утв. постановлением Президи-

ума Верховного Суда РФ от 24.11.2004. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Судебная практика».

6. Об утверждении Методических рекомендаций по ведению официальных Интернет-сайтов управлений (отделов) Судебного департамента в субъектах Российской Федерации: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 10.08.2007 № 96. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

7. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федер. закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ: ред. от 18.07.2011 // Рос. газ. 2008. 26 дек. № 265; КонсультантПлюс: Высшая школа: учеб. пособие. 2012. Вып. 18. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

8. Об утверждении Регламента размещения информации о деятельности судов общей юрисдикции, органов судейского сообщества, системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в сети «Интернет»: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 20.04.2009 № 71: ред. от 14.02.2011. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

9. Порядок организации доступа к информации о деятельности Верховного Суда Российской Федерации: утв. приказом Верховного Суда РФ от 18.06.2010 № 10-П: ред. от 30.12.2011 (вместе с Положением о порядке размещения текстов судебных актов на официальном сайте

Верховного Суда Российской Федерации в сети «Интернет», Положением о порядке ознакомления пользователей информацией с информацией о деятельности Верховного Суда Российской Федерации, находящейся в архивном фонде Верховного Суда Российской Федерации, Положением о порядке обнародования (опубликования) информации о деятельности Верховного Суда Российской Федерации в средствах массовой информации и взаимодействия Верховного Суда Российской Федерации с редакциями средств массовой информации, Положением о порядке направления, регистрации и обработки запросов, поступающих в Верховный Суд Российской Федерации в виде электронных документов по сети «Интернет»). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

10. Об утверждении Регламента организации размещения сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте суда общей юрисдикции: постановление Президиума Совета судей РФ от 27.01.2011 № 253: ред. от 24.03.2011. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

11. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы»: распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. 10 янв. № 40. Ст. 5474.

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: ПРЕДПОСЫЛКИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

Е.Г. Комиссарова

(профессор кафедры правовой подготовки сотрудников ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, профессор; 8 (3452) 59-84-37)

Анализируя имеющиеся достижения юридических и иных наук по проблеме чести и достоинства, автор стремится раскрыть сущность таких благ, как профессиональные честь и достоинство. В статье эти категории исследуются в аспекте нравственных регуляторов профессионального поведения государственных служащих с обоснованием необходимости междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: *честь, достоинство, личные нематериальные блага, государственные служащие, профессиональная честь, профессиональное достоинство.*

Изменения, осуществляемые в структуре и деятельности институтов власти, обуславливают необходимость формирования нового типа государственного служащего, чьи профессиональные качества зависят не столько от социально-бытовых условий их жизни, сколько от политических, правовых и нравственных норм, выступающих ориентирами профессионального поведения и образующих их духовный норматив. Это ставит в разряд значимых и необходимых ценностно-культурные параметры личности государственных служащих. В условиях изменения идеологических подходов с ними связывается новое качество профессиональных ресурсов, стоящих на службе интересов государства и общества*.

* Как отмечено в Кодексе профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, разработанном с учетом общих принципов служебного поведения государственных служащих, необходимость соблюдения норм этики и нравственности при исполнении служебных обязанностей – один из видов должного профессионального поведения государственных служащих. Этические требования – это такие требования, которые обращены к сознанию и совести сотрудника (см.: Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД РФ от 24 дек. 2008 г. № 1138. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Государственная служба – это вид деятельности, связанный с осуществлением политики государства и реализацией от имени государства основных экономических, социальных и политических программ. Государственный служащий – это часть государства, залог его успешного функционирования, отсюда следует ряд нормативно сформулированных качеств, которыми государственный служащий должен обязательно обладать. Как следует из актов действующего законодательства, в ряду характеристик, влияющих на качество профессиональной успешности государственного служащего, находятся его профессиональные честь и достоинство.

Эти понятия как факторы нравственного профессионального поведения во множестве присутствуют в действующих нормативных правовых актах самой разной отраслевой принадлежности. Тем самым законодатель стремится унифицировать и стандартизировать поведение государственных служащих, отводя праву собственную роль в установлении групповых этических норм и правил поведения, лежащих в плоскости морали.

Понятия «профессиональная честь» и «профессиональное достоинство» относятся к разряду понятий производных, так как произошли от понятий «честь» и «достоинство», позиционируемых по от-

ношению к ним как понятия материнские. В действующем законодательстве они формально не определены. Для права понятия «честь» и «достоинство», относящиеся к морально-этическим, были и остаются, в первую очередь, понятиями воображаемыми, а не нормативными.

Но смысловое их наполнение в праве достаточно ясное – это блага, сопутствующие личности. Сущностная сторона этих благ во многом оценочная, а потому юристы в части их определения неизменно прибегают к толковым словарям. При этом редко задумываются о том, что они «изначально не приспособлены для выполнения правовых функций и не могут быть основанием для принятия следственных и судебных решений» [1, с. 262].

Отсюда нетождественность определений чести и достоинства, раскрываемых разными авторами. Поскольку в целом они не выглядят противоречиво, для целей настоящей статьи приведем относительно универсальные научные формулировки чести и достоинства. Согласно им определение чести трактуется как объективная оценка (положительная или отрицательная) обществом конкретной личности в совокупности ее качеств, свойств и способностей.

Применительно к понятию чести всегда различают два аспекта – объективный и субъективный, т.е. личный. Внутренняя (субъективная) сторона заключается в способности человека самому оценивать свои действия и поступки, осознавать свою честь, репутацию, чувствовать о себе мнение в определенной общественной среде и выступать как внутренний мотив деятельности и поведения личности. В основе представления о чести лежит определенный критерий нравственности. В силу этого проявляется объективный характер категории чести, отражающей достоинство индивида в сознании других людей, общественная его оценка, положительная репутация человека. Отсюда честь – это положительная оценка отражений духовных качеств лица в сознании окружающего общества.

Достоинство раскрывается через оценку личностью своих моральных и иных социальных качеств, которая основана на оценке общественной. Наряду с честью, достоинство определяет отношение к человеку как высшей общественной ценности.

Ценностный аспект понятий «честь» и «достоинство», имеющих собственное определение за пределами права, применительно к праву многозначен. Первичная их значимость для права заключается в признании чести и достоинства видами личных нематериальных благ, находящихся в ряду объектов гражданских прав, по отношению к которым у их обладателей есть права. Примерный перечень таких благ содержится в ст. 150 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), и эта норма небезосновательно считается одной из зримых точек пересечения норм морали и права.

В ней констатируется наличие у физического лица названных благ, поэтому она выполняет функцию «связующего звена» между морально-этическими и разноотраслевыми правовыми понятиями, оформляющими права физического лица по отношению к таким благам, как честь и достоинство, их защиту, охрану, восстановление.

Вторичная значимость понятий «честь» и «достоинство», находящихся в неразрывной связи между собой в силу того, что в их основе лежит единый критерий нравственности, состоит в том, что они стали производными для таких понятий, как «профессиональная честь» и «профессиональное достоинство». Кроме общего нравственного критерия их объединяет «групповой» характер. В отличие от чести и достоинства, носителями которых являются отдельные индивиды в социуме, применительно к этим понятиям речь идет об индивидах, относящихся к конкретным профессиональным сообществам (группам).

Так, сотрудник полиции, с одной стороны, как и все его соотечественники, – обычный член социума, обладающий имущественными и личными неимущественными правами, реализация которых

обеспечивает его необходимое социальное благополучие как физического лица. С другой стороны, в силу того, что сотрудник полиции – это государственный служащий, т.е. лицо, исполняющее свои профессиональные обязанности от имени государства, он должен обладать особыми нравственными характеристиками. Отсюда дуализм его правового статуса.

В рамках своего второго статуса он наделяется дополнительными правами (и обязанностями), в числе которых право на профессиональные честь и достоинство, составляющими, наряду с профессиональным долгом, основу его профессиональной этики, где в понятии «профессиональная честь» выражается оценка значимости профессии полицейского в жизни общества.

Осознание этой значимости важно для всякого государственного служащего и в идеале должно составлять основу его профессионального достоинства, самооценку собственной деятельности. В плане аргументации этого тезиса оказываются актуальными Семь заповедей для полицейских служащих, которыми руководствовалась немецкая полиция после Второй мировой войны. В числе первых среди таких заповедей была гордость своей принадлежностью к полиции.

Не менее звучными являлись и остальные шесть заповедей: беспристрастность, неподкупность, справедливость; непоколебимая строгость и мужество в борьбе с преступностью; вежливость, скромность и доброжелательство в отношении к законопослушным гражданам; готовность помочь, особенно детям, старикам и немощным людям; быть хорошим полицейским, на которого можно положиться в любое время и в любой ситуации [2, с. 73]. Благодаря этим послевоенным заповедям Германия сегодня обладает глубоко проработанной концепцией этических норм поведения сотрудника полиции, а этические вопросы стали значимой частью полицейской науки.

Для российского же законодателя эти понятия пока остаются в числе не до конца идентифицированных**.

Во всякой человеческой деятельности присутствует нравственный аспект, следовательно, деятельность может быть предметом и моральной оценки. Отсюда и внимание законодателя к категориям профессиональных чести и достоинства, постепенно становящимся элементом профессиональной культуры, влияющим на профессиональную самооценку государственных служащих, их социальную успешность и служебный авторитет. Эти тенденции неизбежно тематизируют и актуализируют вопрос о достаточности того общеупотребительного значения, в котором принято использовать профессиональную честь и профессиональное достоинство.

Как и базовые понятия «честь» и «достоинство», понятия «профессиональная честь» и «профессиональное достоинство» обладают морально-этическим подтекстом, а соответственно являются безграничными и также оценочными. Согласно общеупотребительному значению, под честью, в ее профессиональном значении, понимается заслуженная репутация, доброе имя, личный, авторитет, проявляющиеся в верности гражданскому и служебному долгу, данному слову и принятым нравственным обязательствам. Профессиональное достоинство принято неразрывно связывать с долгом и честью, оно представляет собой единство морального духа, высоких нравственных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе и других людях. Небезосновательно принято считать, что профессиональные честь и достоинство одного служащего – это профессионально-нравствен-

** Понятие «профессиональная честь» употреблялось ранее в таком советском законе, как Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении (ст. 14), принятых Верховным Советом СССР 19 декабря 1969 г. (см.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 52. Ст. 466). Однако никаких норм, направленных на ее защиту, принято не было, а потому понятие существовало в разряде умозрительных. В целом же советское законодательство, ориентированное на слом государственного аппарата, не использовало таких понятий.

ный потенциал того коллектива, в котором выполняется служебная деятельность.

По смыслу нормативных текстов, в которых используются понятия «профессиональная честь» и «профессиональное достоинство», они не только образуют морально-нравственные основания правового статуса государственных служащих, допустимый прогноз их служебного поведения, но и выступают регуляторами такого поведения. И коль скоро эти категории попали в сферу правового регулирования, необходима идентификация этих понятий применительно к нормативной сфере. Причина ясна и понятна – право должно «знать», что ему охранять. Отсюда задачи юридической и иных общественных наук, имеющих непосредственную связь с юриспруденцией: они должны быть связаны с вычленением субъективных и объективных характеристик этих категорий, их местом в общественном и профессиональном сознании государственного служащего, с анализом факторов, влияющих на формирование этих качеств у государственных служащих, и факторов, препятствующих их формированию.

Решение этих и сопутствующих им задач с поиском соответствующих ответов должно быть подчинено определенному методологическому регламенту. Он заключается в том, что юридические суждения в сфере идентификации чести, достоинства и производных от них понятий не должны быть и не могут являться суждениями первого порядка. Связано это с тем, что наделение такими благами каждого индивида как участника социума и как участника профессионального сообщества – отнюдь не заслуга нормативных установлений, исходящих от государства и его органов. Ибо ни одна отрасль права, ни один нормативный акт не могут наделить физическое лицо честью и достоинством, как и государственного служащего профессиональными честью и достоинством. Соответственно, в задачу права не входит формулировка легальных дефиниций этих понятий, поэтому для права они всегда будут находиться в разряде оценочных.

Концепция, согласно которой право не регулирует данные отношения в их нормальном состоянии, а только обеспечивает их охрану от возможных нарушений, была высказана более пятидесяти лет назад О.С. Иоффе [3, с. 55-56]. В этом же ключе развивается современное законодательство и гражданское право, вслед за Конституцией Российской Федерации наделившее граждан *правами* на честь и достоинство и поименовавшее эти блага (наряду с жизнью, здоровьем, личной жизнью и именем) для целей охранительного воздействия в качестве личных нематериальных благ, как благ нетоварных, необоротоспособных, не имеющих денежного эквивалента. Отсюда смысл и назначение правовых суждений о чести и достоинстве и производных от них слов. Они, применительно к области правового регулирования, не в феноменологических характеристиках этих качеств, а в юридическом признании принадлежности физическому лицу прав на неотчуждаемые нематериальные блага и права на их охрану от посягательств. Следование этой аксиоме предопределяет вторичность правовых суждений, против всех иных, по отношению к таким видам нематериальных благ, как честь и достоинство. И происходит эта вторичность от того, что эти блага не нуждаются в позитивном регулирующем воздействии, поскольку правовые нормы не могут и не должны содержать каких-либо указаний относительно порядка владения, пользования и распоряжения ими.

Следование обозначенному методологическому приему выводит на первый план значимость и первоочередность суждений внеправового характера, предопределяя целесообразность и необходимость междисциплинарного подхода к исследованию чести и достоинства физического лица и их производных в виде профессиональных чести и достоинства.

В методике научной деятельности междисциплинарный подход означает заимствование и перетекание подходов и методов различных дисциплин, включая создание междисциплинарных объектов. В числе таких объектов честь и достоинство как широкие, богатые по содержанию

и глубоко диалектические по своей природе категории, способные восприниматься в сферах нравственного сознания (как чувства и как понятия), этики (как категории морали) и права в виде защищаемых законом социальных благ.

Общеизвестна формализованность правового пространства, делающая его намного уже всех иных пространств. Сравнение морально-нравственного, философского, социального пространств и пространства правового позволяет увидеть гораздо больший объем первых трех. Это предопределяет необходимость учета «трудозатрат» представителей соответствующих областей, которые неизбежно должны учитываться в изысканиях правовых.

Так, методы философского характера формируют методологическую направленность всякого правового исследования. Особенности познавательных средств философии, берущие начала от онтологических предпосылок существования социальной жизни, философские суждения о должном, не совпадающие с сюжетом реально существующих повседневных событий — это те предпосылки, которые обеспечивают впоследствии понимание существующего права, его реальное назначение и адекватность действующих правовых форм. А если учесть, что «философия нацелена на выявление человеческого содержания в предметных формах права» [4, с. 19], то ее приемы, направленные на исследование истории формирования и эволюции представлений о правах человека: от примитивных, ограниченных и неразвитых до современных, выполняют незаменимую роль в феноменологической методологии.

Не менее важен и тот факт, что понятия «честь» и «достоинство» — это не только нравственные, деятельностные категории, но и исторические, и в философской науке они появились раньше, чем в юридической, о них, как понятиях оценочных, философы заговорили раньше юристов, как и о разных видах чести — гражданской, служебной, военной, рыцарской, мужской. Так, по А. Шопенгауэру, «служебная честь — это всеобщее мнение других, что человек, занимающий свою должность,

действительно имеет все необходимые для этого качества и во всех случаях точно исполняет свои служебные обязанности» [5, с. 360].

В отличие от философии, «располагающей возможностями рассуждать о должном» [6, с. 9], такая наука, как социология, изучает действительность. В ее «компетенции», применительно к исследуемому вопросу, лежит исследование проблемы функций исследуемых категорий, которые выступают не только «корректорами» профессионального поведения, но и критериями его стандартизации. Значимы в этой части функции контроля и социального влияния по отношению к таким благам, как профессиональные честь и достоинство.

Исследование чести и достоинства, профессиональных чести и достоинства в рамках разных предметных отраслей неправового свойства не устраняет необходимости исследования этих категорий в рамках правового подхода, который также дифференцирован в связи со структурным делением права.

Право как явление социальной жизни тесно связано с человеческим бытием, благом, справедливостью. Это обуславливает его объективную связь с другими науками, в рамках которых формулируются исследовательские итоги долгого и сложного пути философско-религиозного и социального осмысления чести и достоинства как видов основополагающих прав лиц, получивших впоследствии государственное и международно-правовое признание. Истинное же назначение правовых суждений должно сводиться к поискам наиболее совершенных теоретических и правовых моделей, относящихся к условиям, способам и формам защиты этих благ. Так, теория гражданского права не без участия судебной практики [7] достаточно четко определилась с общим пониманием таких категорий, как «честь» и «достоинство»; сформулированы также юридико-фактические основания возникновения охранительного правоотношения по защите чести и достоинства (ст. 152 ГК РФ). Значимы они и для профессиональных чести и достоинства. Наряду с имеющимися законодательными

достижениями в этой области, предстоит доктринально сформировать идеологически устойчивые и эффективно работающие ценностные ориентиры для государственных служащих с учетом сферы применения их служебных усилий. Наличие такого теоретического задела позволит повысить социальный статус, престиж и репутацию государственной службы, обеспечит формирование позитивного облика государственного служащего и существование зримых нравственно-этических, морально-нравственных, интеллектуально-мировоззренческих, организационно-управленческих характеристик. А в условиях внесения неформальных коррективов в способы и методы работы государственных служащих, совершенствования их профессионального облика даст возможность сформировать и внедрить профессиональный поведенческий стандарт государственного служащего, в котором понятия «профессиональная честь» и «профессиональное достоинство» будут наделены необходимыми признаками идентификации.

В силу специфики задач, выполняемых государственными служащими, их профессиональные честь и достоинство могут стать объектом посягательств, нуждаясь в соответствующих формах и способах правовой защиты. Проблемы такой защиты нашли отражение в доктрине – перечень работ, посвященных им, внушителен. При всей их значимой просветительской, теоретической и практической ценности нельзя не увидеть, что они посвящены главным образом защите таких наиболее важных нематериальных благ, как жизнь и здоровье, и, как правило, в уголовно-правовом аспекте. Иные аспекты затронуты слабо. Так, например, как показывает уголовно-правовая практика, не столь редки случаи восприятия фактов нарушения профессиональных чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел через убеждение о том, что это необходимый атрибут их профессиональной деятельности, сопряженной с негативной социальной средой. Ущербность такого убеждения очевидна. Дело не ограничивается лишь искаженным восприятием нормальной профес-

сиональной жизнедеятельности органов внутренних дел как одного из важных сегментов действующей правоохранительной системы, имеют место и факты «удара» по репутации этих органов и их роли в государственном управлении. Страдает и индивидуальное измерение в деятельности органов внутренних дел, относящееся к чувствам конкретного сотрудника. В их числе чувства профессиональной престижности службы в органах внутренних дел, надежности профессионального статуса, репутации конкретного сотрудника в системе органов внутренних дел и его ощущения, связанные с причастностью к этому виду государственной деятельности.

Обзор и анализ имеющегося законодательства показывает, что институт правовой защиты профессиональных чести и достоинства относится к числу комплексных. Это обязывает и правовую доктрину к его междисциплинарному исследованию с целью обеспечения системного взаимодействия имеющихся разноотраслевых норм, направленных на защиту этих благ, их цельного идейного начала, связанного с недопустимостью всякого покушения на основы федеральной государственной службы и ее представителей. При этом надлежит придерживаться того аксиоматического установления, что взаимодействие норм – это не только учет соотношения норм материального права различной отраслевой принадлежности с нормами процессуальных отраслей, это и учет основных правовых позиций Европейского Суда по правам человека, выраженных в его постановлениях и касающихся вопросов применения и толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждое лицо имеет право на защиту своей чести и доброго имени, а также норм Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» [8]. Известно, что позиция Европейского Суда по правам человека направлена на декриминализацию проблемы, связанной с нарушением и защитой личных нематериальных благ. Международная практика придержи-

ется в этом вопросе использования гражданско-правовых мер и способов защиты. Применительно к исследуемой тематике надлежит отыскать тот разумный взвешенный баланс, который необходим всякому правовому государству при решении вопроса о том, под юрисдикцию каких норм – уголовно-правовых, административных или гражданско-правовых и в каких случаях должны попадать правонарушения, связанные с ущемлением профессиональных чести и достоинства. Пока среди имеющих таких исследований, которые на междисциплинарном уровне обеспечили бы цельный и одновременно внутренне дифференцированный подход к проблемам правовой защиты чести и достоинства государственных служащих, нет. Для реализации указанных идей необходим должный доктринальный задел со стороны научной мысли, который бы послужил идеологическим, политическим, законодательным и мировоззренческим целям, связанным с защитой профессиональных чести и достоинства государственных служащих.

1. Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в су-

дебных процессах по защите чести и достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.

2. Кукушкин В.М. Полицейская деонтология. Социологический анализ зарубежных концепций. М.: Изд-во Акад. МВД РФ, 1994.

3. Иоффе О.С. Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР // Советское государство и право. 1956. № 2.

4. Малинова И.П. Философия правотворчества. Екатеринбург, 1996.

5. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости // Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992.

6. Козлихин И.Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. 2000. № 3.

7. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февр. 2005 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

8. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 14. Ст. 1514.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ПРИДОМОВУЮ ТЕРРИТОРИЮ

Л.В. Олейник

(советник Правового управления Департамента земельных ресурсов г. Москвы;
oleynik_lv@mail.ru)

В статье исследуется целесообразность «приватизации» земельного участка под многоквартирным домом, проблема выгоды для собственников жилых и нежилых помещений. Автор отмечает коллизионные аспекты нормативного регулирования в вопросах закрепления границ таких земельных участков и отсутствие четких критериев в законодательстве субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: придомовая территория, право собственности, границы и размеры земельного участка, собственники жилых и нежилых помещений.

На протяжении последних лет ведутся большие споры относительно того, является ли «приватизация» земельного участка под многоквартирным домом выгодной и необходимой для собственников жилых и нежилых помещений, каков размер земельного участка, который может стать собственностью жителей многоквартирного дома. На сегодняшний день имеется достаточно информации, разносторонних мнений и суждений ученых, а также материалов судебной практики, чтобы сделать определенные выводы.

Для начала небольшой экскурс в нормативную базу. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 36 Земельного кодекса РФ земельные участки, на которых находятся сооружения, входящие в состав общего имущества многоквартирного дома, жилые здания и иные строения предоставляются в качестве общедомового имущества в общую долевую собственность домовладельцев в порядке и на условиях, которые установлены жилищным законодательством. Пунктом 1 ст. 36 Жилищного кодекса РФ предусмотрено, что земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом, с элементами озеленения и благоустройства и иными предназначенными для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома объектами, расположенными на земельном участке, принадлежит собственникам помещений в многоквартирном доме на праве общей долевой собственности. Границы и размер такого земельного участка определяются в соответствии с требованиями

земельного законодательства и законодательства о градостроительной деятельности. Наличие подобных норм не исключает коллизий, причиной которых является расхождение между нормами федерального законодательства об условиях закрепления границ земельного участка и отсутствием четко определенного аналогичного критерия на уровне субъекта Российской Федерации. Примером может быть земельное законодательство города Москвы о расчете площади земельного участка для эксплуатации многоквартирных домов. Понятно, что в этом основа разногласий между органами государственной власти, в чьем ведении находится определение, согласование и закрепление границ на местности, и непосредственно собственниками помещений многоквартирного дома.

Для преодоления этой коллизии региональные власти прилагают собственные усилия. Так, в апреле 2012 г. министр Правительств г. Москвы, руководитель Департамента земельных ресурсов г. Москвы В. Ефимов, выступая с докладом о проблемах межевания жилых кварталов на заседании Московской городской Думы, предложил два варианта формирования границ земельного участка и его последующего предоставления в собственность: по подшве (т.е. под пятном застройки) или в соответствии с проектом межевания. Фактически это означает, что у домовладельцев есть выбор. Но, как показывает практика, собственники жилых помещений, ратующие за «приватизацию» придомовой

территории, желая считать ее «своей», не до конца осознают правовые последствия соответствующих юридических действий. В частности, крайне редко берутся в расчет вопросы бремени содержания данного вида имущества, последующее распоряжение полученным правом собственности на земельный участок. Как указал В. Ефимов, «...для нас не имеет значения, какой вариант выберут граждане. Опасаемся лишь за то, что по незнанию многие могут оказаться в ситуации, когда к квитку квартплаты придет еще одна квитанция на оплату земельного участка с прилегающими к дому территориями. А сумма за год на квартиру получается не малая. Поэтому граждане должны понимать, на какой шаг они идут».

Выбор способа оформления земельного участка под многоквартирным домом обязывает соблюсти установленную законом процедуру. Согласно ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» земельный участок, на котором расположены многоквартирный дом и иные входящие в состав данного дома объекты недвижимого имущества, который сформирован до введения в действие Жилищного кодекса РФ и в отношении которого проведен государственный кадастровый учет, переходит бесплатно в общую долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме. В случае если земельный участок, на котором находится многоквартирный дом и иные входящие в состав данного дома объекты недвижимого имущества, не сформирован до введения в действие Жилищного кодекса, собственник помещения вправе обратиться в органы государственной власти или органы местного самоуправления с заявлением о формировании земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом.

Какого-либо специального решения органа государственной власти или местного самоуправления о предоставлении земельного участка в собственность собственников помещений многоквартирного дома не требуется. Данное положение под-

тверждено постановлением Конституционного Суда РФ от 28 мая 2010 г. № 12-П по делу о проверке конституционности частей 2, 3 и 5 ст. 16 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации», частей 1 и 2 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации, пункта 3 статьи 3 и пункта 5 статьи 36 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е.Ю. Дугенец, В.П. Минина и Е.А. Плеханова [1].

О том, что право общей долевой собственности на общее имущество принадлежит собственникам помещений в здании в силу закона независимо от его регистрации в ЕГРП, указано в п. 3 постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» [2].

Таким образом, государственная регистрация права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме, включая земельный участок, носит правоудостоверяющий, а не правоустанавливающий характер, и осуществляется в заявительном порядке.

Признание конкретного земельного участка, не имеющего, как правило, естественных границ, объектом гражданских прав, равно как и объектом налогообложения, невозможно без точного определения его границ в соответствии с федеральными законами, как того требует ст. 11.1 Земельного кодекса РФ во взаимосвязи со ст.ст. 11 и 389 Налогового кодекса РФ.

В связи с этим на практике возникает целый ряд проблем. Очень часто упоминается о неправомерной практике выделения земельных участков по контуру здания «под отмостку», которая является самым крайним случаем определения минимальной площади земельного участка, «меньше которого уже нельзя». Имеются и другие подходы, связанные с отношением к так называемой минимальной площади земельных участков, необходимой для использования многоквартирных домов и определяемой на основе нормативов, действовавших на период застройки соответствующих территорий. В Российской Феде-

рации действует правовой акт, обобщивший все ранее действовавшие правовые акты об определении размеров земельных участков. Это Методические указания по расчету нормативных размеров земельных участков в кондоминиумах, утвержденные Приказом Минземстроя России от 26 августа 1998 г. № 59.

В Методических указаниях имеется таблица с удельными показателями земельной доли, приходящейся на 1 м² общей площади жилых помещений для зданий разной этажности разных периодов застройки, а также поименованы нормативно-технические документы, с использованием данных которых таблица была подготовлена:

– Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений (ПиН 1929), утверждены 20.07.1929;

– Правила и нормы планировки и застройки городов (СН 41-58), утверждены 01.12.1958, введены в действие с 01.11.1959;

– Строительные нормы и правила. Планировка и застройка (СНиП 11-К.2-62), утверждены 07.05.1966, введены в действие с 01.01.1967 взамен СН 41-58;

– Нормы проектирования. Планировка и застройка городов, поселков и сельских населенных пунктов (СНиП 11-60-75), утверждены 11.09.75, введены в действие 01.01.1976 взамен СНиП 11-К. 2-62.

В вопросах «приватизации» земельных участков, образующих придомовую территорию, практика сталкивается сегодня с противостоянием двух взаимоисключающих принципов – утверждающего и отрицающего – в виде обязательности соблюдения ранее действовавших нормативов застройки при определении минимальной площади земельных участков. Первый – утверждающий – принцип, закрепленный в федеральном законодательстве, отражает следующее: «...все правообладатели квартир в многоквартирных домах имеют право на соответствующий земельный участок, размеры которого не могут быть меньше соответствующей минимальной величины (за исключением случаев, когда сложившееся землепользование не позволяет выдер-

жать эту минимальную величину). Указанное право в части выделения земельного участка не меньше минимальной величины не ограничивается по срокам реализации и не может быть ущемлено, например, в случае уплотнения застройки [3, с. 115].

Другими словами, федеральный закон устанавливает принцип соблюдения минимального стандарта в части закрепления еще не реализованных прав собственников, нанимателей квартир на пространство вокруг многоквартирных домов, в которых они проживают. Это право может быть реализовано только одним способом – путем межевания. При его проведении (независимо от того, по чьей инициативе и с какими целями оно проводится) должны соблюдаться указанные минимальные стандарты, которые определяются не возникшими в данный момент намерениями (например, намерениями уплотнить существующую застройку путем нового строительства), а ранее сложившейся ситуацией. То есть сначала фиксируется и получает правовое закрепление факт землепользования, который состоялся задолго до возникновения намерений сегодняшнего дня, а затем в отношении этого закрепленного правовым образом факта (выделенных земельных участков в размерах не меньше минимальных) публично решается вопрос о возможности или невозможности изменения сложившегося землепользования (в том числе путем уплотнения застройки, если таковое допустимо в силу наличия свободных участков или по волеизъявлению правообладателей квартир, реализовавших свое право на земельные участки домов, в которых они проживают) [3, с. 215].

На практике же, в частности в городе Москве, реализуется прямо противоположный принцип, противоречащий федеральному законодательству. Норма о минимальной площади земельных участков, на которых расположены многоквартирные дома, является нормой федерального закона о градостроительной деятельности. То, что в Конституции РФ отсутствует прямое указание о градостроительном законодательстве как предмете исключительного ведения Российской Федерации либо сов-

местного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, дает сомнительное основание для отнесения градостроительного законодательства к предмету исключительного ведения субъектов Российской Федерации, что и сделано, например, в Уставе города Москвы [4, с. 38]. На этом же основании делается вывод о необязательности следования указанной выше норме федерального закона о градостроительной деятельности и, соответственно, о возможности при проведении межевания застроенных территорий выделять земельные участки, на которых расположены многоквартирные дома, меньше минимальной площади, определенной нормативами, которые уже не действуют.

Принцип, утверждающий «уплотняющие нормативы», реализуется посредством соответствующих нормативно-технических документов. В Москве, например, это «Нормы проектирования планировки и застройки города Москвы» (МГСН 1.01-99), утвержденные Постановлением Правительства г. Москвы от 25 января 2000 г. № 49, которые периодически корректируются в сторону еще большего «уплотнения». При этом при проведении межевания не используются ни общегосударственные нормативы на соответствующие периоды, ни аналогичные документы, действовавшие в Москве в соответствующие периоды застройки (1964, 1974, 1981, 1985 годы – ВСН-2-64, ВСН-2-74, ВСН-2-81, ВСН-2-85).

Можно сопоставить, например, нормативы ныне действующего документа МГСН 1.01-99 с нормативами 1970-х годов, зафиксированных в ВСН-2-74. По отношению к ранее действовавшему документу нынешний устанавливает сокраще-

ние удельного размера жилой территории микрорайона, приходящейся на 1 м² общей площади застройки по группам этажности: 5 этажей – на 37 %, 9 этажей – на 21 %.

Очевидно, что за формально-юридической стороной дела стоят практические соображения, подкрепленные соответствующей градостроительной политикой. Такая политика всегда является результатом баланса разнонаправленных и противоречивых интересов. Понятно, что в сравнении с инвестиционно-строительными интересами интересы правообладателей квартир в существующих многоквартирных домах не являются приоритетными, тогда как рассмотренная норма ч. 4 ст. 43 Градостроительного кодекса РФ защищает интересы именно правообладателей квартир.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что в настоящее время с учетом последних изменений норм жилищного законодательства наблюдаются тенденции по реализации прав собственников помещений многоквартирного дома на «приватизацию» земельного участка под многоквартирным домом в сторону упрощения предусмотренного порядка. Собственникам помещений остается лишь выбрать способ оформления своих прав в зависимости от желаемых границ и дожидаться проведения межевания территории.

1. Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 5.

2. Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 9.

3. Трутнев Э.К., Бандорин Л.Е. Комментарий к Градостроительному кодексу РФ. М.: Проспект, 2010.

4. Устав города Москвы от 1 июня 2011 г. № 22 // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2011. № 34.

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

А.Л. Анисин

(начальник кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор философских наук, доцент; anisin@bk.ru)

В статье анализируются криминологические последствия политики мультикультурализма. В качестве ключевого фактора, определяющего как логику формирования идеологии мультикультурализма, так и причины ее негативных криминологических последствий, рассматривается современный цивилизационный кризис и разрыв с традиционной системой ценностей.

Ключевые слова: мультикультурализм, идеология, этническая преступность, цивилизационный кризис, традиционные ценности.

Не секрет, что одной из болезненных проблем современного мира является резкий рост проявлений экстремизма. Конечно, любому явлению современности можно найти некий аналог в прошлом: в определенном смысле верны слова, что «нет ничего нового под солнцем». Однако нельзя не видеть и качественного своеобразия этой ситуации, как и многих других современных проблем. Так, например, наркотики, как и злоупотребление и торговля ими, известны уже многие века, если не тысячелетия, но наркомания и наркоторговля только в XX веке приобрели такой размах, что стали угрожать существованию народов, государств, да и человечества в целом. Терроризму и экстремизму также можно найти аналоги в истории, однако тот масштаб террористических угроз и экстремистских движений, который являет современный мир, очевидно, беспрецедентен. Дело в том, что, в отличие от аналогичных явлений прошлого, современный экстремизм получает идеологическое обоснование.

Помимо традиционного анализа социальных, экономических, психологических детерминант преступного поведения, современная криминология должна учитывать также и идеологический фактор. Этот фактор связан со всеми перечисленными сферами жизни, но не сводится ни к одной из них. Механизм действия этого фактора также весьма специфичен. Прежде всего,

идеологически детерминированный экстремизм не является уделом одиночек и маргиналов. Идейное обоснование экстремизма обуславливает существование целых террористических организаций, притом – в отличие от «традиционной» организованной преступности – преследующих политические интересы не в качестве побочного эффекта легализации криминальных авторитетов, а в качестве изначальных программных целей.

XX век прошел под знаком господства идеологий, и в XXI веке тенденция идеологизации жизни, видимо, сохраняется. Здесь тоже надо ясно понимать качественное отличие современной ситуации от ее аналогов в прошлом. Всегда были идейные разногласия между людьми, всегда можно было видеть в обществе различные группы, разделенные по интересам (классовым, национальным и т.д.), всегда происходили контакты культур, отличающихся друг от друга по мировоззренческим принципам. Но когда мы говорим об идеологизации жизни, о господстве идеологий, имеется в виду активное (а подчас и агрессивное) внедрение в массовое сознание неких идей с целью подчинить жизнь этим идеям. Идеология не возникает стихийно, она всегда есть продукт деятельности идеологов. Идеология, конечно, нуждается в соответствующей «почве», но она именно *насаждается* на эту почву, *вращивается*

и приносит плоды. Огромный ресурс для идеологической обработки сознания представляют собой средства массовой информации, определяющие лицо современной цивилизации. Развитие технологий – как производственных, так и информационных – задает, таким образом, общую тенденцию идеологизации жизни, а как следствие – пространство для распространения экстремистских идеологий. Однако технологический прогресс и связанные с ним перемены в общественной жизни дают не только новые возможности для трансляции экстремизма, но и новую почву для него.

Развитие систем коммуникаций – как транспортных, так и информационных – привело к тому, что к концу XX века мир оказался насквозь ими пронизан. Напрашивается такая формулировка – и она часто звучит, – что «мир стал единым». Однако эти поспешные заверения в единстве мирового сообщества не отражают реальности и не дают увидеть действительные причины современных проблем.

Во многом основу современного экстремизма и ксенофобии образует как раз наличие развитых коммуникаций при отсутствии настоящего человеческого единства. На протяжении всей истории был совершенно невозможен в том виде, в котором это происходит теперь, контакт между различными культурами. Этот контакт, во-первых, является очень интенсивным, быстрым и тесным: в течение нескольких часов человек из далекой страны может оказаться в совершенно иной культурной среде, чтобы через несколько месяцев, а то и раньше снова вернуться домой и вскоре снова уехать на заработки. Во-вторых, благодаря тем же коммуникациям, человек даже в чужой стране не теряет связи с родной культурой, оказывается более устойчив к ассимилирующему воздействию среды.

Кроме того, при всей своей интенсивности межкультурные контакты диффузно распределены по социальному пространству. Эти контакты пронизывают все современное общество, не может существовать столь отдаленного места, которое было бы застраховано от возникновения инокультурных национальных или религиозных

общин или организаций, финансируемых из-за рубежа. Таков, видимо, естественный ход жизни... Однако на практике этот «естественный ход» зачастую сопряжен с весьма болезненными явлениями.

Интенсивные межкультурные контакты зачастую продуцируют межнациональную напряженность и ксенофобию, которые образуют питательную почву для экстремистских настроений. При этом не единственной, может быть, но очень значимой причиной ксенофобии по отношению к «чужакам» является ксенофобия самих «чужаков». Если в традиционном и даже в индустриальном обществе человек, попавший в чуждую культурную среду, был вынужден принимать эти чужие правила игры, то в современном мире эта ситуация кардинально меняется. Теперь люди за тысячи километров от своей родины имеют реальную возможность жить «как дома», по своим культурным стандартам, и при этом активно участвовать в жизни общества, культурные стандарты которого они отрицают.

Попыткой ответа на эти вызовы культурной глобализации стали теории мультикультурализма, предполагающие возможность сохранения многих различных этнокультурных традиций в рамках единого социального пространства. Эти идеи были противопоставлены теории и практике «плавильного котла», наиболее ярко реализованной в американской модели развития общества и культуры. Мультикультурализм воспринимался его создателями как модель продуктивного диалога культур, как проект *интеграции* культур без их *ассимиляции* [1]. Он призван был уберечь общество от негативных последствий упомянутых выше миграционных процессов, однако, как показал опыт последних десятилетий, политика мультикультурализма оказалась во многих отношениях утопией.

Причина этой неудачи видится прежде всего в том, что принципы взаимоотношений, вполне искренне предлагаемые одной стороной, понимаются другой стороной – тоже вполне искренне – едва ли не противоположным образом. Мультикультурализм предполагает, что культур-

ные различия не являются препятствием к тому, чтобы иметь единое социальное пространство на основе *общечеловеческих* ценностей. Однако, как выясняется, именно *общечеловеческие* ценности понимаются в разных культурных парадигмах существенно различным образом.

При разговоре о ксенофобии и проявлениях экстремизма в современном мире обычно имеется в виду ситуация, когда цивилизованные европейцы – хозяева, а пришлыми чужаками, живущими по-своему, являются различные «азиаты» – турки, арабы, китайцы. Проблемы, порождаемые обратной ситуацией, менее видны нам, но они существуют, и именно они положили начало развитию современной межкультурной напряженности. Началось все с того, что европейцы пришли во все уголки мира, продолжая повсюду жить по-европейски и оказывая большое влияние на жизнь других культур. Этот процесс был назван «вторичной модернизацией», однако по своему существу он часто являлся активным разрушением национальных традиций и протекал достаточно конфликтно. В результате сложилась современная глобальная модель международных отношений, в которой все страны и народы оказались включены в единое пространство западных стандартов жизни. Правда, включены они оказались не на равных условиях: кому-то в этой системе мира отведена роль законодателей и распорядителей, а кому-то – поставщиков сырья и дешевой рабочей силы.

Однако в современном мире, несмотря на сохранение ведущих позиций в мировом процессе, европейская культура постепенно утрачивает свою силу и влияние. И речь не только о самой Европе, но и о Новом Свете, который аккумулировал в себе мощь европейской цивилизации. Соединенные Штаты Америки, которые объективно являются определяющей силой мировой финансовой и геополитической системы, также переживают один из глубочайших кризисов в своей истории. И причина этого кризиса кроется даже не столько в финансово-экономической сфере, – это кризис цивилизационный. Облик современности по-прежнему определяется

так называемым цивилизованным миром, однако сам этот цивилизованный мир, возможно, уже не способен за себя постоять. Достижения цивилизации оборачиваются ныне против нее самой не только потому, что иногда они дают непредвиденные последствия, но и потому, что эти достижения оказываются в руках тех людей, которым чужды все ценности, лежащие в основании цивилизации.

Те проявления ксенофобии и экстремизма, которые угрожают современному миру, знаменуют собой даже не конфликт культур, а упадок цивилизации. Распространение ксенофобии в современном цивилизованном обществе есть явный признак ослабления народного духа. Здоровый и крепкий народ, живущий на своей исконной территории, ксенофобии к чужакам не испытывает, она появляется тогда, когда возникает угроза существованию народа.

Среди тех сил, которые оттесняют европейскую цивилизацию, нет единства, – ни идейного, ни какого-либо другого. Однако можно выделить некоторые важные ценностные установки, которые определяют образ действий этих сил. Многим читателям, возможно, знакомо имя Хож-Ахмеда Нухаева, который, по мнению следственных органов, являлся основным заказчиком и организатором громкого убийства (9 июля 2004 года) главного редактора русской версии «Форбс» Пола Хлебникова. Впрочем, имеются определенные основания думать, что Нухаев погиб еще в феврале 2004 года вместе с Русланом Геллаевым в горах Дагестана [2]. «Послужной список» этого человека содержит и организацию чеченских преступных группировок в Москве, и политическую деятельность в руководстве Чечни при Дудаеве и Яндарбиеве, и участие в боевых действиях против федеральных сил во время первой чеченской кампании. В конце девяностых и начале двухтысячных годов, уже за пределами Чечни и вообще России, Хож-Ахмед Нухаев активно занялся исламским богословием, выпустил ряд книг и статей, в которых выступил теоретиком некоего «нового евразийского фундаментализма».

Та идеология, которую Нухаев провозгласил как исконное чеченское мировоззрение, в предельно острой форме выражает установки традиционализма – не только чеченского и не только исламского. Речь идет о противопоставлении всем ценностям цивилизации ценностей родового строя. Прежде всего, отвергается государство. Эта мысль звучит в его известной работе «Давид и Голиаф, или российско-чеченская война глазами варвара», также она развивается в статье «Виртуальность государства и путь к возрождению». Нухаев начинает: «Государство *реально* как историческое явление, принесшее и продолжающее приносить реальные бедствия человечеству и окружающей среде; бедствия, чья масштабность возрастает в ужасающих размерах с каждой новой эпохой развития цивилизации. В то же время, являясь системой искаженных мыслительных стереотипов и соответствующих им искажений межчеловеческих отношений, государство в прямом смысле слова – *виртуальность*» [3]. Указав на этимологию слова «государство» от «государь, господарь» и санскритского слова *jaspatis*, которое означает «главу семьи», «патриарха», он заканчивает первый абзац тем, что «если бы “государство” было тем, чем оно должно быть по своему смысловому содержанию, если все *вещи* соответствовали своим *именам*, мы имели бы дело с кровнородственной общиной, возглавляющейся патриархом, и с народом, как стройной иерархией вырастающих на общинной базе родов и племен» [3].

Далеко не все силы, противостоящие европейской цивилизации, имеют такой антигосударственный настрой. Исламский фундаментализм, например, ориентирован на создание «исламского государства» с «шариатским порядком». Однако, по существу, такое государство и такой порядок являются только чуть более формально организованным родовым строем. Когда говорят о силе ислама как о факторе европейской и мировой политики, подразумевают, в первую очередь, вовсе не особые качества религиозной традиции ислама, а те патриархальные устои жизни, которые сохраняются народами, исповедующими

ислам. Ислам силен и привлекателен тем, чем сильна и привлекательна вообще всякая традиционная культура. В исламе людей привлекает, прежде всего, не его религиозная доктрина, а традиционалистские устои народной культуры. Эти устои не были чужды и «старой доброй Европе», и «святой Руси». Ныне эти устои практически ушли из жизни цивилизованного мира, а мусульманские народы в силу многих причин более консервативно удерживают традиционалистскую ориентацию культуры.

Западно-либеральная модель устройства жизни, размывающая традиционные нормы и понятия, воспринимается такой культурой как зараза. Обособление от жизненных стандартов европейской цивилизации и активное противодействие этим стандартам искренне воспринимается многими как отстаивание святынь и противодействие злу. Зачастую именно это обстоятельство оправдывает в глазах этих людей даже откровенно преступную деятельность. Землячества создаются как островки «нормальной» жизни в противовес окружающему цивилизованному разврату, а затем делаются базой для преступных формирований по национальному признаку. Именно с этого начиналась и деятельность упомянутого уже Хож-Ахмеда Нухаева.

Таким образом, и ксенофобия, и экстремизм в современном мире имеют в качестве первостепенной причины духовный кризис европейской цивилизации. Переход от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному обеспечил западной модели жизни лидирующие позиции в мире. Однако разрушение традиционной системы ценностей, происходящее в современном цивилизованном мире, означает не переход в некую новую эру существования человечества, – оно означает самоуничтожение человечества. Вслед за «смертью Бога», возвещенной Ф. Ницше, наступает «смерть человека» (М. Фуко) [4]. Экстремистские идеологии являются болезненной реакцией на этот антропологический кризис, их распространение – закономерный итог развития технологизированного и бездуховного общества потребления.

В рамках кризиса современной цивилизации Россия занимает весьма специфическое место. С одной стороны, она, несомненно, принадлежит к культурному пространству Европы, имеет общую с ней цивилизационную модель и едва ли не в большей степени, чем Запад, испытала все негативные последствия кризиса этой модели. Однако, с другой стороны, Россия всегда демонстрировала и до сих пор имеет существенные отличия от Европы именно в том, что касается национального менталитета и духовной культуры. В силу этих особенностей культурной парадигмы российская действительность на фоне упомянутого радикализма исторических процессов в большей степени сохранила традиционную систему ценностей и, как следствие, имеет большой потенциал в противодействии как духовному цивилизационному кризису, так и распространению экстремистских идеологий.

Принципы «мирного сосуществования» различных культур, которые провозглашаются мультикультурализмом, для России не являются, как на Западе, утопией, – они имели и имеют определенное исторически выработанное реальное воплощение. Слова о «духовном возрождении России» за последние годы и десятилетия от частого употребления сильно обесценились, однако другого пути противодействия названным угрозам не существует. Только вместо возвышенных разговоров о «духовности» следует перейти на более практический уровень. У обеих конфликтующих в цивилизационном кризисе сторон, помимо заблуждений, есть и своя правда. Правда европейской культуры заключается в провозглашении ценностей личности, свободы и творческого преображения мира (как бы ни был искажен смысл этих понятий в современной западной культуре). А правда «тех, кто нас не любит», заключается в том, что «русские в Бога не верят и матом ругаются», то есть отвергают и втоптывают в грязь все, на чем держится нормальная нравственная жизнь человека.

Следует вспомнить, что часто упоминаемые, но мало кому из современных людей знакомые Десять заповедей были даны

на двух каменных плитах: четыре заповеди первой скрижали определяют отношение человека к Богу, а шесть заповедей второй скрижали – отношения людей. Открывается первая скрижаль заповедью о почитании единого Бога, а вторая – заповедью о почитании родителей. На этом двуедином фундаменте традиционно держится жизнь человека, и тот, кто разрушает этот фундамент, не может иметь никакого извинения в глазах традиционалиста. Традиционалист может с уважением принять тот факт, что у кого-то другая вера, и другие семейные устои, но отсутствие веры и отсутствие устоев вызывает в лучшем случае презрение, а порой и ненависть.

Только ориентация на традиционные ценностные основы жизни может дать шанс на победу в борьбе с ксенофобией и распространением экстремистских идеологий. В актуализации нуждаются не ушедшие в прошлое внешние формы, а вечные и непреходящие ценностные ориентиры: вера и совесть, труд и взаимное уважение, общая историческая память.

1. Котельников В. Мультикультурализм для Европы: вызов иммиграции // Государство и антропоток: Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа. Группа «Русский Архипелаг». URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a263.htm> (дата обращения 27.11.2012).

2. Цураев К., Абубакаров С. «Варвар» мстит из могилы // Чеченское общество. 2005. 21 июня. № 12 (50).

3. Нухаев Х.-А. Виртуальность государства и путь к возрождению // Анарх. Ру [сайт]. URL: <http://www.anarh.ru/anarch/3/noukhaev1.htm> (дата обращения: 10.06.2012).

4. Cotier G. Der Tod des Menschen. Eine Studie über Michel Foucaults Werk // Veränderungen im Menschenbild: Divergenzen der modernen Anthropologie. Freiburg, München, Verlag Karl Alber, 1987. SS. 251-274.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСРЕДНИЧЕСТВО ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

М.И. Моисеенко

(заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Западно-Сибирского
института финансов и права, кандидат психологических наук,
г. Нижневартовск; mmimi1963@mail.ru)

В статье анализируются некоторые актуальные вопросы уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве, возникающие при применении новой статьи 291¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор обосновывает алгоритм квалификации посредничества во взяточничестве с учетом различного размера взятки, определяет границы, основания уголовной ответственности за разные формы посредничества во взяточничестве, формулирует предложения по совершенствованию уголовного законодательства в этой части.

Ключевые слова: взятка, посредничество, взяточничество, квалификация, уголовная ответственность.

В соответствии с Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» в УК РФ была введена норма (ст. 291¹), предусматривающая уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве. Введение новой нормы не является абсолютной новеллой отечественного уголовного законодательства. Статьей 174¹ УК РСФСР 1960 г. предусматривалась ответственность за посредничество во взяточничестве. Однако в сравнении с новой уголовно-правовой нормой диспозиция ст. 174¹ УК РСФСР была простой, тогда как диспозиция ст. 291¹ УК РФ является описательной. Посредничество во взяточничестве определяется как непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взятокополучателя либо иное содействие взяткодателью и (или) взятокополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере.

Имея сложную структуру, ст. 291¹ УК РФ предусматривает в ч. 1 основной состав посредничества во взяточничестве, в ч.ч. 2-4 – квалифицированные составы данного преступления, а в ч. 5 предусмотрен самостоятельный состав преступления

– обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Наряду с этим ст. 291¹ УК РФ снабжена примечанием, предусматривающим основания освобождения от уголовной ответственности посредника во взяточничестве, если он после совершения преступления активно способствовал раскрытию и (или) пресечению преступления и добровольно сообщил органу, имеющему право возбудить уголовное дело, о посредничестве во взяточничестве.

Описательная диспозиция ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, которая закрепляет основной состав посредничества, по существу, предусматривает две его формы, которые давно известны теории уголовного права и судебной практике и именуется в литературе как «физическое» и «интеллектуальное» посредничество [1, с. 152]. Во-первых, это непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взятокополучателя. Эту форму условно можно назвать физическим посредничеством, потому что действия посредника здесь состоят только лишь в физическом воздействии на предмет взятки и сводятся к выполнению им исключительно технической функции по передаче взятки от взяткодателя взятокополучателю.

Во-вторых, посредничеством во взяточничестве признается иное содействие взяткодателью и (или) взятокополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере. Эту форму

посредничества можно обозначить как интеллектуальное посредничество, поскольку содеянное субъектом в этом случае характеризуется достаточно широким диапазоном способов преступления, главным из которых, как представляется, является информационное содействие участникам взяточничества.

Законодательная регламентация состава преступления, предусмотренного статьей о посредничестве во взяточничестве, включает в себе целый ряд вопросов об уголовной ответственности за данное преступление, с которыми неизбежно столкнутся правоприменители при квалификации данного преступления. Обозначим некоторые из них.

Размер взятки при посредничестве во взяточничестве. Разделяя посредничество во взяточничестве на две формы, законодатель указал, что иное содействие взяткодателя и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки образует состав посредничества, если предметом указанного соглашения является взятка в значительном размере, т.е. когда сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышают двадцать пять тысяч рублей (п. 1 примечания к ст. 290 УК РФ). Применительно к первой форме посредничества (непосредственной передаче взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя) размер взятки специально не оговорен. Означает ли это, что размер передаваемой посредником взятки не имеет значения для квалификации? Либо значительный размер взятки в равной степени является конститутивным признаком основания ответственности за посредничество во взяточничестве при любой его форме?

Например, П. Яни, говоря о значительном размере взятки при посредничестве, рассматривает его в качестве признака, характеризующего в целом основание уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве [2, с. 12]. Такого же мнения придерживаются многие другие авторы [3, с. 10; 4, с. 22; 5, с. 41; 6, с. 5-6].

На наш взгляд, если толковать уголовный закон буквально (а именно такой способ толкования соответствует принципу законности), то вывод следующий – значительный размер взятки является криминообразующим признаком только применительно ко второй форме посредничества во взяточничестве. В то же время непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя образует состав посредничества во взяточничестве по ст. 291¹ УК РФ независимо от размера передаваемой взятки.

Если предположить иное и согласиться с вышеупомянутыми авторами, то с учетом изложенных ниже выводов относительно квалификации посредничества во взяточничестве в незначительном размере как соучастия в даче или получении взятки, неизбежен возврат к уже известным для теории и практики проблемам с уголовно-правовой оценкой этой разновидности посреднических действий, которые буквально не вписываются в законодательную формулу пособничества, предусмотренную ч. 5 ст. 33 УК РФ.

В связи с этим возникает два вопроса. Во-первых, какой должна быть уголовно-правовая оценка посредничества во взяточничестве в форме иного содействия достижению либо реализации соглашения между взяткодателя и взяткополучателем в случае, когда предметом этого соглашения была взятка в незначительном размере (в сумме не более 25 000 руб.)? Во-вторых, насколько обоснованной является рассматриваемая позиция законодателя, дифференцировавшего ответственность за различные виды одного и того же преступления в зависимости от размера взятки?

О. Капинус высказывает беспокойство по поводу того, что суды вполне могут расценить решение законодателя, ограничившего пределы действия ст. 291¹ УК РФ (за исключением части 5 этой статьи) значительным размером взятки, как «запрет привлечения к уголовной ответственности за посредничество в случаях, когда планируемый и фактический размер взятки не превышает двадцати пяти тысяч рублей» [7, с. 23-24]. К сожалению, опасения О. Ка-

пинус не напрасны. В юридической прессе уже присутствуют подобные комментарии ст. 291¹ УК РФ, исходящие от представителей прокуратуры [5, с. 41].

Введение в уголовный закон самостоятельной нормы, предусматривающей ответственность за посредничество во взяточничестве, не может рассматриваться как акт криминализации деяния, ранее не признававшегося преступлением, на что обращают внимание многие ученые, «поскольку за названные в ч. 1 ст. 291¹ УК РФ формы посреднических действий (в самых редких случаях, видимо, и бездействия) уголовная ответственность наступала и ранее, содеянное в этом случае квалифицировалось как соучастие в даче либо получении взятки, на что прямо указал Пленум Верховного Суда» [7, с. 23]. Соответственно не может обернуться декриминализацией каких-либо посреднических действий сужение границ основного состава посредничества, предусмотренного ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, либо даже полное исключение такового из уголовного закона, как это произошло с принятием в 1996 г. УК РФ, изначально не предусматривавшего, по сравнению с УК РСФСР 1960 г., специальной нормы об ответственности за посредничество во взяточничестве. В последнем случае вопрос об основании уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве вновь всецело вернется в лоно института соучастия в преступлении.

По такому же принципу должен решаться вопрос об уголовной ответственности посредника во взяточничестве, который способствовал взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в размере, не превышающем 25 000 руб. Следовательно, исходя из того, что состав посредничества во взяточничестве является специальной уголовно-правовой нормой по отношению к общей норме, предусматривающей основания уголовной ответственности соучастников (ст. 33 УК РФ), иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в меньшем раз-

мере (в сумме менее 25 000 руб.) должно квалифицироваться как соучастие в даче взятки (ст. 291 УК РФ) или получении взятки (ст. 290 УК РФ) со ссылкой на ч.ч. 3, 4 или 5 ст. 33 УК РФ в зависимости от того, по чьей просьбе и в чьих интересах (взяткодателя или взяткополучателя) действовал соучастник.

При наличии признаков покушения на преступление в действиях взяткодателя и взяткополучателя, пытавшихся дать и получить взятку в незначительном размере, действия интеллектуального посредника должны квалифицироваться как соучастие в покушении на получение или дачу взятки (ст. 290 или 291 УК РФ) с одновременной ссылкой на ч.ч. 3, 4 или 5 ст. 33 УК РФ и ч. 3 ст. 30 УК РФ.

В случае приготовления к получению и даче взятки в незначительном размере, при отсутствии других квалифицирующих признаков участники содеянного, в том числе посредник, уголовной ответственности не несут, потому что посяательства, предусмотренные ч. 1 ст. 290 УК РФ и ч. 1 ст. 291 УК РФ, относятся к преступлениям небольшой тяжести, приготовление к которым в силу ч. 2 ст. 30 УК РФ не наказуемо. Так же решается вопрос при неудавшемся интеллектуальном посредничестве, когда посреднику по независящим от него причинам не удалось способствовать взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в меньшем размере (например, участники соглашения не воспользовались помощью посредника либо добровольно отказались от преступления) (ч. 5 ст. 34 УК РФ).

Теперь попытаемся проанализировать, насколько обоснованно законодательное решение, связавшее основание уголовной ответственности за посреднические действия в форме «иного содействия» взяточничеству со значительным размером взятки, с точки зрения принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), в равной степени обязательного не только для правоприменителя, но и для законодателя в части дифференциации им уголовной ответственности за преступления.

Начнем с того, что вследствие изменения в декабре 2011 г. законодательного определения категории преступлений небольшой тяжести еще сильнее обозначилось искривление категоризации составов преступлений, образующих взяточничество [8, с. 56]. Санкции за получение и дачу взятки ранжируют данные составы преступлений только по трем категориям на преступления небольшой тяжести, тяжкие и особо тяжкие, исключая признание их преступлениями средней тяжести (если не принимать во внимание наличие такой возможности у суда в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ, которая, впрочем, имеет значение для правовых последствий осуждения, а не для квалификации). В то же время санкции за посредничество во взяточничестве исключают законодательное признание этого преступления посягательством небольшой тяжести, категоризация посредничества (ч. 1 ст. 291¹ УК РФ) начинается с порога, соответствующего категории преступлений средней тяжести.

Данное обстоятельство в совокупности с указанием в ч. 1 ст. 291¹ УК РФ на значительный размер взятки приводит к парадоксам уголовной наказуемости посредничества во взяточничестве в различных его формах. Например, если сравнивать максимальную строгость санкции за посредничество во взяточничестве в значительном размере по ч. 1 ст. 291¹ УК РФ (лишение свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере двадцатикратной суммы взятки) со строгостью санкции за получение взятки в значительном размере (лишение свободы на срок до шести лет со штрафом в размере тридцатикратной суммы взятки), то наблюдаемая разница вполне приемлема и адекватна тому, что получение взятки независимо от прочих условий является самой опасной формой взяточничества. Обратная ситуация вырисовывается при аналогичном сравнении санкции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ с санкцией ч. 2 ст. 291 УК РФ (лишение свободы на срок до трех лет со штрафом в размере пятнадцатикратной суммы взятки). Таким образом, посредничество во взяточничестве наказуемо существенно строже по сравнению с дачей взятки в значительном

размере – посягательством, как представляется, более опасным по своей природе. При этом, как выяснилось выше, законодатель допускает признание посреднических действий в форме иного способствования взяточничеству в незначительном размере преступлением небольшой тяжести при условии квалификации таких действий как соучастия в получении или даче взятки без квалифицирующих признаков (ст. 33 и ч. 1 ст. 290 или ч. 1 ст. 291 УК РФ). В то же время непосредственная передача взятки как в значительном, так и в незначительном размере признается преступлением средней тяжести (ч. 1 ст. 291¹ УК РФ). В последнем случае разрыв максимальной наказуемости между непосредственной передачей взятки в незначительном размере и дачей-получением взятки в незначительном размере еще более велик в пользу посредничества, что «не вяжется» с уголовно-правовой природой посредничества во взяточничестве, проистекающей из сложной формы соучастия и характеризующей эту форму взяточничества как наименее опасную по сравнению с деяниями его главных фигурантов – взяткополучателя и взяткодателя.

По нашему мнению, значительный размер взятки не определяет правовую природу посредничества во взяточничестве и не затрагивает сущности общественной опасности этого посягательства. Будучи не содержательной, а формальной характеристикой предмета взяточничества, значительный размер взятки не может выполнять роль криминообразующего признака в основном составе посредничества, искусственно отделяя его таким образом от того же самого уголовно наказуемого посредничества, но в незначительном размере взятки. Значительный размер взятки, отделяющий порог уголовно наказуемого посредничества, имел бы смысл, если посреднические действия в виде иного способствования взяточничеству в незначительном размере перешли бы в другую отраслевую принадлежность, скажем, рассматривались бы как административное правонарушение, как это имеет место при установлении «водораздела» между уголовной и административной юрисдикцией

в отношении незаконного оборота без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также хищений чужого имущества.

Поэтому будет правильным, если законодатель исключит значительный размер взятки из разряда конститутивных признаков посредничества в ч. 1 ст. 291¹ УК РФ и переведет его на первое место в числе квалифицирующих признаков данного преступления, аналогично той схеме, по которой сконструированы части 1, 2 и 3 статей 290 и 291 УК РФ. Разумеется, потребуются изменение санкций в частях 1, 2 и 3 ст. 291¹ УК РФ при неременном их согласовании с санкциями за основные и соответствующие квалифицированные составы получения и дачи взятки.

Уголовная ответственность за физическое посредничество. С объективной стороны данная форма посредничества выражается в непосредственной передаче лицом взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя. Именно так толковалось понятие посредничества Пленумом Верховного Суда СССР применительно к простой диспозиции ст. 174¹ УК РСФСР («Посредничество во взяточничестве») на протяжении последних двух десятилетий действия советского уголовного закона [9, с. 219; 10, с. 364]. «Суть посредничества, — писал Б.В. Здравомыслов, — сводится только к передаче предметов взятки от взяткодателя взяткополучателю. Посредник выступает между ними в качестве связующего звена» [11, с. 67]. Таким образом, преступная деятельность физического посредника заключается в выполнении им чисто технической функции в механизме взяточничества — фактическое перемещение предмета взятки из владения взяткодателя во владение взяткополучателя, что и может быть названо передачей взятки. По форме деяния передача взятки может выражаться только в действиях, конкретные способы которых на квалификацию не влияют (переноска, перевозка, пересылка взятки и т.п.).

Предметом физического посредничества могут быть не только вещные разновидности взятки (деньги, ценные бумаги,

иное имущество), но и услуги имущественного характера. В последнем случае посредником должен признаваться непосредственный исполнитель услуги или работы при условии, что он осведомлен о действительных обстоятельствах их выполнения как взяточничества. Как отмечалось выше, преступная роль исполнителя услуги (работы) в таком случае состоит в том, что он обеспечивает непосредственное извлечение взяткополучателем имущественной выгоды в виде бесплатного пользования предоставляемой услугой или бесплатного получения результата выполняемой работы. Поэтому мы не можем согласиться с П. Яни в том, что действия такого лица образуют «вторую форму посредничества: способствование взяткодателя и взяткополучателю в реализации соглашения между ними о получении и даче взятки» на том основании, что услуги имущественного характера из-за узкого понимания законодателем первой формы посредничества не могут быть ее предметом [2, с. 13-14]. Законодатель никаких изъятий из предмета физического посредничества во взяточничестве не сделал, таковым признается взятка в любом ее виде. По этой же причине нельзя признать правоту О. Капинус, которая предлагает квалифицировать содеянное лицом, выполняющим для взяткополучателя оплаченные взяткодателя услуги, как соучастие в даче взятки [7, с. 25].

Уголовный закон определяет физическое посредничество как непосредственную передачу взятки, что, очевидно, является характеристикой способа преступления. Буквально это означает, что посредник выполняет свою роль единолично и, будучи единственным связующим звеном между взяткодателя и взяткополучателем, самолично вступает с ними в контакт, передавая взятку. Однако так происходит не всегда. Не исключены ситуации, когда в механизме взяточничества участвует несколько физических посредников, в том числе представляющих интересы различных сторон взяточничества. Вследствие этого процесс перемещения взятки от взяткодателя взяткополучателю может быть опосредован целой цепью преступных

действий каждого из посредников. При этом вовсе не обязательно, чтобы каждый физический посредник из числа участвующих во взяточничестве лично входил в контакт со взятодателем и взятополучателем. При наличии трех и большего числа посредников преступная деятельность как минимум одного из них может исчерпываться исключительно контактами с другими посредниками без вступления в прямые отношения с главными фигурантами взяточничества.

Множественность посредников в одном эпизоде взяточничества признает и сам законодатель, предусматривая в качестве одного из квалифицирующих признаков посредничества во взяточничестве совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 291¹ УК РФ). Учитывая в связи с этим смысловое противоречие между «непосредственной передачей взятки» и возможностью ее опосредованной передачи через нескольких посредников (групповой способ преступления), законодателю целесообразно исключить из диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ указание на непосредственность передачи взятки при физическом посредничестве. Последнее может совершаться любым способом, в том числе группой посредников, передающих предмет взятки друг через друга.

Еще одной особенностью объективной стороны физического посредничества, исходя из текста диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, является то, что посредник передает взятку по поручению взятодателя или взятополучателя. Полагаем, что в этом случае речь идет об обстановке преступления, как юридически значимых условиях, в которых оно совершается.

В годы действия УК РСФСР, предусматривавшего специальную норму об ответственности за посредничество во взяточничестве, в теории и практике уголовного права традиционно считалось, что посредник не является инициатором дачи-получения взятки. В противном случае он должен нести ответственность за соучастие в даче или получении взятки, а совершенные им посреднические действия са-

мостоятельной квалификации не требуют [12, с. 306; 13, с. 442].

В условиях обновленной системы уголовно-правовых норм об ответственности за взяточничество приведенное толкование должно быть пересмотрено. Неважно, о какой инициативе идет речь – инициативе получения или дачи взятки, либо инициативе совершения посреднических действий. Думается, что в обоих случаях источник инициаторства дачи-получения взятки, а также самих посреднических действий (будь то сам посредник, склоняющий ко взяточничеству других лиц и предлагающий свои услуги, либо другие участники взяточничества, склоняющие лицо к посредничеству) не может изменить квалификацию преступных действий субъекта, передающего взятку, как физического посредничества, а сама инициатива в этом, исходящая от посредника, не превращает его исключительно в подстрекателя к даче или получению взятки. В противном случае, если руководствоваться старым подходом, исходя из дисбаланса санкций за посредничество во взяточничестве, с одной стороны, и за соучастие во взяточничестве, с другой стороны, нарушения принципа справедливой ответственности не избежать – физический посредник, иницирующий взяточничество, в ряде случаев оказался бы в привилегированном положении с точки зрения строгости уголовной ответственности по сравнению с физическим посредником, действующим по инициативе (поручению) взятодателя или взятополучателя.

Однако главное обстоятельство, не позволяющее отождествить «поручение» с «инициативой», состоит в другом. Во-первых, сам законодатель признает возможность инициаторства посреднических действий самим посредником, криминализируя само по себе предложение посредничества во взяточничестве в качестве тяжкого преступления в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ. Во-вторых, действующая редакция диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ весьма широко трактует понятие посредничества во взяточничестве, признавая возможность его совершения как в традиционной (физической) форме, так и в более сложной (ин-

теллектуальной) форме. Последняя никак не связана с тем, от кого исходит инициатива иного способствования взяткодателью и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере. Другими словами, инициатором посреднической помощи может быть сам интеллектуальный посредник, равно как и то, что такая инициатива может исходить от взяткодателя или взяткополучателя. В обоих случаях имеется состав посредничества во взяточничестве. Принимая во внимание то, что формы посредничества, как альтернативные действия объективной стороны преступления, юридически равнозначны в определении основания уголовной ответственности по ст. 291¹ УК РФ, нет никаких причин исключать основание ответственности по данной статье для физического посредника-инициатора.

В том случае, когда физический посредник выходит с инициативой получения или дачи взятки, склоняя таким образом к совершению преступления других участников взяточничества, совмещение им ролей посредника и подстрекателя или организатора взяточничества, по нашему мнению, требует квалификации по совокупности преступлений – как посредничество во взяточничестве и соучастие в получении или даче взятки. Следует, однако, уточнить, что ответственность физического посредника за соучастие в получении или даче взятки может иметь место, если организаторские или подстрекательские действия физического посредника не образуют признаков другой формы посредничества – интеллектуальной – в виде способствования взяточникам в достижении либо реализации соглашения между ними о даче-получении взятки, например, когда физический посредник, приняв взятку от взяткодателя, склоняет к ее получению предполагаемого взяткополучателя.

Юридический смысл «поручения взяткодателя или взяткополучателя» посреднику состоит в том, что преступная деятельность последнего осуществляется по полномочию, предоставленному одним из главных участников взяточничества. Пос-

редник передает взятку от имени того, кто его уполномочил на это – взяткодатель или взяткополучатель. Следовательно, посредник действует в их интересах. Своих интересов от действий, обусловленных взяткой, посредник не имеет. Содержанием данного посреднику полномочия (поручения) является принятие взятки от взяткодателя и вручение ее должностному лицу-взяткополучателю. Исходя из этого, предмет взятки не принадлежит посреднику, а вверяется ему взяткодателем с целью передачи взяткополучателю [14, с. 13]. Что касается инициативы наделения посредника указанным полномочием, то она обычно исходит либо от взяткодателя, либо от взяткополучателя, но может исходить и от самого посредника. В этом случае посредник, по существу, добывается от другого участника взяточничества его согласия на то, чтобы совершить посреднические действия по передаче взятки в интересах последнего.

Практическое значение имеет вопрос об уголовно-правовой оценке поведения физического посредника во взяточничестве, действовавшего во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения. При наличии всех условий правомерности соответствующего обстоятельства, исключающего преступность деяния (ст. 42 УК РФ), – обязательность отданного приказа или распоряжения, неосознание исполнителем общественной опасности деяния, совершаемого во исполнение приказа или распоряжения – лицо не может нести уголовной ответственности за физическое посредничество по ст. 291¹ УК РФ. Напротив, если лицо, которому взяткодатель или взяткополучателем отдано преступное распоряжение передать взятку, осознавало общественно опасный характер такого распоряжения, а следовательно, общественную опасность своих посреднических действий, содеянное таким посредником должно квалифицироваться по ст. 291¹ УК РФ. Таким образом, вопрос об оценке посреднических действий, совершенных лицом во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения, сводится к вопросу установления прямого умысла в действиях посредника. Его отсутствие ис-

ключает в содеянном состав физического посредничества.

В соответствии с абзацем 3 пункта 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»: «Если имущественные выгоды в виде денег, иных ценностей, оказания материальных услуг предоставлены родным и близким должностного лица с его согласия либо если он не возражал против этого и использовал свои служебные полномочия в пользу взяткодателя, действия должностного лица следует квалифицировать как получение взятки» [15, с. 5]. Возникает вопрос: какова должна быть уголовно-правовая оценка поведения родных и близких должностного лица, которые фактически приняли за него предмет взятки?

Очевидно, что в описанной ситуации родные и близкие должностного лица не обладают признаками специального субъекта получения взятки, а следовательно, не могут признаваться соисполнителями данного преступления. Однако на основании того, что лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части УК РФ, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника (ч. 4 ст. 34 УК РФ), принятие с ведома должностного лица незаконного вознаграждения за соответствующее его поведение членами семьи данного должностного лица или иным близким ему лицом, о материальном благополучии которых он считает себя обязанным проявить заботу, можно расценить как пособничество получению взятки (ч. 5 ст. 33 и ст. 290 УК РФ).

В условиях действующего уголовного законодательства, предусматривающего состав посредничества во взяточничестве, квалификация действий родных и близких должностного лица, принявших с его ведома незаконное вознаграждение, как пособничества получению взятки не может признаваться правильной. В содеянном

такими лицами имеются все признаки состава физического посредничества во взяточничестве, разумеется, при условии их осведомленности о незаконном характере материального подношения, которое они принимают вместо должностного лица.

Уголовная ответственность за интеллектуальное посредничество. С объективной стороны данная форма посредничества выражается в ином способствовании взяткодателя и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере.

Формулирование интеллектуального посредничества в диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ как «иного способствования» в сравнении с физическим посредничеством позволяет заключить, что между двумя формами посредничества существует взаимосвязь, характерная для конкуренции общей и специальной нормы. В сущности, физическое посредничество, сводящееся к механическому перемещению взятки от взяткодателя взяткополучателю, является особо выделенной законодателем разновидностью способствования главным участникам взяточничества в реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. По этой причине физическое посредничество выполняет роль специальной нормы, а интеллектуальное посредничество, охватывающее собой остальное многообразие способов посреднических действий, соответствует понятию общей нормы. При этом характер преступных действий интеллектуального посредника не связан с физической передачей им взятки от взяткодателя взяткополучателю. Преступная деятельность такого посредника не предполагает непосредственного воздействия на сам предмет взятки, а направлена на достижение или реализацию соглашения между основными участниками взяточничества. Это обстоятельство диктует широкий диапазон способов второй формы посредничества во взяточничестве, что в сравнении с его первой разновидностью свидетельствует об отнюдь не примитивном характере преступной деятельности интеллектуального посредника. Однако

все способы интеллектуального посредничества, исходя из текста диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, можно разделить на две группы: 1) способствование взяткодателью и (или) взяткополучателю в достижении соглашения между ними о получении и даче взятки; 2) способствование взяткодателью и (или) взяткополучателю в реализации соглашения между ними о получении и даче взятки.

Соглашение между взяткодателем и взяткополучателем о получении и даче взятки представляет собой договоренность взяткодателя со взяткополучателем о передаче последнему взятки за его действия (бездействие) по службе. Для наличия достигнутого соглашения не имеет значения, оговорены ли участниками взяточничества конкретные условия их преступных действий (место и время, способ передачи взятки и т.п.) либо обстоятельства взяточничества, за исключением размера взятки, детально не обговаривались. Также не важно, способствовал посредник соглашению взяточников в условиях взятки-подкупа (когда поведение должностного лица по службе обусловлено незаконным материальным вознаграждением) либо в условиях взятки-благодарности (когда служебное поведение должностного лица изначально не обуславливалось незаконным материальным вознаграждением, которое было ему передано в качестве благодарности).

Таким образом, достаточными признаками состоявшегося соглашения между взяткодателем и взяткополучателем являются, во-первых, достижение между субъектами принципиальной договоренности о передаче одному из них взятки за его действия (бездействие) по службе, во-вторых, размер обговариваемой взятки, как того требует законодатель, должен быть значительным, т.е. превышающим двадцать пять тысяч рублей. Соглашение между взяткодателем и взяткополучателем о получении и даче взятки в меньшем размере не является предметом интеллектуального посредничества, однако способствование такому соглашению, как отмечалось выше, влечет уголовную ответственность за соучастие в даче или получении взятки.

Интеллектуальное посредничество в достижении соглашения между взяточниками заключается в содействии любому из них в переговорах относительно условий будущего акта взяточничества. В частности, действия посредника здесь могут выражаться в подыскании для одного из участников взяточничества «контрагента» по преступной сделке, предоставлении взяткодателью контактных данных взяткополучателя и наоборот, представительстве в переговорах между взяточниками, склонении одного из участников взяточничества к принятию условий соглашения, выдвинутых другой стороной, предоставлении взяточникам помещения или средств связи для ведения переговоров, обеспечении конспирации переговорного процесса и т.п. Функция посредника в таком случае состоит в том, чтобы оказать содействие договаривающимся сторонам (взяткодателью и (или) взяткополучателю) при достижении договоренности между ними насчет того, что взяткополучателю будет дана взятка в значительном размере, либо помочь им прийти к соглашению по поводу других обстоятельств предстоящей дачи-получения взятки в значительном размере (места, времени, способа, объема служебных действий за взятку и т.п.).

Отсюда, период преступной деятельности интеллектуального посредника, способствующего достижению соглашения между взяточниками, ограничен стадией приготовления ко взяточничеству основных его участников, когда последние еще только находятся в процессе поиска консенсуса относительно основных условий предстоящей передачи взятки.

Интеллектуальное посредничество в реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем заключается в содействии любому из них в выполнении принятых или принимаемых на себя обязательств по передаче-получению взятки в значительном размере и, таким образом, в реальном осуществлении достигнутого соглашения между взяточниками. Способы интеллектуального посредничества в таком случае могут быть также весьма многообразны: предоставление помещения

или транспортного средства для передачи взятки, обеспечение личной встречи взяткодателя со взятокополучателем, разработка схемы взяточничества, обеспечение конспирации, укрепление решимости одного из участников взяточничества на получение (дачу) взятки, дарение ценностей или предоставление денежной ссуды для дачи взятки, открытие банковского счета на имя получателя взятки и т.п. Роль интеллектуального посредника здесь состоит в том, чтобы ускорить, обезопасить, облегчить или иным образом обеспечить беспрепятственность процесса дачи и получения взятки в значительном размере.

Период преступной деятельности интеллектуального посредника в ситуации способствования реализации соглашения может приходиться как на стадию приготовления, если он каким-либо образом только создает благоприятные условия для предстоящей реализации соглашения между взяточниками, так и на стадию покушения на дачу и получение взятки, если посредник способствует начавшемуся процессу передачи взятки. Вероятно, не имеет значения для квалификации и то обстоятельство, способствовал посредник взятокодателью и (или) взятокополучателю в условиях достигнутого между ними соглашения (перед началом его реализации или в период его реализации), либо когда переговорный процесс достижения соглашения между взяточниками хотя и начат, но еще не завершен, либо этот процесс еще не начинался вовсе. В последнем случае действия лица вряд ли можно назвать посредническими в строгом смысле слова, так как поиск договоренности между главными фигурантами взяточничества еще не начался, а persona предполагаемого взяткодателя или взятокополучателя может быть пока вообще неизвестна. Тем не менее, редакция диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ не исключает признание интеллектуальным посредником лица, способствующего взяткодателью или взятокополучателю в реализации пока отсутствующего между ними соглашения, и действующего, так сказать, впрок. Вопрос решался бы иначе, если бы законодатель четко ограничил второй спо-

соб интеллектуального посредничества конкретным периодом времени, например, такой формулировкой, как «иное способствование взяткодателью и (или) взятокополучателю в достижении либо реализации достигнутого соглашения...».

Вместе с тем, несмотря на широчайшее многообразие посреднических действий в интеллектуальной форме, практически полностью поглотивших собой преступную деятельность организатора, подстрекателя и пособника взяточничества, нужно особо подчеркнуть, что к интеллектуальному посредничеству законодатель относит все же не любое содействие лица получению или даче взятки, как полагают некоторые авторы [6, с. 5], а только такие действия, которые заключаются в способствовании в достижении или реализации соглашения между взяткодателью и взятокополучателем. Поэтому если действия лица, которое каким-либо образом содействует взяточникам, напрямую не связаны с оказанием им помощи в достижении предварительной договоренности между ними о получении и даче взятки в значительном размере либо помощи в реальном осуществлении состоявшегося или планируемого соглашения, то такие действия не могут квалифицироваться по ст. 291¹ УК РФ как интеллектуальное посредничество. Очевидно, круг таких действий весьма невелик, но все же он существует. Речь идет, например, о таких действиях, как склонение лица к тому, чтобы получать или давать взятки, в том числе в значительном размере, когда такое склонение совершается лицом вне связи с достижением конкретного соглашения между взяткодателью и взятокополучателем. В этом случае содеянное при прочих условиях можно квалифицировать как подстрекательство к получению или даче взятки в значительном размере.

1. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М., 1975. 175 с.

2. Яни П. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 9. С. 12-16.

3. Борков В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: про-

блемы применения // Уголовное право. 2011. № 4. С. 7-12.

4. Тюнин В.И. Посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 19-22.

5. Белов С., Чекмачева Н. Уголовное преследование за посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 10. С. 40-42.

6. Гарбатович Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества // Уголовное право. 2011. № 5. С. 4-7.

7. Капинус О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. 2011. № 2. С. 12-16.

8. Сабитов Т. Дифференциация ответственности за взяточничество и коммерческий подкуп: критический взгляд // Уголовное право. 2012. № 1. С. 56-58.

9. О судебной практике по делам о взяточничестве: постановление Пленума

Верховного Суда СССР от 23 сент. 1977 г. № 16 (п. 4) // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1977 гг.). Ч. 2. М., 1981. 285 с.

10. О судебной практике по делам о взяточничестве: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 3 (п. 8) // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. 613 с.

11. Здравомыслов Б.В. Квалификация взяточничества: учеб. пособие. М., 1991. 89 с.

12. Курс советского уголовного права. Т. 4. Часть Особенная. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 738 с.

13. Курс советского уголовного права. Т. 5. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 653 с.

14. Васецов А. Соучастие и посредничество во взяточничестве // Советская юстиция. 1986. № 1. С. 11-13.

15. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 3-8.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕВЫПЛАТУ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ПЕНСИЙ, СТИПЕНДИЙ, ПОСОБИЙ И ИНЫХ ВЫПЛАТ

С.П. Костылев

(юрисконсульт муниципалитета внутригородского муниципального образования
Замоскворечье в городе Москве; 01ksp09@mail.ru)

Нарушение конституционных прав граждан в области трудовых отношений и социального обеспечения в последнее время составляет значительную часть правонарушений социального блока. При этом во многих регионах Российской Федерации одним из актуальных остается вопрос задержки выплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий, который способствует созданию опасной экономической и социальной напряженности. Автором проанализированы причины и необходимость установления уголовной ответственности по статье 145-1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: заработная плата, пенсия, стипендия, пособие, социальные выплаты.

Часть 2 статьи 7 Основного Закона Российской Федерации закрепила охрану труда и здоровья людей, установила гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Установив государственные гарантии в области трудовых отношений и социального обеспечения, ст. 37 Конституции РФ закрепляет право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, получая за него вознаграждение, а ст. 39 гарантирует социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом.

Вместе с тем следует отметить, что нарушение конституционных прав граждан в области трудовых отношений и социального обеспечения в последнее время составляет значительную часть правонарушений социального блока, в связи с чем государство предпринимает определенные шаги по их сокращению, в том числе мерами уголовно-правового воздействия.

Однако, устанавливая уголовную ответственность за совершение преступлений, государство поступает правильно только тогда, когда оно оказывается в состоянии крайней необходимости [1, с. 38].

Для защиты конституционного права граждан на оплату труда, выплату пенсий, стипендий и иных выплат Федеральным законом от 15 марта 1999 г. № 48-ФЗ в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) была введена ст. 145-1, устанавливающая уголовную ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат [2]. В обосновании необходимости введения данной нормы указывалось, что «процесс невыплат заработной платы стал хроническим, проявления недовольства работниками приобрели массовый и неуправляемый характер, беспомощность исполнительной власти очевидна». При этом отмечалось, что «фактически невыплата заработной платы и других установленных законом выплат, совершенная из корыстной или иной личной заинтересованности, может и без дополнения УК Российской Федерации новой нормой влечь уголовную ответственность по статье 285 УК Российской Федерации» [3].

Следовательно, принятие данного закона явилось необходимой реакцией государственных органов на широко распространившуюся практику длительной задержки выплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий во многих регионах Российской Федерации, создававшую опасную экономическую и социальную напряженность.

Таким образом, выделив в УК РФ невыплату заработной платы, пенсий, стипен-

дий, пособий и иных выплат, законодатель установил уголовную ответственность за самостоятельное преступление, состав которого может «...как шаблон использоваться для многократной идентификации содеянных поступков и в этом качестве нужен для квалификации преступлений» [4, с. 207].

Следует также отметить, что систематическая невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат порождает социальную напряженность в обществе и влечет трудовые конфликты, перерастающие в забастовки.

Так, например, доведенные до отчаяния жители г. Пикалево Ленинградской области 20 мая 2009 г. захватили здание мэрии [5]. 3 июня 2009 г. объявили голодовку 48 сотрудников Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК), которые требовали выплаты зарплат [6]. Кроме того, только в 2009 году в связи с невыплатами заработной платы за пять месяцев провели забастовку в Санкт-Петербурге строители ДСК-3; в Ямало-Ненецком автономном округе 20 рабочих геолого-разведочной компании объявили бессрочную голодовку из-за невыплаты зарплаты (в июне задолженность достигла около 100 млн рублей) [7] и т.п.

Подобные выступления трудящихся дестабилизируют социально-политическую и экономическую обстановку в регионах, показывают несостоятельность власти на местах в решении существующих проблем, а также решимость трудящихся самостоятельно защищать свои права, установленные Конституцией Российской Федерации.

Вместе с тем, по данным органов прокуратуры Республик Адыгея, Бурятия, Мордовия, Тыва, Еврейской автономной области, Курганской, Липецкой, Московской, Рязанской областей и др., в последние годы увеличивается количество случаев нарушений в сфере оплаты труда, сокрытия соответствующей информации, а также непредставления ее в органы статистики, что способствует длительному нарушению прав граждан на оплату труда, формированию недостоверной отчетности в данной области.

Так, например, используя сведения территориальных подразделений контролирующих и правоохранительных органов, фондов, профсоюзных организаций, органы прокуратуры Республики Мордовия в 2010 году дополнительно выявили факты несвоевременной выплаты заработной платы на сумму более 20 млн рублей еще на 40 предприятиях, не представляющих информацию о наличии задолженности по заработной плате в органы статистики [8].

Следовательно, можно утверждать, что одним из факторов установления уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат является необходимость снижения социальной напряженности в обществе и уменьшения (а в идеале и исключения) трудовых конфликтов между работниками и работодателями, крайние формы которых выражаются забастовками.

Необходимость установления уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат обусловлена не только требованиями Конституции Российской Федерации и международных договоров России, но и общественной опасностью такого преступления. Общественная опасность преступления, предусмотренного в ст. 145-1 УК РФ, может проявляться многообразно.

1. С одной стороны, число преступлений, предусмотренных ст. 145-1 УК РФ – «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат», в структуре преступности в сфере нарушений конституционных прав и свобод человека и гражданина не слишком велико. Так, при анализе статистических данных установлено, что из общего числа преступлений, совершаемых в сфере нарушений конституционных прав и свобод человека и гражданина, доля зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 145-1 УК РФ, за период 2003-2010 гг. составила: в 2003 г. – 2,1 %, в 2004 г. – 12,7 %, в 2005 г. – 9,1 %, в 2006 г. – 4,9 %, в 2007 г. – 2,7 %, в 2008 г. – 1,9 %, в 2009 г. – 2,1 %, в 2010 г. – 2,4 %.

Однако динамика преступлений, предусмотренных ст. 145-1 УК РФ, показывает, что при сравнении зарегистрированных

деликтов с постоянной базовой (данные 2000 г. – 44 преступления) видно непрерывное их возрастание: в 2002 г. +81,8 % (или 80 преступлений), в 2004 г. +3 815,9 % (или 1 723), в 2006 г. +2 677,3 % (или 1 222), в 2008 г. +765,9 % (или 381), в 2009 г. +1 793,2 % (или 833), в 2010 г. +1 775,0 % (или 825), в 2011 г. +1 468,2 % (или 690) [9]. Это объясняется тем, что в данный период происходило неустойчивое обеспечение материального производства и разделения труда по обмену, обращению и распределению материальных благ. В то же время уменьшение количества обозначенных преступлений относительно предыдущего года в 2005-2008 гг. не удостоверяет их отсутствие, а в большинстве случаев связано со слабой работой правоохранительных органов и их взаимодействием с Федеральной службой по труду и занятости, профсоюзами, а также налоговыми службами.

Следует отметить, что четкого разграничения статистических данных, касающихся невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат, не существует.

2. Высокая степень общественной опасности, рассматриваемых преступлений, по нашему мнению, заключается в негативном влиянии на экономическую основу государства, подрыве доверия к институтам управления, органам власти. А такая преступность, по мнению С.А. Липиной, наносит серьезный ущерб авторитету страны на международной арене и проведению сбалансированных реформ в государстве [10, с. 95-98]. В результате совершения исследуемых преступлений существенно нарушается экономическая деятельность государства, вследствие чего причиняется значительный материальный ущерб интересам общества и государства.

3. Значительный ущерб, причиняемый исследуемыми преступлениями, не подлежит простому учету, т.к. носит, во-первых, социальный характер (нарушение установленных норм Конституции РФ и трудового законодательства в части своевременной и в полном объеме выплаты заработной платы; утрата доверия к существующей власти; утрата здоровья при

проведении голодовок и т.п.), во-вторых, экономический характер (например: дезорганизация работы предприятия (организации, учреждения); потери от забастовок на рабочих местах; отсутствие железнодорожного и автомобильного движения в результате перекрытия железнодорожных и автомобильных трасс и т.п.).

Так, по данным Росстата [11], в 2007 году в 50 % случаев проведения забастовок в Российской Федерации поводом выступала невыплата задолженностей по заработной плате.

В то же время, по нашему мнению, сокращение количества забастовок в последние годы (2008 г. – 4; 2009 г. – 1; 2010-2011 гг. – 0) совсем не означает снижения гражданской борьбы за своевременную выплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат, т.к., во-первых, не все забастовки подлежат учету; во-вторых, продолжаются протесты в форме голодовок, пикетов, временного приостановления работы и др.

По данным мониторинга Центра социально-трудовых прав, в 2011 г. в России общее количество трудовых протестов достигло 263 (в т.ч. не менее 91 забастовки), что на 28 % больше, чем в 2010 году, но на 4 % меньше, чем в 2009 году. Однако в 2009 году задержка зарплаты являлась причиной только в 56 % случаев всех протестов, в 2010 г. – в 52 % случаев, а в 2011 г. по этому поводу работники протестовали только в каждом третьем случае [12].

4. Распространенность и масштабы. Анализ роста невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат показывает, что с 2000 по 2011 гг. наибольшее количество преступлений, предусмотренных ст. 145-1 УК РФ, было зарегистрировано по Центральному и Приволжскому федеральным округам (1 841 и 1 830 соответственно), что в совокупности составляет 44,2 % от общего количества зарегистрированных обозначенных преступлений по России [9].

5. Высокий уровень латентности является характерной особенностью преступления, предусмотренного статьей 145-1 УК РФ. Исходя из проведенного анализа

статистических данных, выявляемость исследуемых преступлений в 2000-2003 гг. составляла не более 4,2 % от их реального объема. При этом следует отметить, что «...латентная преступность является показателем дееспособности государства в плане контроля преступности» [13, с. 10]. В связи с пристальным вниманием к проблеме невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат со стороны руководства Российской Федерации и правоохранительных органов, в 2004 г. выявляемость преступлений, установленных ст. 145-1 УК РФ, значительно увеличилась и составила 38,3 %. Вместе с тем в последующие годы выявляемость исследуемых преступлений снижается в силу различных объективных и субъективных факторов. Так, например, в 2005 г. выявляемость составила 36,7 %, в 2006 г. – 25,5 %, в 2007 г. – 11,9 %, в 2008 г. – 7,6 %, в 2009 г. – 16,7 %, в 2010 г. – 16,5 %, а в 2011 г. – 13,8 %.

В то же время руководство МВД РФ и Генеральной прокуратуры РФ признало, что в последние годы количество зарегистрированных преступлений составляет лишь около 25 %, а проблема объективности статистических показателей является сложной не только для России, но и для других стран мира [14, с. 222].

По мнению С.М. Иншакова, за период 2004-2009 гг. безнаказанными за совершение преступления, предусмотренного ст. 145-1 УК РФ, остались не менее 15 700 человек [15, с. 212].

6. Способность преступности в сфере нарушений конституционных прав и свобод человека и гражданина детерминировать другие виды преступности.

По нашему мнению, преступление, предусмотренное ст. 145-1 УК РФ – «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат», может способствовать росту и распространению многих других видов преступности. Как нам представляется, исследуемое преступление тесно взаимосвязано с коррупцией, теневой экономикой и т.п.

По нашему мнению, прогноз преступности по невыплате заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных

выплат на ближайшие 2-3 года в целом неблагоприятен.

Как показывает анализ статистических данных, с 2000 года в России происходит рост не только абсолютных показателей преступности в сфере соблюдения конституционных прав граждан, но и коэффициентов преступности данного вида в расчете на все население Российской Федерации, позволяющих наиболее точно фиксировать уровень криминальной активности населения и пораженность преступностью данного вида применительно к конкретным социально-экономическим и демографическим условиям.

Так, коэффициент преступности по исследуемому преступлению в расчете на 100 тыс. всего населения в 2000-2003 гг. возрастал медленно от 0,03 до 0,13. Совершив в 2004 г. значительный скачок до 1,19, коэффициент в последующие годы неизменно снижался, и в 2008 г. составил 0,27. В то же время в 2009-2011 гг. коэффициент преступности составил соответственно 0,59, 0,58, 0,48, что свидетельствует об увеличении количества данного вида преступлений. Из представленных данных следует, что пораженность преступностью за период с 2000 по 2011 гг. в итоге возросла в 16 раз, что почти в полном объеме отражает общую динамику преступности этого вида. В связи с этим следует согласиться с мнением Ю.Н. Демидова, что «зарегистрированная преступность не отражает ее действительного состояния, а составляет лишь верхушку “айсберга” фактически совершаемых противоправных посягательств» [16, с. 77].

Также следует отметить тот факт, что обстоятельства, способствующие совершению исследуемых преступлений, обусловлены рядом факторов, детерминирующих должностную преступность и преступность в сфере экономики, которые устанавливаются через закономерности способа совершения преступлений.

Способ совершения преступлений, по мнению Г.Г. Зуйкова, относится к тому универсальному признаку, который своей содержательной характеристикой может удовлетворить интересы практически всех юридических наук [17, с. 80], а их изучение

способствует не только разработке методик по раскрытию преступлений, получению доказательств, изобличающих преступника, выявлению неизвестных эпизодов преступной деятельности и лиц, причастных к совершению преступления, но и выявлению причин и условий, способствующих совершению преступления [18, с. 63].

Следовательно, между способом совершения преступления и обстоятельствами, способствующими их совершению, существует взаимообусловленная связь, которая выражается в следующем.

Во-первых, криминогенные факторы детерминируют способ совершения преступления. Так, на динамике преступности и способе совершения невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат сказываются изменения, происходящие в политической, экономической и социальной сферах.

Во-вторых, по способу совершения преступления можно установить причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Экономические реформы, произошедшие в стране в конце XX в., послужили одним из основных условий для реального уменьшения доходов и увеличения социального неравенства населения. Инфляция и обесценивание национальной валюты также явились одной из причин увеличения роста совершения исследуемых преступлений. Кроме того, существенным фактором, благоприятствующим преступлениям, связанным с невыплатой заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат, являются также и недостатки в правовом обеспечении.

7. Кроме того, не может не сказаться и факт поистине огромных размеров задолженности в отдельных сферах экономики России. Так, например, если просроченная задолженность по заработной плате была максимальной в конце 1998 – начале 1999 г. и составляла около 77 млрд рублей, то в 2003 г. она составила 30,5 млрд рублей, в 2005 г. – 12,2 млрд рублей [11].

В то же время состояние российской экономики за последние годы, учитывая произошедшие в ней изменения, а также влияние на нее мирового экономическо-

го кризиса свидетельствуют о том, что по-прежнему имеют место банкротства и неплатежеспособность предприятий и, как следствие, остались проблемы как с выплатой заработной платы, так и с выплатой иных социальных платежей.

Так, просроченная задолженность по заработной плате в Российской Федерации в 2007 г. составила 4,159 млрд рублей, в 2008 г. – 2,668 млрд рублей, в 2009 г. – 4,674 млрд рублей, в 2010 г. – 3,565 млрд рублей, в 2011 г. – 2,4 млрд рублей. При этом следует отметить, что при значительном общем снижении просроченной задолженности по заработной плате в Российской Федерации, в период с 2003 по 2011 гг. постоянно увеличивалась просроченная задолженность по заработной плате в расчете на одного работника, перед которым имеется задолженность, составившая в 2003 г. – 2 065 рублей, в 2005 г. – 6 370 рублей, в 2007 г. – 10 192 рублей, в 2009 г. – 14 470 рублей, в 2010 г. – 21 716 рублей, в 2011 г. – 25 681 рубль [11].

Проведенный анализ структуры денежных доходов населения показывает, что основными из них являются заработная плата (включая скрытую (официально не учтенную) заработную плату) и социальные выплаты, которые в совокупности в 2005-2010 гг. составили более 76 % [11].

При этом следует отметить, что ежегодно увеличивается общее количество лиц, получающих заработную плату и социальные выплаты. Так, если в совокупности количество лиц, занятых в экономике, а также пенсионеров, безработных, получающих пособие по безработице, составляло в 2000 г. 104 546,1 тыс. чел. (или 71,5 % от всего населения страны), то в 2005 г. – 108 099,8 тыс. чел. (или 75,7 %), в 2007 г. – 110 522,9 тыс. чел. (или 77,8 %), в 2008 г. – 110 832,2 тыс. чел. (или 78,1 %), в 2010 г. – 111 996,0 тыс. чел. (или 78,4 %) [11].

Кроме того, принимая во внимание количество лиц, получающих стипендии, различные пособия (например: пособие по беременности и родам; до достижения ребенком 1,5 лет; беженцам, ветеранам Великой Отечественной войны и др.), можно констатировать, что данные выплаты за-

трагивают интересы более 85 % населения Российской Федерации.

Как видно, размер задолженности по заработной плате и доминирующая часть населения России, основными источниками существования которой являются заработная плата, пенсия, стипендия, пособия и иные социальные выплаты, также свидетельствуют о необходимости создания жесткого по своей репрессивной силе механизма обеспечения своевременности таких выплат – уголовно-правового механизма.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 145-1 УК РФ, проявляется:

- в динамике указанных преступлений (в 2011 г. +1 468,2 % по сравнению с постоянной базовой на 2000 г.);

- негативном влиянии на экономическую основу государства, подрыве доверия к институтам управления, органам власти, дезорганизации работы предприятия (организации, учреждения);

- распространенности и масштабыности указанных преступлений, предусмотренных ст. 145-1 УК РФ;

- размере задолженности по заработной плате и доминирующей части населения России, основными источниками существования которого являются заработная плата, пенсия, стипендия, пособия и иные социальные выплаты;

- высоком уровне латентности указанных преступлений, основными причинами которой являются: либеральность действующего законодательства, регулирующего невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат; разобщенность уголовного и иного отраслевого законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере оплаты труда и выплаты пенсий, стипендий, пособий и иных выплат; отсутствие единого органа, осуществляющего функции по контролю за своевременным получением гражданами законодательно установленных выплат; слабая ревизионная работа уполномоченных органов, которые наделены функцией фиксации нарушений выплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат; неэффективное взаи-

модействие органов, призванных выявлять преступления, предусмотренные ст. 145-1 УК РФ; общая слабая профессиональная подготовка сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих расследование преступлений, предусмотренных ст. 145-1 УК РФ; допускаемые ошибки при квалификации исследуемых преступлений; недостаточность правовых, организационных и оперативно-розыскных средств для установления и задержания виновного лица).

Таким образом, установление уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат обусловлено:

- необходимостью защиты конституционного права на гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты;

- требованиями международных договоров России;

- необходимостью снижения социальной напряженности в обществе и уменьшения трудовых конфликтов между работниками и работодателями, крайними формами которых являются забастовки;

- общественной опасностью такого преступления.

1. Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. М.: Ин-т актуального образования «ЮрИнфоР-МГУ», 2008. 248 с.

2. О дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 145-1: федер. закон от 15 марта 1999 г. № 48-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 11. Ст. 1255.

3. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 145-1» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 20.08.2012).

4. Судопроизводство у мирового судьи по уголовным делам / под ред. В.Н. Ткачева и Ю.А. Ляхова. Ростов н/Д, 2002. 256 с.
5. Русанова Е. В долгах как в шелках не без удовольствия ходят сегодня некоторые олигархи // Рос. газ. (Федеральный выпуск). 2009. 17 июня.
6. Косякова Ю. Вслед за Пикалево забастовки и голодовки начинаются в других российских моногородах // Труд. 2009. 5 июня.
7. Лашкевич Н. В долгах запуталась зарплата: На смену снижающейся безработице приходит растущая «беззарплатица» // Парламентская газета. 2009. 17 июля.
8. Сайт Прокуратуры Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prokrm.ru/content/view/1489/14/> (дата обращения: 20.08.2012).
9. Статистическая форма 1-Г (Экспресс-информация) о едином учете преступлений ГИАЦ МВД России за 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 гг. // Архив ГИАЦ МВД России.
10. Липина С.А. Внешнеполитические аспекты криминализации России // Информационная безопасность и внешняя политика России в XXI веке. М.: МИД РФ, 2001. С. 95-98.
11. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru>. (дата обращения: 20.08.2012).
12. Бизюков П. [Кризисная статистика] Трудовые протесты в России в 2008-2011 гг. Аналитический отчет (по результатам мониторинга трудовых протестов ЦСТП). URL: http://trudprava.ru/index.php?id=2112&from=search&search_terms=%E7%E0%E1%E0F1F2%E2EA%E8&p=9 (дата обращения: 20.08.2012).
13. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006 / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. 351 с.
14. Лунев В.В. Методы криминологических исследований // Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юрист, 2006. 734 с.
15. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. 839 с.
16. Демидов Ю.Н. Проблемы борьбы с преступностью в социально-бюджетной сфере: монография. М.: Щит-М, 2004. 438 с.
17. Зуйков Г.Г. Поиск преступника по признакам способа совершения преступления. М., 1970. 191 с.
18. Зуйков Г.Г. Использование данных о способе совершения преступления в деятельности органов охраны общественного порядка по предотвращению преступлений // Труды ВШ МВД СССР. М., 1968. № 2. С. 54-67.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В XXI ВЕКЕ

Р.Р. Каримов

(начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
Уфимского юридического института МВД России, кандидат
юридических наук; karimov_rim@mail.ru)

Г.Ю. Каримова

(старший преподаватель кафедры конституционного права Уфимского
юридического института МВД России, кандидат юридических наук;
karimov_rim@mail.ru)

В статье освещаются вопросы нормативного обеспечения противодействия организованной преступности. Авторами рассматриваются международные нормативные правовые акты универсального и регионального характера. Отдельное внимание уделено решениям, принятым по итогам работы Конгрессов ООН.

Ключевые слова: организованная преступность, противодействие организованной преступности, сотрудничество государств, Конгрессы ООН.

Современная организованная преступность – это глобальная проблема для всех государств. Тесное смыкание криминала с экономическими структурами, создающее с помощью коррупции систему защиты от государственного и общественного контроля, – вот одна из самых опасных характеристик организованной преступности. Для понимания этого явления необходимо разобраться в самом понятии «организованная преступность».

Так, например, эксперты ООН рассматривают это социально-правовое явление с двух позиций. В наиболее широком понимании организованную преступность они трактуют как форму незаконного предпринимательства, подпольную экономическую систему. В этом аспекте эксперты ООН определяют организованную преступность как одну из форм экономического предпринимательства, осуществляемую с помощью противозаконных средств, связанных с угрозой применения физической силы или ее использованием, вымогательством, коррупцией, шантажом и другими методами, а также использованием незаконно производимых товаров и услуг.

С другой позиции, данное явление характеризуется как серия сложных уголовных видов деятельности, осуществляемых в широких масштабах организациями и другими группами, имеющими внутрен-

нюю структуру, которую толкает на это, главным образом, получение финансовой прибыли и приобретение власти [1, с. 6].

Целью организованных преступных сообществ является извлечение максимальных доходов, обогащение в особо крупных размерах. Поэтому мелкие и случайные «источники доходов» организованные сообщества, как правило, не интересуют [2, с. 10]. Украинские криминологи отмечают: «Для организованной преступности характерны четкость определения перспективных направлений развития отраслей хозяйства, структур бизнеса и быстрота реагирования на изменения экономической, социальной и политической конъюнктуры» [3, с. 407].

Эскалация организованной преступности в мире сегодня является одной из основных угроз мировой безопасности.

О серьезности данного явления немало говорилось и на XI Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, апрель 2005 г.). По мнению его участников, процессы глобализации и интеграции образовали новые возможности для преступных организаций, которые используют их для расширения своей деятельности. Они стали свободнее использовать легальную экономику для сокрытия своих действий, быстрого перевода и отмывания доходов. Применяя новейшие

информационные технологии, они имеют возможность поддерживать связь и согласовывать свои действия, несмотря на государственные границы [4, с. 37-38].

Основными координаторами международного сотрудничества по борьбе с преступностью стали Конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, которые созываются раз в пять лет, начиная с 1955 года.

Большое внимание борьбе с организованной преступностью уделил X Конгресс ООН. На его обсуждение были вынесены следующие актуальные проблемы: 1) укрепление законности и упрочение системы уголовного правосудия; 2) международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI в.; 3) эффективное предупреждение преступности: в ногу с новейшими достижениями; 4) правонарушители и жертвы: ответственность и справедливость в процессе отправления правосудия [5].

Главным вопросом рассмотрения стала тема «Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI веке». На Конгрессе была обсуждена и принята очень важная декларация – «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века». Она содержала призыв о скорейшем завершении Конвенции против транснациональной организованной преступности; о разработке международно-правового акта по борьбе с коррупцией; об активизации борьбы против отмывания денег, полученных преступным путем [6, с. 41-43].

С 18 по 25 апреля 2005 г. в Бангкоке состоялся XI Конгресс ООН. Была рассмотрена обширная сфера вопросов, связанных с борьбой с преступностью. Перед Конгрессом были проведены региональные подготовительные совещания в Аддис-Абебе, Бангкоке, Сан-Хосе и Бейруте.

Главная тема Конгресса была установлена следующим образом: «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» [7]. В ходе работы Конгресса были проанализированы

эффективные меры по борьбе с транснациональной организованной преступностью; международное сотрудничество в борьбе с терроризмом и связи между терроризмом и другой преступной деятельностью в контексте работы Управления ООН по наркотикам и преступности; коррупция, ее угрозы и тенденции в XXI веке; экономические и финансовые преступления: вызовы устойчивому развитию; пятидесятилетняя деятельность ООН по установлению стандартов в области предупреждения преступности и уголовного правосудия.

Участники Конгресса с глубокой тревогой заметили признаки становления практической взаимосвязи между организованной преступностью и терроризмом. Так, группа преступников, совершившая теракты в марте 2004 г. в Мадриде, представляла собой странное сочетание «закоренелых экстремистов и радикально настроенных гангстеров»: использованная в терактах взрывчатка была приобретена за деньги и в обмен на наркотики. Наркоторговцы предоставили деньги, оружие, телефоны, машины, убежища и пр. По оценке экспертов ООН, в предстоящие годы сотрудничество между преступными и террористическими структурами станет еще более тесным [6, с. 41-43].

Огромным шагом в деле противодействия организованной преступности стало принятие Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. с двумя дополняющими ее Протоколами: Протоколом против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее.

Конвенция 2000 г. закрепляет необходимость установления государством-участником мер законодательного характера по признанию уголовно наказуемыми перечисленных в Конвенции деяний, совершенных умышленно. Среди них, к примеру, отмывание доходов, полученных преступным путем, коррупция. Конвенция признает необходимость отнесения к категории «серьезных преступлений» всех

преступлений, совершенных в составе организованных преступных групп. В качестве механизма противодействия росту транснациональной преступности Конвенция предлагает считать складывающуюся систему отчетности государства-участника перед Генеральным секретарем ООН о развитии национального законодательства в отмеченной сфере регулирования. В Конвенции также предусматриваются организация международного сотрудничества по вопросам конфискации доходов от преступлений, имущества, оборудования или других средств совершения преступлений, выдача преступников, оказание взаимной правовой помощи и любого иного вида помощи, не противоречащее внутреннему законодательству запрашиваемого государства-участника.

Кроме того, Конвенция ориентирует на создание системы противодействия злоупотреблениям со стороны организованных преступных групп процедурами торгов, проводимых публичными органами, субсидиями и лицензиями, выдаваемыми публичными органами для осуществления коммерческой деятельности, а также использования для предупреждения злоупотреблений юридических лиц. В свете последнего предлагается создать публичный реестр юридических и физических лиц, участвующих в учреждении юридических лиц, управлении ими и их финансировании. Возможно также вести реестр лиц, осужденных за преступления, охватываемые отмеченной Конвенцией, и лишенных права занимать должности руководителей юридических лиц [8, с. 113-121].

Ученые сосредотачивают внимание и на том, что организованная преступность интересуется еще и областью внешнеэкономических отношений. Небывалый размах приобрел вывоз за рубеж различных комплектующих, полезных ископаемых и энергоресурсов.

Организованная преступность также сопряжена с различной незаконной деятельностью. Одним из видов такой деятельности является незаконный оборот наркотиков. Мировое сообщество давно поняло необходимость противостоять

этому противоправному явлению. Так, в 1993 году Китай, Лаос, Мьянма и Таиланд подписали соответствующий меморандум. В 1995 году к нему присоединились Камбоджа и Вьетнам. В соответствии с меморандумом был принят план субрегиональных действий. В рамках его реализации к началу 2000 года осуществлялось 12 проектов, 6 из которых включали правоохранительные инициативы, в том числе разработку оперативных процедур контроля за оборотом наркотиков, усиление возможностей судебного преследования, оптимизацию международного сотрудничества [9, с. 26-27].

В 2003 году был учрежден Парижский пакт – неформальная организация, которая объединяет государства, испытывающие воздействие афганской «опиумной экономики». Ее эксперты установили наличие трех наркопотоков, идущих из Афганистана: Западного (через Иран, Турцию, Балканы), Северного (через Таджикистан, Узбекистан, Казахстан и Россию) и Южного (через Пакистан) [10, с. 4]. Разгром «Талибана» силами международной коалиции не решил эту проблему, так как костяк военного контингента составляют подразделения армии США, которые не ставят перед собой задачу борьбы с наркотрафиком. Подтверждением этого может служить тот факт, что только за 2004 год правоохранительными органами России изъято 1090,5 кг опия и 1095,7 кг героина, поступивших из Афганистана [11, с. 14].

Последовательное изучение проблем противодействия организованной преступности привело к выработке основных принципов межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с данным явлением. В числе основных можно назвать:

- унификацию нормативно-правовой базы противодействия организованной преступности;
- противодействие финансированию организованной преступности;
- имплементацию норм международного права в сфере борьбы с организованной преступностью в национальное законодательство.

Организованная преступная деятельность, особенно в экономической сфере, практически полностью глобализована. Механизмы извлечения доходов преступным образом все чаще приобретают межрегиональный и международный характер, реализуясь на территории сразу нескольких стран [12, с. 36].

Глобализация раскрыла новые формы транснациональной преступности, например, незаконную миграцию. Криминальное перемещение людей, по мнению В.С. Свиридова, – это организованное перемещение любого человека (или группы людей), вопреки его (их) воле, внутри страны или за ее пределы путем насилия или любым иным способом, нарушающим его (их) права, а равно приводящим к нарушению этих прав [13, с. 6]. Прошедшая в Каире в сентябре 1993 года Международная конференция по народонаселению и развитию рассмотрела в числе прочих и проблему незарегистрированных мигрантов [14]. По оценке экспертов ООН, незаконная миграция ежегодно приносит доход в валовом исчислении почти 7 млрд долларов США. Незаконная миграция дестабилизирует в целом обстановку в государстве [15, с. 86].

Россия также является активным участником в борьбе с организованной преступностью. Для нашей страны особую значимость представляют транснациональные проявления преступности на ее собственной территории.

Энергичная интеграция России в мировое сообщество сопряжена с внушительным притоком иммигрантов. По данным ФМС России, ежегодно в нашу страну въезжает более 20 млн иностранных граждан. В то же время недостаточный пограничный и иммиграционный контроль, а также корумпированность проверяющих органов спровоцировали появление немалого количества нелегальных мигрантов. По различным оценкам, на территории Российской Федерации находится от 5 до 10 млн иностранцев с неопределенным правовым статусом. Их нахождение на территории страны с каждым годом оказывает все более ощутимое влияние на криминальную обстановку [4, с. 37-38].

Иной отрицательной тенденцией является объединение российских организованных преступных групп с зарубежными преступными формированиями, складывающееся на территории России как автономный сегмент транснациональной организованной преступности.

Вопросы борьбы с организованной преступностью освещены и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. В ней были обозначены цели снижения уровня организованной преступности, коррупции и наркомании, противодействия преступным формированиям в легализации собственности экономической основы, достижения социально-политической стабильности и положительной динамики развития Российской Федерации и др. [16]

Важным аспектом борьбы с организованной преступностью является искоренение коррупции. Поэтому борьба с коррупцией должна быть всеохватывающей. В связи с этим Комитет Министров Совета Европы 6 ноября 1997 года принял резолюцию, установившую двадцать руководящих принципов борьбы против коррупции, и призвал национальные власти применять их в своем национальном законодательстве и практике [17]. В Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года, которая ратифицирована Федеральным законом от 8 марта 2006 года [18, с. 13], также охватываются принципиально значимые положения, ориентированные на противодействие и искоренение коррупции [19].

Следует особо отметить роль Министерства внутренних дел в борьбе с организованной преступностью. МВД России является одним из самых инициативных и деятельных органов, реализующих международное сотрудничество по борьбе с преступностью в Российской Федерации. МВД России выполняет целый комплекс мероприятий, ориентированных на предупреждение преступности. Так, например, важным направлением деятельности МВД является формирование и выработка механизма международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму,

организованной преступности и нелегальной миграции. Международное сотрудничество воплощается в жизнь в уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных, оперативно-розыскных, криминологических, организационно-технических формах. Курсы международного сотрудничества определяются уровнем существующей угрозы для международного правопорядка от тех или иных противоправных посягательств. Министерством подготовлено и подписано около 70 межведомственных договорно-правовых документов, разработано к подписанию свыше 100 межгосударственных, межправительственных, а также более 30 межведомственных актов. Существенная их часть затрагивает вопросы экстрадиции лиц, совершивших тяжкие преступления, в том числе в составе организованной группы [20, с. 35-38].

При непосредственном участии МВД России, сформирована правовая база, регламентирующая борьбу с терроризмом и экстремизмом, содержащая несколько десятков юридических актов. Ее базовыми составляющими являются Федеральные законы «О противодействии терроризму» 2006 г. и «О противодействии экстремистской деятельности» 2002 г.

Исходя из современной криминальной обстановки, законодательство по борьбе с организованной преступностью постоянно совершенствовалось. Был осуществлен ряд изменений в уголовном, уголовно-процессуальном и административном законодательстве. Юридическую поддержку приобрели предложения по усилению ответственности за данный вид преступлений.

Осуществлены шаги, сориентированные на улучшение законодательного регулирования миграционных процессов. Нормативная база в данной области приближена к существующему опыту нормотворческого регулирования в зарубежных странах, международным стандартам, учитывает интересы национальной безопасности. На законодательном уровне в 2002 году были решены вопросы гражданства и правового положения иностранных граждан. Разра-

ботан пакет правовых документов, обеспечивающих реформирование государственного управления в сфере миграции.

Расширяется сотрудничество в сфере правоохранительной деятельности. Следует отметить, что Россия является участницей большинства основополагающих международных соглашений, направленных на противодействие преступности, таких как: Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г., Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1996 г., Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1997 г., Европейская конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г., Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией от 6 марта 1998 г., Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. и др.

В рамках сотрудничества Министерством заключено 13 международных межведомственных соглашений, также подписаны договоры о сотрудничестве с правоохранительными структурами Китая, Корейской Республики, Монголии, КНДР.

По мнению В.В. Черникова, интенсивный процесс законотворческой деятельности отрицательно влияет на единство нормативно-правовой базы, предполагающей существование, наряду с актами высшей юридической силы, необходимых подзаконных актов, устанавливающих механизмы реализации норм, что в конечном итоге позволяет ввести их в действие [21, с. 2-6].

Особую роль в деле противодействия организованной преступности исполняют региональные организации, на базе которых вырабатывается так называемое «право сообщества». Такими, например, являются принципы и нормы, принимаемые и действующие в рамках Содружества

Независимых Государств, обладающие как признаками норм международного права, так и признаками «уставного права сообщества» с более жесткими регулятивными воздействиями [22, с. 24]. Страны, являющиеся членами СНГ, так же как и европейские государства, входящие в состав ЕС, показывают готовность разрешать задачи противодействия транснациональной преступности в рамках своего региона. По мнению Р.Х. Кубова, такое решение рационально уже хотя бы потому, что, во-первых, особенности преступности в данных государствах максимально сходны в силу объективных причин криминогенного характера, во-вторых, внутреннее законодательство государств Содружества изначально сопоставимо по основным содержательным и формально-юридическим характеристикам, что обусловлено их общим «происхождением» и совпадением историко-юридических традиций институционального нормотворчества [20, с. 35-38].

Также на уровне Содружества Независимых Государств 2 апреля 1999 г. в Москве Совет глав государств СНГ утвердил Концепцию взаимодействия государств СНГ в борьбе с преступностью. В Концепции специально уделяется значительное внимание тому, что преступность в государствах – участниках СНГ неуклонно принимает транснациональный характер и крайне противоречит осуществляемым социально-экономическим переустройствам. В ней отмечается, что преступность стала все более затрагивать безопасность государств и непосредственно граждан. Как сказано в Концепции, объединение криминальных группировок происходит на территориальном, межрегиональном и международном уровнях. Преступники эффективно используют территории государств СНГ для торговли наркотиками, легализации доходов, полученных преступным путем, контрабанды, вымогательства и др. В Концепции сказано, что эффективная борьба с преступностью может быть обеспечена только на базе тесного взаимодействия государств – участников СНГ. Целями настоящей Концепции являются расширение и укрепление сотрудничества государств

– участников СНГ в борьбе с организованной преступностью. Концепция устанавливает основные принципы, задачи, направления, формы и систему обеспечения взаимодействия государств – участников СНГ в борьбе с преступностью через определяемые ею компетентные органы, такие как прокуратура, органы внутренних дел, органы государственной безопасности и внешней разведки, налоговая полиция, таможенная служба, органы охраны государственной границы и другие государственные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, а также через уставные органы и органы отраслевого сотрудничества СНГ, созданные для координации и взаимодействия в борьбе с преступностью (Координационный совет Генеральных прокуроров, Совет министров внутренних дел, Совет руководителей органов безопасности и специальных служб, Совет руководителей таможенных служб, Совет командующих пограничными войсками, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ и др.) [23].

В целом в рамках СНГ создана солидная нормативная база противодействия преступности, которая включает в себя следующие документы: Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере экономики (1996 г.); Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров (2000 г.); Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации» (2001 г.); Соглашение о сотрудничестве в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека (2005 г.); Договор о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма (2007 г.) и многие др.

Также следует отметить, что в октябре 2011 года была принята Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий [24, с. 37-40].

В заключение еще раз необходимо отметить тот факт, что организованная преступность является одной из серьезнейших проблем современного общества. Деятельность организованных преступных группировок непосредственно направлена против устоев государственности и общественной безопасности. Исходя из этого, необходимо следующее:

1. Определять и подвергать анализу новые формы организованной преступности, а также формулировать цели и приоритетные направления правоохранительной деятельности.

2. Государственная политика по борьбе с организованной преступностью на различных уровнях должна быть единой независимо от регионального компонента.

3. Государства должны в полной мере осознавать организованную преступность как неотделимую часть любого современного общества и принимать меры к непосредственному обеспечению безопасности населения и каждого индивида в отдельности от незаконных посягательств преступников.

4. Государственная власть должна осуществлять экономическое и материально-техническое оснащение правоохранительной деятельности, вырабатывать информационно-аналитическую и научно-исследовательскую политику в области противодействия организованной преступности.

5. Укрепление международно-правовой базы борьбы с организованной преступностью должно идти путем унификации норм национального законодательства государств в этой сфере.

1. Корчагин А.Г., Номоконов В.А., Шульга В.И. Организованная преступность и борьба с ней: учеб. пособие. Владивосток, 1995. 107 с.

2. Основы борьбы с организованной преступностью: монография / А.И. Коннов [и др.]; под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996. 400 с.

3. Коваленко О.И., Филонов В.П. Курс лекций по криминологии и профилактике преступности. Донецк, 1995. 592 с.

4. Сухаренко А.Н. Противодействие транснациональной организованной преступности в России: состояние и проблемы // Международное публичное и частное право. 2007. № 2. С. 37-38.

5. Документ ООН A/CONF.187/1.

6. Нигматуллин Р.В. Одиннадцатый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и проблемы координации международного сотрудничества по борьбе с преступностью // Международное публичное и частное право. 2006. № 5. С. 41-43.

7. Документ ООН. A/CONF. 203/L.2 / AXX.2.

8. Васильева Л.Н. Транснациональные преступления как угроза национальной безопасности России (конвенционные механизмы противодействия) // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 113-121.

9. Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати). Ежемесячный информационный бюллетень. 2002. № 4. С. 26-27.

10. «Парижский пакт»: «круглый стол» по незаконному обороту и транзиту афганских опиатов через Россию // Монитор. 2004. № 3. С. 4-5.

11. Гордиенко В.В. Криминологические угрозы безопасности России // Актуальные вопросы противодействия международной преступности на современном этапе: материалы международной конференции 19 апреля 2005 г. М., 2005. С. 14.

12. Логинов Е. Борьба с российской организованной преступностью: международный аспект // Законность. 1998. № 7. С. 36-39.

13. Свиридов В.С. Криминальное перемещение людей: характеристика и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 18 с.

14. Документ ООН. E/CN.15/1995/3.

15. Нигматуллин Р.В. Международное сотрудничество государств в борьбе с организованной преступностью: история и современность // Международные и национальные проблемы борьбы с организованной преступностью: материалы междунар. науч.-практ. конф., 12-13 апреля 2007 г.: в

4 ч. Ч. 1 / под. общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2007. С. 78-88.

16. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.

17. URL: <http://www.prfitclub.md/1aws/management/110602.01.shtml>.

18. Рос. газ. 2006. 21 марта.

19. URL: <http://www.un.org/russian/document/convents/corruption.pdf>.

20. Кубов Р.Х. Актуальные проблемы международного сотрудничества по противодействию организованной преступности // Российский следователь. 2007. № 19. С. 35-38.

21. Черников В.В. Нормотворческая деятельность МВД России на современном этапе // Российский следователь. 2006. № 7. С. 2-6.

22. Тихомиров Ю.А. Международное и внутреннее право: динамика соотношения // Правоведение. 1995. № 3. С. 24, 56-66.

23. Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. № 1 (31). С. 84-93.

24. Жерновой М.В., Сухаренко А.Н. Проблемы борьбы с организованной преступностью в СНГ // Рос. юстиция. 2012. № 6. С. 37-40.

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ЗНАЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХИЩЕНИЙ СОТОВЫХ ТЕЛЕФОНОВ

В.В. Алексеев

(доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и оперативно-технических мероприятий ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук, доцент; 8 (3452) 59-84-74)

В.Б. Батоев

(старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники в ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск; vbatoev@mail.ru)

Авторами статьи дана комплексная характеристика хищений сотовых телефонов. В частности, рассмотрены структура и динамика хищений, предмет преступного посягательства, обстоятельства и способ совершения преступления, места сбыта похищенных сотовых телефонов. Представлена характеристика личности преступника и потерпевшего.

Ключевые слова: хищение сотовых телефонов, оперативно-розыскное противодействие, кража, мошенничество, грабеж.

В последнее десятилетие XX и начале XXI века происходит активная компьютеризация населения и развитие рынка мобильных средств связи, иначе говоря, сотовых телефонов.

Связь посредством сотовых телефонов является в настоящее время одной из самых быстроразвивающихся и перспективных областей радиосвязи, а операторы мобильной связи наступательно реализуют основную цель их создания – обеспечение мобильной связью максимально большего числа абонентов, что через определенно короткое время приведет к тому, что каждый человек в России, с момента восприятия им окружающего социума, будет иметь сотовый телефон.

Постоянный рост потребительского спроса на услуги связи в Российской Федерации, а также достижения научно-технического прогресса привели к тому, что сотовая связь стала одной из наиболее динамично развивающихся отраслей инфраструктуры современного общества [1, с. 65]. Так, если в 1997 г. было продано всего 200 тыс. сотовых телефонов [2], то в 2011 г. реализовано уже 40,5 млн аппаратов на 174,8 млрд рублей [3].

При этом анализ указанных преступных деяний показывает, что соразмерно темпам роста числа имеющихся в пользовании сотовых телефонов увеличивается и количество их хищений.

Общеизвестно, что в последние годы общее количество преступлений, регистрируемых на территории Российской Федерации, последовательно снижалось. Такая же тенденция наблюдается и в отношении хищений, предметом преступного посягательства которых являются сотовые телефоны (с 394 685 в 2007 г. до 214 166 в 2011 г.). Однако, как показал анализ статистических данных по ряду субъектов Российской Федерации, хищения мобильных телефонных аппаратов, в структуре всей преступности составляют от 9,8 % до 20,5 % (а в структуре регистрируемых хищений – от 22,6 % до 30,5 %) [2]. В то же время следует отметить стабильное падение раскрываемости данного вида преступлений в последние годы, начиная с 2007 г. (в 2011 г. в целом по Российской Федерации она снизилась на 10,8 %, в Сибирском федеральном округе, в частности, – на 13,9 %) [2].

Одной из причин такой низкой результативности деятельности оперативных

подразделений, на наш взгляд, является отсутствие научно обоснованной методики оперативно-розыскного противодействия данному виду преступлений. В связи с этим возникла объективная необходимость ее разработки в целях повышения эффективности выявления, предупреждения и раскрытия хищений средств сотовой связи.

Особую роль в деле противодействия хищениям сотовых телефонов, учитывая прямой умысел при их совершении, должна сыграть оперативно-розыскная деятельность, базирующаяся, в частности, на знании комплексной характеристики преступлений данного вида.

Следует отметить, что понятие «комплексная характеристика» пока не получило широкого внедрения в теорию и практику оперативно-розыскной деятельности. Однако некоторые ученые в своих работах применяют такую характеристику, рассматривая содержание отрасли хозяйственной деятельности и совершаемых в ней преступлений. В данную характеристику они включают элементы, способные передать специфику деятельности конкретной отрасли, подвергающейся оперативному обслуживанию [4, с. 59; 5, с. 7; 6, с. 20; 7, с. 41; 8, с. 34; 9, с. 59; 10, с. 24]. Мы солидарны с таким подходом.

Для определения понятия комплексной характеристики, по нашему мнению, необходимо отобрать те элементы характеристик уголовно-правового цикла, которые будут эффективны в плане практического применения в процессе противодействия преступности рассматриваемого рода (вида).

Исходя из проведенного нами исследования хищений сотовых телефонов (изучены материалы 215 уголовных дел и архивных дел оперативного учета), для формирования понятия комплексной характеристики данных хищений наиболее важное значение имеют следующие элементы:

1. Состояние, структура и динамика хищений сотовых телефонов.
2. Предмет преступного посягательства.
3. Обстоятельства совершения преступления.

4. Способ совершения и сокрытия преступлений.

5. Характеристика типичных каналов сбыта похищенных сотовых телефонов.

6. Характеристика личности преступника и потерпевшего.

7. Виртуальные следы.

Рассмотрим их более подробно.

Состояние, структура и динамика хищений сотовых телефонов

Состояние преступности, связанной с хищениями сотовых телефонов, представляет собой, на наш взгляд, совокупность ее количественных и качественных показателей на территории административно-территориального образования за определенный период времени.

Уровень преступности, связанной с хищениями сотовых телефонов, характеризует ее количественные параметры, отвечая на вопрос о том, сколько совершено и зарегистрировано рассматриваемых преступлений, сколько лиц привлечено к уголовной ответственности. Он, как правило, измеряется в абсолютных и относительных показателях. Уровень преступности в относительных показателях показывает, какое число зарегистрированных преступлений (или лиц, их совершивших) приходится на заданное количество населения (обычно на 100 тысяч жителей).

Динамика преступности, связанной с хищениями сотовых телефонов, – это процесс изменения рассматриваемой преступности во времени.

Владение оперативными сотрудниками информацией о состоянии, уровне и динамике преступности, связанной с хищениями сотовых телефонов, даст возможность последним знать степень распространенности рассматриваемого вида преступлений и лиц, их совершивших, на определенной территории и за определенный период времени.

Кроме того, владение такой информацией позволит сравнивать рассматриваемый вид преступности с показателями других территориальных органов внутренних дел, как на региональном, окружном, так и на федеральном уровнях.

Предмет преступного посягательства

Под предметом преступного посягательства мы понимаем сотовый телефон как вещь материального мира, воздействуя на которую преступник нарушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом.

Особенности организации и тактики раскрытия хищений сотовых телефонов во многом обусловлены специфичностью предмета преступного посягательства (средства сотовой связи).

Одной из таких отличительных особенностей является то, что каждое средство сотовой связи имеет свой идентификационный номер (IMEI-номер) – пятнадцатизначный код. В первых шести цифрах содержится информация о модели телефона, в следующих двух – о стране-производителе, затем шесть цифр собственного уникального кода и одна – служебные данные [1, с. 64].

Данный код является уникальным серийным номером каждого мобильного терминала стандарта GSM*, который включает в себя так называемое GSM-позиционирование звонящего. С помощью специального программного обеспечения, анализирующего сигнал, полученный с телефона, можно определить: в каком именно секторе какой базовой станции находился звонящий; как близко он находился к краю сектора и к какому; как близко он находился к базовой станции. Точность определения координат звонившего составляет десятки метров – в некоторых случаях этого достаточно, чтобы найти его. Эта технология применяется во всем мире при определении координат экстренных вызовов служб спасения, когда звонящий не успевает или не в состоянии сообщить свои координаты [11, с. 45].

IMEI-номер сотового телефона представлен в двух видах:

– печатном – наклейка на корпусе со-

тового телефона под элементом питания, а также на упаковке;

– программном, путем внесения в «электронную память» сотового телефона заводом-изготовителем.

Владелец сотового телефона может определить его IMEI-номер, набрав на клавиатуре последовательно *#06#.

Еще раз отметим: уникальность IMEI-номера заключается в том, что номера с аналогичным цифровым набором больше нет ни у одного сотового телефона. Наличие этого номера определяет особенности фиксации и обнаружения средства сотовой связи. IMEI-номер позволяет операторам, оказывающим услуги сотовой связи, а также правоохранительным органам, определить наличие (отсутствие) средства сотовой связи в сети, направление его перемещения и т.д.

Второй особенностью является то, что сотовый телефон не может функционировать без подключения к абонентским линиям. Для этого абонент на время пользования системой GSM сотовой связи должен получить так называемую SIM-карту**.

С помощью SIM-карты обеспечивается идентификация средства сотовой связи, его доступ к сети подвижной связи, а также защита от несанкционированного использования абонентского номера. SIM-карта представляет собой пластиковую смарт-карту с чипом, на котором содержится информация, идентифицирующая абонента в сотовой сети. Без SIM-карты телефон можно использовать только для экстренных звонков, таких, как вызов полиции, неотложной медицинской помощи и др. SIM-карта программируется сотовым оператором и имеет свой десятизначный номер.

Знание данных особенностей поможет сотрудникам оперативных подразделений выбрать определенную тактику раскрытия хищений сотовых телефонов.

* GSM – Global System for Mobile Communications (букв. – Глобальная система мобильной связи) – цифровой стандарт сотовой связи (см.: Семенов Г.В. Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций. М., 2008).

** SIM (SIM-card) – Subscriber identity module – модуль идентификации абонента (SIM-карта, используется в стандарте GSM) (см.: Семенов Г.В. Указ. соч).

Обстоятельства совершения преступления

В данную категорию мы включаем три элемента: место, время и обстановку совершения хищения сотового телефона.

Место совершения хищения сотового телефона – это определенная территория, на которой произошло хищение.

Время совершения хищения сотового телефона – это определенный временной и календарный период, в течение которого было совершено хищение сотового телефона.

Обстановка совершения хищения сотового телефона – это объективные условия, в которых происходит хищение сотового телефона.

Следует отметить, что хищения сотовых телефонов можно определить как «городское преступление».

Выявлен ряд причин и обстоятельств, объясняющих такую ситуацию. Во-первых, в крупных населенных пунктах сосредоточено большое количество населения, обилие магазинов, рынков, различных коммерческих и государственных предприятий, учреждений досуга, имеется развитая транспортная сеть, большая миграция населения. Все это облегчает хищение и дальнейший сбыт похищенного сотового телефона.

Во-вторых, хищение сотового телефона в сельской местности затруднено из-за высокого уровня социального контроля, вызванного более тесными связями между жителями деревень, сел, поселков.

В ходе проведенного нами исследования было установлено, что по времени совершения краж и мошенничества, предметом преступного посягательства которых выступал сотовый телефон, с 1 часа до 5 часов было совершено 10 % преступлений; с 6 до 12 часов – 20 %; с 13 до 18 часов – 40 %; с 19 до 24 часов – 30 % преступлений.

В зависимости от времени года совершение краж и мошенничества распределилось следующим образом: осень-зима – 46 % случаев; весна-лето – 54 % случаев.

Картина несколько иная, когда речь идет о грабежах и разбойных нападениях:

с 1 часа до 5 часов было совершено 35 % грабежей и разбоев; с 6 до 12 часов – 5 %; с 13 до 18 часов – 15 %; с 19 до 24 часов – 45 %.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что кражи и мошенничество чаще совершаются в дневное и вечернее время (70 % случаев) в весенне-летний период (54 % случаев), а грабежи и разбойные нападения совершаются чаще в вечернее и ночное время (80 %), а также в весенне-летний период.

Способ совершения и сокрытия преступлений

Рассматривая хищения сотовых телефонов, можно констатировать, что данные противоправные деяния совершаются только с прямым умыслом и что преступный элемент с момента подготовительных действий активно занимается выбором способов совершения преступного деяния, а также способов его сокрытия, что в значительной мере осложняет процесс раскрытия хищений сотовых телефонов и привлечения виновных к уголовной ответственности.

Анализ практики показывает, что основными способами совершения рассматриваемых преступлений являются:

- тайное хищение сотового телефона (ст. 158 УК РФ);

- хищение сотового телефона, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ);

- открытое хищение сотового телефона (ст.ст. 161, 162 УК РФ) [12, с. 54].

Рассмотрим их более подробно. В результате нашего исследования было установлено, что если речь идет о кражах, то:

- в 20 % случаев – это кражи, совершенные путем тайного проникновения в помещение или жилище;

- 35 % случаев – кражи, совершенные путем свободного доступа;

- 35 % – карманные кражи;

- 10 % – иные.

При этом необходимо отметить, что не во всех случаях сотовый телефон был конкретным предметом преступного посягательства. Практика показывает, что в 30 % случаев сотовый телефон был второ-

степенным («попутным») предметом преступного посягательства.

Среди наиболее распространенных способов мошенничества можно выделить:

- просьбу произвести срочный телефонный звонок другу, подруге, больной матери и т.д. либо вызвать экстренные службы (42 % случаев);

- преступление, совершаемое группой лиц, сопряженное с передачей телефона от одного преступника другому в целях невозможности определения со стороны потерпевшего, у кого он в итоге находится (20 % случаев);

- просьбу произвести звонок с демонстрацией якобы севшей батареи либо SIM-карты (10 % случаев);

- подмену идентичного неработающего сотового телефона на телефон потерпевшего (5 % случаев);

- сравнение телефона с якобы ранее похищенным телефоном преступника (5 % случаев);

- иное (18 % случаев).

Характеризуя открытые формы хищения сотовых телефонов, следует отметить, что в большинстве случаев это грабежи, причем:

- совершенные без применения насилия (72 % случаев);

- совершенные с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья (28 % случаев).

Рассматривая способы сокрытия анализируемых преступлений, следует выделить:

- отключение похищенных средств сотовой связи от источников питания (71 % случаев);

- изъятие из сотовых телефонов SIM-карт потерпевших (66 % случаев);

- изменение IMEI-номера похищенных средств сотовой связи с помощью специальной программы через определенный промежуток времени после совершения преступления (12 % случаев);

- изготовление подложных документов, инструкций по эксплуатации, сертификатов соответствия, гарантийных талонов и др. для «безопасного» сбыта похищенных телефонов (14 % случаев);

- изменение цветовой гаммы чехлов, корпусов и дисплеев средств сотовой связи (8 % случаев) [1, с. 65].

Характеристика типичных мест сбыта похищенных сотовых телефонов

Места сбыта похищенного можно классифицировать на вероятные, устойчивые и традиционные.

К вероятным местам сбыта похищенных средств сотовой связи можно отнести организации, предприятия, торговые точки различных форм собственности. Таковыми местами являются: рестораны, бары, кафе, коммерческие магазины и палатки. На долю вероятных мест сбыта приходится около 19 % от объема реализации похищенных средств сотовой связи.

Устойчивые места сбыта – это в основном рынки, торговые площади, вокзалы, подступы к ним, квартиры граждан или подобные места и помещения (общежития), а также такси. На долю таких мест сбыта приходится около 46 % от объема реализации похищенных средств сотовой связи.

Через традиционные места сбыта реализуется до 60 % похищенных средств сотовой связи. К ним относятся предприятия или организации, специально предназначенные по роду своей деятельности для оценки, скупки сотовых телефонов у населения, их реализации, а также коммерческие и комиссионные магазины, торговые точки, ориентированные на ремонт и скупку бывших в употреблении средств сотовой связи.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что знание оперативными сотрудниками характеристики типичных каналов сбыта похищенных сотовых телефонов будет способствовать определению направлений и форм оперативно-розыскной деятельности при выявлении и документировании фактов незаконной продажи и скупки похищенных сотовых телефонов.

Характеристика личности преступника и потерпевшего

Лиц, занимающихся хищениями сотовых телефонов, можно разделить на несколько групп:

- а) примитивные преступники, совершающие хищения в силу каких-то конкретно сложившихся ситуаций, заранее не

готовясь к ним. Обычно такие хищения совершаются по внезапно возникшему умыслу, когда сама обстановка совершения преступления не требует никаких подготовительных мер, например, кража сотового телефона, оставленного без присмотра в кафе;

б) квалифицированные преступники – это лица, которые обладают определенными навыками, и совершают преступления продуманным способом. Они, как правило, склонны к использованию одних и тех же приемов;

в) преступники-профессионалы (рецидивисты). Обладая преступными навыками и опытом, они стараются совершить преступление проверенным и хорошо подготовленным способом. Например, для совершения карманных краж действия преступников доводятся до автоматизма.

Степень общественной опасности рассматриваемой категории преступлений возрастает, когда они совершаются в составе группы лиц. Как показало наше исследование, 70 % грабежей, разбоев, карманных краж и мошенничеств совершены в составе группы лиц, причем в 80 % случаев группа состояла из двух участников, а в 17 % в состав преступной группы входило от трех до пяти человек. Характерно, что преступные группы в 75 % случаев формировались по месту жительства участников.

Наиболее криминально активную группу составляют лица в возрасте от 18 до 30 лет (60 % от числа изученных нами лиц, совершивших исследуемые преступления). Но наряду с этим наблюдается рост числа несовершеннолетних преступников. Так, например, по делам о грабежах, относящихся к рассматриваемой категории преступлений, несовершеннолетние составляют 41 %. Подавляющее большинство хищений сотовых телефонов совершают мужчины (95-97 %), на долю женщин выпадает около 3 % совершенных преступлений.

Не имея возможности в рамках данной статьи рассмотреть все составляющие характеристики личности преступника, отметим, что 45 % лиц, причастных к хищениям сотовых телефонов, ранее были судимы, из них 40 % – за преступления против собственности.

Характерно, что 35 % виновных в момент совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения, а 12 % – в состоянии наркотического опьянения.

Рассматривая вопрос о личности потерпевшего от хищения сотового телефона, следует отметить, что в результате изучения уголовных дел и дел оперативного учета нами установлено, что в 66 % случаев потерпевшими были женщины, в 20 % случаев – несовершеннолетние лица, в 14 % – мужчины. Таким образом, большинство исследуемых преступлений совершается в отношении женщин и несовершеннолетних (86 %), не способных оказать серьезного противодействия преступникам.

Виртуальные следы

При противодействии хищениям средств сотовой связи знание виртуальных следов имеет существенное значение для успешного раскрытия и расследования уголовных дел.

Согласно п. 24 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О связи» сеть связи – технологическая система, включающая в себя средства и линии связи и предназначенная для электросвязи или почтовой связи [13]. Сеть связи, помимо линий связи, включает в себя технические и программные средства (компьютерную технику в виде коммутатора ЭВМ и сотового телефона), используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи (компьютерной информации). Таким образом, при осуществлении звонка с похищенного средства сотовой связи информация о его использовании (виртуальные следы преступления), согласно определению В.А. Мещерякова, сохраняется в «автоматизированной информационной системе» [14, с. 104], в нашем случае – на коммутаторе ЭВМ оператора связи – юридического лица или индивидуального предпринимателя, оказывающего услуги связи на основании соответствующей лицензии [13].

Для появления значимых для раскрытия и расследования преступления виртуальных следов необходимо, чтобы средство сотовой связи использовалось по назна-

чению (велись телефонные переговоры, принимались MMS- и SMS-сообщения и т.п.) после его похищения.

Индивидуальными техническими характеристиками средства сотовой связи являются IMEI-номер, который индивидуален и присваивается каждому средству сотовой связи, и SIM-карта, с помощью которой обеспечивается идентификация средства сотовой связи и его доступ к сети связи. Вся информация, исходящая и входящая на конкретный мобильный телефон, отражается в памяти указанного телефона и на сервере оператора связи при помощи биллинговых систем^{***}. На сервере оператора сотовой связи мы можем найти следующие виртуальные следы:

– серийный IMEI-номер мобильного телефона при его эксплуатации отражается в биллинговых записях коммутатора. Этот номер «зашит» в программное обеспечение аппарата и сообщается на станцию оператора при регистрации аппарата в сети или при совершении звонков. Таким образом, даже если преступник поменял в похищенном аппарате SIM-карту потерпевшего на другую, то IMEI-номер мобильного телефона все равно позволит установить это;

– сведения о номере SIM-карты и, соответственно, сведения о ее владельце (абоненте). К сведениям об абоненте относятся: фамилия, имя, отчество или псевдоним абонента – гражданина, наименование (фирменное наименование) абонента – юридического лица, фамилия, имя, отчество руководителя и работников этого юридического лица, а также адрес абонента, абонентские номера. Оператором сотовой связи предоставляются сведения только об абонентах своей абонентской сети, имеющих абонентские номера, принадлежащие оператору;

– детализация телефонных переговоров – это данные о входящих и исходя-

щих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи. Она выполнена в виде таблицы, в графах которой в порядке возрастания времени указаны дата и время соединения, признак исходящего или входящего вызова абонента, номер абонента (кому или кто звонил), продолжительность соединения в секундах, другие технологические требования;

– данные о месте совершения телефонных переговоров по похищенному мобильному телефону между абонентами [15, с. 101-102].

В памяти похищенного мобильного телефона могут содержаться следующие виртуальные следы: IMEI-номер мобильного телефона, который находится в программном обеспечении аппарата; содержание «записной книжки» сотового телефона, в которой могут быть обнаружены сведения о круге знакомых лица, пользующегося телефоном: фамилия, имя, отчество, место жительства, номер мобильного, домашнего, рабочего телефона; текстовое и цифровое содержание MMS- и SMS-сообщений; сведения о последних исходящих и входящих вызовах [15, с. 101-102].

Таким образом, при использовании указанных виртуальных следов в ходе раскрытия и расследования преступления могут быть получены следующие сведения:

1) об абоненте, определенном по IMEI (серийному номеру) разыскиваемого сотового телефона, и наоборот;

2) установочные данные абонента, определенные по его абонентскому номеру, и наоборот, абонентский номер по фамилии;

3) данные об абоненте и его переговорах либо соединениях;

4) данные о месте совершения телефонных переговоров между абонентами.

В заключение следует отметить, что анализ практики выявления, предупреждения и раскрытия преступлений на примере хищений сотовых телефонов позволяет говорить о необходимости применения знаний комплексной характеристики преступлений для повышения эффективности противодействия преступности.

Под комплексной характеристикой мы понимаем совокупность взаимосвязан-

^{***} Биллинг (биллинговые операции, от англ. bill – счет, billing – выписка, выставление счетов) – автоматизированная система формирования (определение стоимости) и выставления счетов к оплате за предоставленные услуги (см.: Семенов Г.В. Указ. соч.).

ных элементов (факторов) уголовно-правового, криминологического, криминалистического, психологического и оперативно-розыскного характера, которую необходимо учитывать в процессе организации и тактики выявления, предупреждения и раскрытия конкретных видов преступлений, для эффективного использования сил, средств и методов ОРД.

1. Ударцев С.Ю. Оперативно-розыскная характеристика краж сотовых телефонов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Шестой междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2008.

2. URL: <http://www.sostav.ru/news>. (дата обращения: 20.08.2012).

3. URL:<http://digit.ru/business>. (дата обращения: 20.08.2012).

4. Абрамов А.М., Куринов Б.А. Мошенничество (комплексная характеристика и методика расследования): учеб. пособие. М.: МПГУ, 2005.

5. Абрамов А.М. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования мошенничества: монография. М.: ЮИ МВД России, 2002.

6. Куркова Н.А. Проблемы расследования преступлений, связанных с контрафакцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003.

7. Шиканов В.Н. О междисциплинарной характеристике отдельных видов преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М., 1984.

8. Ярошенко С.А. Выявление, раскрытие и предупреждение преступлений экономической направленности в сфере пассажирских перевозок на железнодорожном транспорте (по материалам дальневосточного федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2011.

9. Ларичев В.Д. Преступность в сфере экономики (теоретические вопросы экономической преступности): монография. М.: ВНИИ МВД России, 2003.

10. Преступность в сфере внешнеэкономической деятельности / В.Д. Ларичев [и др.]. М.: Экзамен, 2002.

11. Пекин А.Ю., Данич В.Н. Особенности раскрытия краж мобильных // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 3 апреля 2003 г.) / под ред. А.Е. Чечетина. Барнаул, 2003.

12. Бугера М.А. Общественная опасность хищений средств мобильной связи // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2008. № 1 (14).

13. О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.

14. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж, 2002.

15. Шебалин А.В. О некоторых особенностях механизма следообразования по хищениям средств сотовой связи // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Пятой междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 26 апреля 2007 г.). Барнаул, 2007.

О ПЕРСПЕКТИВНЫХ ФОРМАХ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧЕ НЕЗАКОННО ХРАНЯЩИХСЯ СРЕДСТВ ВООРУЖЕНИЯ

А.А. Шмидт

(инспектор по особым поручениям Центра лицензионно-разрешительной работы
Главного управления МВД России по Челябинской области, кандидат
юридических наук; artem-shmidt@yandex.ru)

Статья посвящена проблеме совершенствования механизма осуществляемого органами внутренних дел контроля за оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых материалов. Автором проведен анализ форм профилактической работы органов внутренних дел, сформулированы предложения по использованию инновационных форм агитации и профилактики.

Ключевые слова: оружие и боеприпасы, профилактика правонарушений, полиция, лицензионно-разрешительная система.

Вопросам формирования правосознания владельцев оружия и стереотипов правомерного поведения сегодня уделяется повышенное внимание.

Нестабильная социально-экономическая ситуация, криминализация экономики, а также возникновение ряда локальных вооруженных конфликтов в 90-е гг. XX в. и в XXI в. привели к ослаблению контроля со стороны государства за распространением оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ среди населения и в криминальной среде.

В такой сложной обстановке причинами недостаточной подготовленности и укомплектованности для эффективной борьбы с подобного рода преступлениями органов внутренних дел оказались:

1) недостаток в подразделениях ОВД справочного и методического материала по ведению расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;

2) низкий уровень взаимодействия подразделений ОВД между собой, а также с иными службами и ведомствами, так или иначе связанными с взрывотехническими объектами;

3) недостаточная практическая подготовка сотрудников ОВД по вопросам, связанным с противодействием незаконному обороту, обнаружением, описанием, изъятием и исследованием боеприпасов и взрывчатых веществ;

4) низкий уровень дисциплины отдельных владельцев оружия, руководителей юридических лиц, осуществляющих хранение и использование оружия, допускающих нарушения правил хранения оружия, боеприпасов и взрывчатых материалов, что приводит к утратам и хищениям объектов лицензионно-разрешительной системы, их перетеканию в незаконный оборот.

Указанные причины во многом сохраняют свое влияние на состояние оперативной обстановки сегодня.

Так, по сведениям ИЦ ГУ МВД России по Челябинской области, территориальными органами внутренних дел за 8 месяцев 2012 года выставлено в розыск 34 единицы утраченного оружия, зарегистрировано 22 преступления с применением оружия, в том числе 2 преступления прошлых лет. Отмечается рост на 2,7 % преступлений, связанных с незаконным приобретением, передачей, сбытом, хранением, перевозкой или ношением оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 222 УК РФ). Всего за 8 месяцев зарегистрировано 190 таких преступлений. Кроме того, в 2012 году органами внутренних дел Челябинской области возбуждено два уголовных дела по ч. 1 ст. 222 УК РФ по фактам хищения взрывчатых материалов на горнодобывающем предприятии ОАО «Южуралзолото». Материалы уголовных дел направлены в городской суд

г. Пласт, и в июне текущего года бывшие работники предприятия были осуждены и приговорены к лишению свободы.

В этих условиях оперативно-служебная деятельность органов внутренних дел по контролю за оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых материалов нуждается в совершенствовании, разработке и внедрении новых методов правового воздействия.

Среди методов правового воздействия (регулирования) традиционно выделяют обязывание лиц, установление запретов, выражение дозволения, наделение лиц правомочием, стимулирование [1, с. 197-201]. Если первые четыре метода нашли свое правовое закрепление в УК РФ, КоАП РФ, Федеральном законе «Об оружии», Постановлении Правительства «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», то метод стимулирования должного отражения в нормативных правовых актах не нашел и, как следствие, в практической деятельности ОВД реализован не в полной мере.

Вместе с тем ГУ МВД России по Челябинской области накоплен значительный опыт в этой сфере. Так, за последние 10 лет в ходе проведения оперативно-профилактических мероприятий под условным наименованием «Оружие» населением области добровольно сдано за вознаграждение 5 гранатометов, 4 пулемета, 2 424 единицы огнестрельного гладкоствольного и нарезного оружия, 313 977 патронов к нему, 1 416 единиц газового оружия, в том числе переделанного для стрельбы боевыми патронами, 492 единицы гранат, мин и снарядов, 2 694 средства взрывания, более 347 килограммов взрывчатых веществ промышленного и военного назначения.

В других регионах России эти показатели, как правило, меньше.

При отсутствии финансирования подобного рода профилактических мероприятий приоритетными становятся методы нематериального стимулирования добровольной сдачи населением незаконно хранящегося оружия, боеприпасов и взрывчатых материалов.

По целям и средствам управленческого воздействия метод стимулирования очень тесно связан с методом убеждения в форме применения к подчиненным лицам и руководимым объектам различных мер материального и морального поощрения [2, с. 146].

В течение последних тридцати лет теоретические проблемы правового поощрения освещались в специальных работах В.М. Баранова [3], Г.М. Петрова [4], А.В. Малько [5, с. 26], В.Н. Кудрявцева [6], А.С. Налбандяна [7] и других.

Этот метод в силу специфики отношений по контролю за оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых материалов используется в меньшей степени, что не умаляет его значения в правовом регулировании, а напротив, требует своего развития.

Как метод деятельности исполнительной власти поощрение характеризуется следующими особенностями:

- фактическим основанием для него являются деяния, положительно оцениваемые субъектами власти;
- оно связано с оценкой уже совершенных деяний;
- оно персонифицировано, применяется в отношении отдельных индивидуальных или коллективных субъектов;
- оно состоит в моральном одобрении, наделении правами, льготами, материальными ценностями и иными благами;
- оно косвенно, через интересы, эмоции, сознание воздействует на волю поощряемых, стимулируя, побуждая их [8, с. 338, 340].

При этом одним из факторов, влияющих на результаты борьбы с преступностью, является готовность граждан участвовать в этой борьбе. Правоохранительные органы любой страны мира с древнейших времен не обходятся без использования информации, поступающей от населения [9, с. 11].

Думается, что государство должно поощрять факты сообщения работниками предприятий – участников оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых материалов, гражданами о фактах нарушения законодательства, обеспечивающего за-

конность и безопасность оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых материалов.

Такие представления основываются на следующем. Во-первых, поощрение способствует формированию правосознания и повышению уровня правовой культуры (когда поощряется правомерное поведение). Во-вторых, формируется система внутреннего контроля, которая в силу объективных причин является более эффективной.

Конкретными формами реализации такого содействия должны стать:

- проведение широкой разъяснительной и пропагандистской кампании на постоянной основе;

- организация «телефонов доверия», размещение контактной информации на предприятиях – участниках оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых материалов;

- привлечение к профилактической работе общественности (инициативных граждан, общественных формирований правоохранительной направленности и т.д.), организация взаимодействия с предприятиями, осуществляющими торговлю гражданским и служебным оружием.

I. В целом суть пропаганды соблюдения правил обращения с оружием сводится к систематическому разноплановому информационному воздействию на владельцев оружия и персонал предприятий, являющихся объектами разрешительной системы, и имеет целью формирование у широкого круга лиц как стереотипов допустимого и возможного поведения, так и стереотипов безоговорочного отказа от возможных неправомерных поступков.

Обращаясь к рассмотрению различных способов информационного воздействия на владельцев оружия, можно выделить различные его формы.

На начальных этапах становления разрешительной системы методы пропаганды ограничивались проведением разъяснительных бесед, занятий с трудовыми коллективами организаций, осуществляющих оборот оружия, боеприпасов и взрывчатых материалов.

С увеличением объема легального оборота оружия в целом и ростом доли владельцев оружия стали применяться несколько иные формы работы – тематические публикации в печатных изданиях, организация радиопередач.

Однако в современных условиях этого явно недостаточно; для повышения правовой культуры участников легального оборота оружия необходимо использовать все доступные методы и формы работы.

В современных условиях, когда информационные технологии за последние 20 лет совершили качественный скачок вперед, а степень вовлеченности общества в информационную сферу продолжает расти, на наш взгляд, требуется пересмотр подходов к решению вопросов пропаганды.

Представляется, что информационное воздействие на общество в рамках пропаганды должно носить систематический, разноплановый и инновационный характер, при этом должен быть достигнут разумный компромисс между внедрением дорогостоящих современных технологий и рациональностью расходования бюджетных средств.

Вот только несколько актуальных направлений работы в этой области.

1. В рамках прохождения гражданами соответствующей подготовки и периодической проверки знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием представляется целесообразным непосредственное участие инспектора по лицензионно-разрешительной работе на вводном и заключительном занятиях с целью разъяснения правил оборота оружия, а также демонстрации наглядных фото- и видеоматериалов для формирования у обучаемых установки на недопустимость нарушения Правил обращения с оружием.

2. Безусловно, важным и наиболее массовым инструментом информационного воздействия на население является внедрение различных форм социальной рекламы, которая может быть реализована в виде специализированных аудио- и видеороликов на радио и телевидении, различных мультимедийных решений, реализованных на Интернет-сайтах государствен-

ных органов, а также путем размещения различной печатной продукции.

3. Наиболее прогрессивной и адресной представляется работа с владельцами оружия посредством электронной почты, SMS-рассылок через сайты операторов сотовой связи либо Интернет-порталов, а также социальные сети. Это позволяет быстро и без дополнительных затрат доводить необходимую информацию до владельцев оружия. Для этого необходимо при приеме заявления о получении, продлении лицензии (разрешения) указывать в графе заявления «особые отметки» соответствующие контактные сведения (адрес электронной почты, номер сотового телефона, сведения о регистрации в социальных сетях). Первый опыт использования такого информирования показал его высокую эффективность.

Таким образом, можно заключить, что в последние годы инструментарий для реализации различных форм пропаганды существенно расширился.

II. Практика организации «телефонов доверия» в сфере борьбы с коррупцией, незаконным оборотом наркотиков и других сферах доказывает эффективность проводимой работы.

Организация «телефонов доверия» по вопросам нарушения законодательства об оружии и взрывчатых материалах представляется весьма эффективной, так как в ряде случаев мотивом сообщения информации, полезной с точки зрения контроля за оборотом объектов разрешительной системы, могут быть сознательность граждан, идейные соображения, устранение конкурентов, месть и т.д. Здесь необходимо отметить, что по общему правилу сообщение гражданами информации о фактах нарушения законодательства должно осуществляться на негласной основе, так как объективные обстоятельства требуют, чтобы сведения о лице, ее сообщившем, остались неизвестными для остальных граждан.

Считаем, что в ряде случаев целесообразно материальное поощрение лиц, предоставивших информацию, благодаря которой был предотвращен вред жизни и здоровью граждан, крупный вред имуществу вне зависимости от форм собственности.

III. Обеспечение правопорядка в стране не предполагает разностороннюю деятельность, в которую вовлекаются не только работники различных государственных структур, военнослужащие, но и представители общественных организаций, что для цивилизованного общества является вполне разумным и приемлемым. В этих целях участковым уполномоченным полиции и сотрудникам подразделений лицензионно-разрешительной работы необходимо ориентировать граждан и должностных лиц на предоставление информации о фактах незаконного хранения, реализации, приобретения оружия, боеприпасов и взрывчатых материалов гражданами, проживающими на административном участке и территории, обслуживаемой территориальным органом МВД России.

Однако наибольший интерес представляет возможность привлечения к работе по побуждению граждан к добровольной сдаче оружия со стороны организаций, осуществляющих торговлю оружием. Такая работа может проводиться следующим образом. В целях побуждения граждан к добровольной сдаче незаконно хранящегося оружия и боеприпасов, которые ранее были утрачены и найдены, не были обнаружены после смерти владельца оружия и своевременно не изъяты сотрудниками полиции, иным образом вышли из-под контроля органов внутренних дел, необходимо совместно с торгующими предприятиями осуществлять маркетинговые решения.

Так, например, возможно предоставление скидок на приобретение оружия и других сопутствующих товаров для охоты и рыбалки. При этом размер скидки может зависеть от вида и количества добровольно сдаваемых незаконно хранящихся средств вооружения. Так, например, при установлении фиксированной суммы за сдачу одной единицы огнестрельного гладкоствольного оружия в 2 000 рублей гражданин может приобрести в установленном порядке оружие или сопутствующие товары на сумму 10 000 рублей со скидкой 20 %. Консультации с руководителями магазинов оружия показали, что возможны различные решения вопросов содействия

добровольной сдаче незаконно хранящегося оружия, в том числе предоставление фиксированных и гибких скидок.

Организация взаимодействия с предприятиями, осуществляющими торговлю гражданским и служебным оружием, при организации профилактических мероприятий по добровольной сдаче оружия является новой, но, как нам представляется, весьма перспективной формой профилактической работы, которая в комплексе с другими вышеуказанными мерами должна принести значительные результаты в работе по добровольной сдаче гражданами средств вооружения.

1. Сырых В.М. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. 528 с.

2. Конин Н.М. Административное право России: учебник. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. 444 с.

3. Баранов В.М., Байтин М.И. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1978. 147 с.

4. Петров Г.М. Особенности применения поощрительных норм // Совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности: тез. докл. областной науч.-практ. конф., 25-26 октября 1989 г. Ярославль: Изд-во Ярославск. ун-та, 1989. С. 23-26.

5. Малько А.В. Поощрение как правовое средство // Правоведение. 1996. № 3. С. 26.

6. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология: монография. М.: Наука, 1982. 287 с.

7. Налбандян А.С. Применение поощрительных норм российского права. Проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1994. 288 с.

8. Бахрах Д.Н., Татарян В.Г. Административное право России: учебник. М.: Эксмо, 2009. 608 с.

9. Васьковская Е.В. Гласное содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. 179 с.

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРАВА НА КОМПЕНСАЦИЮ ЗА НАЕМ (ПОДНАЕМ) ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ (В СВЕТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Н.А. Трусов

(старший преподаватель кафедры конституционного и международного права
Нижегородской академии МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук;
nikevor@yandex.ru)

В статье рассматриваются проблемные вопросы практики реализации права сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений. Проводится анализ нормативных правовых актов, регламентирующих институт компенсации за наем (поднаем) жилых помещений. Исследуется противоречие между институтом компенсации за наем (поднаем) жилых помещений сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации и институтом поддержки молодых семей.

Ключевые слова: *сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, компенсация за наем (поднаем) жилых помещений, право на жилище, государственная поддержка молодых семей.*

В соответствии с действовавшим до недавнего времени Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 [1], сотрудники органов внутренних дел имели право на денежную компенсацию за поднаем (наем) жилых помещений в порядке и размерах, определяемых Правительством Российской Федерации (статья 54).

Во исполнение данного полномочия Правительством Российской Федерации было принято Постановление от 27 декабря 2004 г. № 852 «О порядке и размерах выплаты компенсаций за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органов Российской Федерации, лицам начальствующего состава Государственной фельдъегерской службы Россий-

ской Федерации» (далее – Постановление № 852) [2].

Пункт 1 Постановления № 852 устанавливал, что денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений выплачивается сотрудникам органов внутренних дел, не имеющим жилых помещений для постоянного проживания. В пункте 2 определялось, какие документы прилагаются к рапорту сотрудника органов внутренних дел о выплате денежной компенсации: 1) договор найма (поднайма) жилого помещения, заключенный в соответствии с законодательством Российской Федерации, и 2) справка кадрового подразделения о составе семьи сотрудника и о совместном проживании сотрудника и членов его семьи, а также о выписке их с прежнего места жительства.

В действительности документов требовалось больше. В частности, требовались заверенные ксерокопии свидетельства о заключении брака, свидетельств о рождении детей, ксерокопии всех страниц паспортов всех членов семьи сотрудника, а также оригиналы справок территориального органа Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии об отсутствии у сотрудника и членов его

семьи в собственности жилых помещений на соответствующей территории.

И если наличие в перечне документов, необходимых для выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений, справки территориального органа Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии всегда вызывало понимание у сотрудников органов внутренних дел (если есть в собственности жилье, зачем снимать другое жилье?), то выписка с места жительства вызывала недоумение. Зачем, если в справке дается ответ, что собственности на соответствующей территории ни у сотрудника, ни у членов его семьи не имеется? По этому поводу в глобальной сети «Интернет» можно встретить множество интересных рассуждений. Вот одно из таких, размещенных на сайте «Клуб сотрудников милиции»: «...А как же вообще в наше время без прописки: ведь любое государственное учреждение или частное при обращении к ним требуют прописку, да и вообще сотрудник полиции без прописки – это же парадокс» [3].

Так или иначе, но в соответствии с требованием Постановления № 852, для того чтобы рапорт сотрудника органов внутренних дел о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений был подписан и денежная компенсация выплачивалась, необходимо было выписаться с прежнего места жительства.

Формально-юридический анализ соответствующих норм Постановления № 852 позволяет заключить, что *основным материальным основанием для получения сотрудником органов внутренних дел компенсации за наем (поднаем) жилых помещений являлось отсутствие у сотрудников и членов его семьи жилых помещений для постоянного проживания на соответствующей территории*. Это подтверждалось справкой территориального органа Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. Все остальные действия и сопутствующие им документы (паспорта, свидетельства, договор найма и пр.) являлись лишь *обеспечивающими материальное основание условиями*. Так, договор найма был необходим для того, чтобы по-

казать, что сотрудник органов внутренних дел действительно снимает жилье и выплачивает его собственнику какие-то денежные средства, а не проживает без оплаты. Заверенные ксерокопии паспортов и свидетельств о заключении брака и рождении детей были необходимы для подтверждения статуса «семьи» у сотрудника, количества детей и количества членов семьи, совместно проживающих с сотрудником органов внутренних дел. В соответствии с пунктом 1 Постановления № 852 «при условии совместного проживания с сотрудником трех и более членов семьи размер денежной компенсации повышается на 50 процентов».

Все регистрационные действия также являлись только лишь обеспечивающими основное материальное основание условиями. Дело в том, что сотрудник органов внутренних дел и при отсутствии в собственности жилых помещений на соответствующей территории мог иметь жилое помещение для постоянного проживания, когда оно ему предоставлялось, например, в общежитиях воинских частей, образовательных учреждений, общежитиях при каких-либо заводах, производствах и пр. Поэтому выписка с прежнего места жительства была необходима для того, чтобы показать, что такой возможности у сотрудника нет, а значит, он действительно вынужден снимать жилье.

Несмотря на то, что все указанные выше действия являлись лишь обеспечивающими условиями, выполнение их необходимо, поскольку каждое из них исключало возможности для злоупотребления правом на компенсацию со стороны сотрудника органов внутренних дел. Именно поэтому на момент подачи рапорта о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений и других документов сотрудник органов внутренних дел должен был быть выписан с прежнего места жительства. При условии совместного проживания с сотрудником трех и более членов семьи, размер денежной компенсации повышался на 50 процентов, если все члены семьи сотрудника на момент подачи документов были выписаны с прежнего места жительства.

Возникал вопрос: как долго нужно было «быть не зарегистрированным» (весь период найма или какую-либо его часть)? Мысль о том, что сотрудник органов внутренних дел (являющийся государственным служащим), чтобы иметь возможность получать денежную компенсацию за наем (поднаем) жилого помещения, не должен быть зарегистрирован в своем же государстве (где он от лица государства участвует в реализации государственных функций), вызывает большие сомнения, обусловленные здравой логикой проживания в демократическом правовом социальном государстве. Не случайно норма рассматриваемого Постановления, предусматривающая выписку сотрудника и членов его семьи с места жительства, стала предметом судебного разбирательства в Верховном Суде РФ.

В соответствии с решением Верховного Суда РФ от 16 декабря 2009 г. № ГКПИ09-1385 абз. 4 п. 2 данного Постановления («справка кадрового подразделения о составе семьи сотрудника и о совместном проживании сотрудника и членов его семьи, а также о выписке их с прежнего места жительства») признан не противоречащим действующему законодательству. Однако в Решении сказано, что «Оспариваемое положение нормативного правового акта не обуславливает право сотрудников органов внутренних дел на получение денежной компенсации за поднаем (наем) жилого помещения с обстоятельствами их регистрации по месту пребывания и по месту жительства и не является основанием для отказа в выплате такой компенсации» [4].

Таким образом, Верховный Суд РФ фактически подтвердил, что основным материальным основанием выплаты сотруднику органов внутренних дел Российской Федерации денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений является не отсутствие или наличие у него регистрации, а нуждаемость, т.е. *отсутствие у него и членов его семьи жилых помещений для постоянного проживания*.

Следует также заметить, что в Постановлении № 852 *ничего не говорилось о том, что у сотрудника органов внутренних*

дел вообще не должно было быть регистрации весь период выплаты компенсации. И установлено такое требование быть не могло, поскольку это было бы нарушением определенного законодательством России регистрационного режима, а значит, должно было рассматриваться как нарушение сотрудником органов внутренних дел режима законности. В соответствии с пунктом 4 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713, «граждане обязаны регистрироваться по месту пребывания и по месту жительства в органах регистрационного учета и соблюдать настоящие Правила», а сам «регистрационный учет устанавливается в целях обеспечения необходимых условий для реализации гражданами своих прав и свобод, а также исполнения ими обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом» [5].

Неисполнение гражданином возложенной на него законом обязанности должно, как следствие, неумолимо влечь определенного рода юридическую ответственность. Ответственность за несоблюдение регистрационного режима установлена статьей 19.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях: «Проживание по месту жительства или по месту пребывания гражданина Российской Федерации... без регистрации по месту пребывания или по месту жительства...» [6]. В соответствии со статьей 2.5 КоАП РФ за административное правонарушение, предусмотренное статьей 19.15 КоАП РФ, сотрудники органов внутренних дел несут не административную, а дисциплинарную ответственность. Таким образом, *сотрудник органов внутренних дел, реализуя право на компенсацию, должен был встать на регистрационный учет по месту пребывания*. В противном случае он должен был быть готов в какой-то момент понести дисциплинарное наказание.

В разъяснениях Правового департамента МВД России по данному вопросу говорится, что «снятие с регистрационного

учета по прежнему месту жительства (как одно из оснований для получения сотрудником органов внутренних дел Российской Федерации компенсации за наем (поднаем) жилого помещения) влечет за собой законодательно установленную обязанность регистрации по новому месту жительства (пребывания). Выполнить данное обязательство возможно путем установления в договоре найма жилого помещения условий, содержащих обязательства наймодателя о предоставлении согласия на регистрацию по нанимаемому месту жительства и обязательства нанимателя о снятии с регистрационного учета по окончании срока действия заключенного договора. В свою очередь, это позволит нанимателям жилого помещения избежать административной ответственности, предусмотренной статьей 19.15 КоАП РФ за проживание по месту жительства или по месту пребывания гражданина Российской Федерации без регистрации по месту пребывания или по месту жительства, а также реализовать права и свободы граждан, предусмотренные действующим законодательством Российской Федерации» [7].

Однако такое решение следовало бы также признать не совсем корректным, поскольку Постановление № 852 не предусматривало в качестве условия выплаты компенсации регистрацию сотрудника и совместно с ним проживающих членов его семьи по месту жительства или по месту пребывания в жилом помещении, где они проживают по договору найма (поднайма).

А как быть, если для реализации социальных (жилищных) прав сотрудника органов внутренних дел, как гражданина Российской Федерации, требуется не регистрация по месту пребывания, а регистрация по месту жительства?

Хорошо известно, что сотрудники ОВД десятилетиями стояли в ведомственных очередях по улучшению жилищных условий, и реальных перспектив получения какого-либо жилья у них не было. Много лет подряд они снимали квартиры, а их жилищный вопрос не разрешался.

Одним из самых действенных инструментов разрешения жилищной пробле-

мы в России с 2005 года стали различные жилищные подпрограммы, принимаемые в рамках федеральной целевой программы «Жилище», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 17 сентября 2001 г. № 675 [8]. Молодая семья сотрудника органов внутренних дел, каждый член которой был не старше 30, а впоследствии 35 лет, могла получить от государства целевую социальную выплату на приобретение жилья. С различными повышающими коэффициентами на детей она составляла сначала до 40, а затем до 35 % среднерыночной стоимости квартиры в соответствующем регионе из такого расчета общей площади, чтобы молодая семья более не нуждалась в улучшении жилищных условий.

Основополагающим нормативным правовым актом, непосредственно регламентирующим соответствующие общественные отношения, было Постановление Правительства РФ от 13 мая 2006 г. № 285 «Об утверждении Правил предоставления молодым семьям субсидий на приобретение жилья в рамках реализации подпрограммы “Обеспечение жильем молодых семей” федеральной целевой программы “Жилище” на 2002-2010 годы» [9]. В каждом регионе страны действовали разъясняющие его нормативные правовые акты. Так, например, в Нижегородской области действовало два таких акта. Это Закон Нижегородской области от 16 ноября 2005 г. № 179-З «О порядке ведения органами местного самоуправления городских округов и поселений Нижегородской области учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма» [10] и Постановление Правительства Нижегородской области от 26 декабря 2006 г. № 437 «Об организации работы по реализации подпрограммы “Обеспечение жильем молодых семей” федеральной целевой программы “Жилище” на 2002-2010 годы в Нижегородской области» [11].

Следует заметить, что обращение молодой семьи в надлежащий орган местного самоуправления определялось регистрацией всех ее членов по месту жительства на территории соответствующего муници-

пального образования. Нуждаемость молодой семьи в улучшении жилищных условий также определялась регистрацией по месту жительства, которая в совокупности с выпиской из домовой книги и лицевым счетом подтверждала обеспеченность общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы. Таким образом, для *постановки на очередь на получение социальной выплаты по программе «Обеспечение жильем молодых семей» обязательно требовалась постоянная регистрация по месту жительства всех членов семьи*. Причем такая регистрация не должна была ухудшать жилищные условия, поскольку статья 53 Жилищного кодекса РФ четко определяет, что «Граждане, которые с намерением приобретения права состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях совершили действия, в результате которых такие граждане могут быть признаны нуждающимися в жилых помещениях, принимаются на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях не ранее чем через пять лет со дня совершения указанных намеренных действий».

Итак, чтобы сотрудник органов внутренних дел мог получить денежную компенсацию за наем (поднаем) жилого помещения, ему и членам его семьи необходимо было выписаться с прежнего места жительства. Попытка сотрудника самостоятельно разрешить свою жилищную проблему с помощью государственной программы «Обеспечение жильем молодых семей» требовала обратного: он и члены его семьи должны были иметь постоянную регистрацию по месту жительства. В первом случае семья сотрудника получала бы компенсацию за наем (поднаем) жилого помещения и, как и много лет до этого, жила отдаленными перспективами реформирования института социального обеспечения сотрудников органов внутренних дел. Во втором случае семья сотрудника могла рассчитывать в обозримом будущем решить свой жилищный вопрос, но за это лишалась бы права на компенсацию за наем (поднаем) жилого помещения.

Налицо социально-правовое противоречие в практике реализации права сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений. С одной стороны – институт компенсации за наем (поднаем) жилых помещений, с другой – институт поддержки молодых семей в виде государственной целевой социальной выплаты на приобретение жилья.

Следует заметить, что институт поддержки семьи в нашей стране установлен на конституционном уровне. В соответствии со статьями 2, 7, 18 и 36 Конституции РФ указанное социально-правовое противоречие должно разрешаться в пользу сотрудника органов внутренних дел.

Об этом же говорится и в упомянутом выше решении Верховного Суда РФ от 16 декабря 2009 г. № ГКПИ09-1385: «Оспариваемое положение нормативного правового акта... *не является основанием для отказа в выплате такой компенсации* (выделено нами. – Н. Т.)» [4].

Однако в соответствии с требованием Постановления № 852 соответствующий рапорт сотрудника органов внутренних дел о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений не будет подписан, денежная компенсация не будет выплачиваться, поскольку для этого необходимо выписаться с прежнего места жительства.

Единственным способом разрешить социально-правовое противоречие оставалось обращение за защитой своих прав в суд. Однако таким правом, по известным причинам, воспользовались немногие. Тем не менее такие примеры есть. Так, «в прокуратуру Колыванского района Новосибирской области обратились три сотрудника отдела Министерства внутренних дел РФ по Колыванскому району с заявлениями о нарушении их прав на компенсацию за поднаем жилья. В соответствии с действующим законодательством полицейские, не имеющие собственного или служебного жилья по месту службы, вправе получать компенсацию за его поднаем. Однако сотрудникам полиции руководством отдела внутренних дел было необоснованно отка-

зано в выплате. В связи с этим прокурор Колыванского района обратился в суд с требованием признать право сотрудников полиции на получение компенсации за поднаем жилого помещения. Суд Колыванского района требования прокурора удовлетворил и взыскал с отдела Министерства внутренних дел РФ по Колыванскому району суммы, уплаченные его сотрудниками по договорам найма жилых помещений. *Решения суда не обжаловались и вступили в силу* (выделено нами. – Н. Т.)» [12].

В связи с реформированием МВД России 19 июля 2011 года был принят федеральный закон, регламентирующий вопросы социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации [13]. Часть 4 статьи 8 данного закона предусматривает, что «в случае отсутствия жилых помещений специализированного жилищного фонда соответствующий территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, иной федеральный орган исполнительной власти, в котором проходят службу сотрудники, ежемесячно выплачивает сотруднику, не имеющему жилого помещения по месту службы, денежную компенсацию за наем (поднаем) жилого помещения в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации».

В соответствии с данной нормой 30 декабря 2011 года Правительство Российской Федерации для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации утвердило новые «Правила выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» [14]. С 1 января 2012 года, т.е. с момента вступления в юридическую силу соответствующего Постановления, постанова и снятие с регистрационного учета как условие выплаты или обстоятельство, препятствующее выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, отменено.

В соответствии с пунктом 4 действующего в настоящее время Постановления

Правительства РФ от 30 декабря 2011 г. № 1229 для получения денежной компенсации сотрудник органов внутренних дел подает рапорт, к которому прилагаются следующие документы:

а) копия договора найма (поднайма) жилого помещения, заключенного в соответствии с законодательством Российской Федерации;

б) копии документов, удостоверяющих личность сотрудника и членов его семьи;

в) справки территориального органа Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии и Федерального государственного унитарного предприятия «Ростехинвентаризация – Федеральное БТИ» о наличии (отсутствии) у сотрудника и членов его семьи в собственности жилых помещений в субъекте Российской Федерации, в котором он проходит службу.

Таким образом, следует констатировать, что описанное нами социально-правовое противоречие в практике реализации права сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений было нормативно разрешено в пользу сотрудников органов внутренних дел. В настоящее время нет никаких юридических препятствий для сотрудника органов внутренних дел одновременно получать компенсацию за наем (поднаем) жилого помещения и стоять в очереди на получение государственной целевой социальной выплаты на приобретение жилья для молодых семей.

Остается надеяться, что прогрессивные законодательные положения в сфере социальных гарантий прав сотрудников ОВД, явившиеся результатом первого этапа реформирования органов внутренних дел Российской Федерации, не будут искажены практикой применения.

1. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: постановление Верховного Совета Российской Федерации от 23 дек.

1992 г. № 4202-1: ред. от 24 июля 2009 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1993. № 2. Ст. 70.

2. О порядке и размерах выплаты компенсаций за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органов Российской Федерации, лицам начальствующего состава Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 27 дек. 2004 г. № 852: ред. от 3 сент. 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 52 (Ч. 2). Ст. 5516.

3. Клуб сотрудников милиции: сайт. URL: <http://police-club.ru/index.php?showtopic=1909&s=04e7947bd0b7059398ffde9427105e8f> (дата обращения: 23.07.2012).

4. Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим абзаца четвертого пункта 2, утв. Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 852 «О порядке и размерах выплаты компенсаций за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органов Российской Федерации, лицам начальствующего состава Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации: решение Верховного Суда РФ от 16 дек. 2009 г. № ГКПИ09-1385 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2011. № 2.

5. Об утверждении правил регистрации и снятия граждан Российской Феде-

рации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня должностных лиц, ответственных за регистрацию: постановление Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713: ред. от 28 марта 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 30. Ст. 2939.

6. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: ред. от 9 нояб. 2009 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

7. Разъяснение о порядке выплаты компенсации за наем (поднаем) жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел. Подборка из АИПС «Юридические консультации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.uvd.newtob.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=320:-l-r-&catid=38:pravo&Itemid=62 (дата обращения: 23 июля 2012 г.).

8. О Федеральной целевой программе «Жилище» на 2002-2010 годы: постановление Правительства РФ от 17 сент. 2001 г. № 675: ред. от 14 февр. 2009 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 39. Ст. 3770.

9. Об утверждении Правил предоставления молодым семьям субсидий на приобретение жилья в рамках реализации подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002-2010 годы: постановление Правительства РФ от 13 мая 2006 г. № 285: ред. от 27 янв. 2009 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 21. Ст. 2262.

10. О порядке ведения органами местного самоуправления городских округов и поселений Нижегородской области учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма: закон Нижегородской области от 16 нояб. 2005 г. № 179-З: ред. от 30 нояб. 2006 г. // Нижегородские новости. Правовая среда. 2005. 23 нояб.

11. Об организации работы по реализации подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002-2010 годы

в Нижегородской области: постановление Правительства Нижегородской области от 26 дек. 2006 г. № 437: ред. от 4 апр. 2008 г. // Нижегородские новости. Правовая среда. 2007. 21 марта.

12. В Колыванском районе по искам прокурора суд обязал отдел полиции выплатить компенсацию за поднаем жилья сотрудникам, не имеющим жилья по месту прохождения службы // Официальный сайт Прокуратуры Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: <http://prokrf.ru/50639> (дата размещения информации: 02.04.2012; дата обращения: 23.07.2012).

13. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации: федер. закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30 (Ч. 1). Ст. 4595.

14. О порядке и размерах выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и членам семей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, погибших (умерших) вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в органах внутренних дел: постановление Правительства РФ от 30 дек. 2011 г. № 1228 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 1. Ст. 209.

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ

Ю.В. Рогова

(советник первого заместителя председателя Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области; rogoва.spb.arbitr.ru@smtp.ru)

В статье раскрыты основные проблемы классификации гражданско-правовых договоров. Предложено альтернативное деление договоров по такому основанию, как момент, с которого договор считается заключенным.

Ключевые слова: классификация, договор, сделка, реальный договор, консенсуальный договор, формальный договор, государственная регистрация.

Проблемы, связанные с классификацией договоров, относятся к числу давних проблем цивилистики. Традиционно для классификации договоров в науке гражданского права используют дихотомию, или, иначе, «деление надвое» [1, с. 65]. С ее помощью, используя последовательно определенное основание (критерий), делят понятие на две группы, из которых одну характеризует наличие этого основания, а другую – его отсутствие. Подобное деление может быть проведено многократно применительно к одному и тому же понятию при условии, что каждый раз используется другое основание [2, с. 308].

В конце XIX – начале XX века учеными-цивиристами на основании данного способа было выделено девять основных классификационных пар договоров.

В настоящей статье нами будет рассмотрена классификация, предусматривающая деление гражданско-правовых договоров на консенсуальные и реальные, как наиболее часто вызывающая дискуссию в научных кругах.

Следует отметить, что именно договоры, т.е. дву- и многосторонние сделки, можно классифицировать на реальные и консенсуальные. Однако в большинстве современных учебников по гражданскому праву делению на реальные и консенсуальные подвергаются не только договоры, но и сделки в целом. Например, авторы учебника по гражданскому праву под редакци-

ей М.М. Рассолова и П.В. Алексия по моменту, к которому приурочивается возникновение сделки, классифицируют сделки на реальные (от лат. res – вещь) и консенсуальные (от лат. consensus – соглашение) [3, с. 174]. Представляется, что классификация всех сделок в таком виде не вполне корректна, поскольку сделка по терминологии закона – это действие, т.е. определенное поведение, которое, по нашему мнению, не может быть реальным или консенсуальным. Поэтому при классификации сделок на реальные и консенсуальные требуется делать оговорку о том, что указанное деление в первую очередь применимо только к дву- и многосторонним сделкам, т.е. договорам. Так, авторы учебника по гражданскому праву под общей редакцией М.В. Карпычева и А.М. Хужина, проводя классификацию сделок по различным основаниям, не разделяют сделки на реальные и консенсуальные, однако когда речь идет о договорах, они приводят эту классификацию [4, с. 81-84, 290].

Основным классифицирующим признаком деления договоров на консенсуальные и реальные является момент времени, с которым законодатель связывает возникновение прав и обязанностей у сторон, которые, в свою очередь, появляются с момента, когда договор считается заключенным.

Так, в свое время Д.И. Мейер выделял договоры вещественные (в современ-

ной доктрине подобные договоры именуются реальными договорами) и договоры, совершаемые простым соглашением (консенсуальные). «Вещественные – это такие договоры, которые совершаются посредством отдачи вещи одним контрагентом другому. Все эти договоры считаются существующими, как скоро одно лицо действительно передало другому вещь, доставление которой составляет предмет договора. Консенсуальные – это такие договоры, которые существуют на основании одного соглашения», – писал ученый [5, с. 157-158].

Действующее гражданское законодательство признает консенсуальными договоры, которые считаются заключенными с момента, когда стороны достигли между собой соглашения по всем существенным условиям и облекли его (соглашение) в установленную законом форму (п. 1 ст. 432 и п. 1 ст. 433 ГК РФ). В теории гражданского права такие договоры получили название «договоры простой конструкции». В отличие от консенсуального для заключения реального договора необходима и передача имущества (п. 2 ст. 433 ГК РФ). Таким образом, для заключения реального договора требуется обязательное выполнение двух условий: 1) достижение взаимного соглашения между сторонами и 2) осуществление условий данного соглашения путем передачи имущества обязанным лицом контрагенту по договору. Налицо – сложный юридический состав, с наличием которого связывается заключение договора. В теории права такие договоры именуются «договорами сложной конструкции».

В научной литературе возник спор: имеют ли стороны возможность по своему усмотрению изменить модель договора, например заключить реальную продажу или консенсуальный заем? М.И. Брагинский дает на этот вопрос отрицательный ответ, мотивируя его тем, что модели договоров в законе сформулированы императивно. Ученый указывает, что к такому договору сторон будут применяться не правила Гражданского кодекса о соответствующем договоре, а общие положения обязательственного права [2, с. 315].

В.В. Ровный и Б.Л. Хаскельберг также отрицают возможность такой трансформации. Их позиция основана на том, что «если модель установлена законом императивно, действие принципа свободы договора ограничивается...» [6, с. 35-36]. Аналогичного взгляда придерживаются С.А. Хохлов и В.В. Витрянский [7, с. 420; 8, с. 116].

Противоположной точки зрения придерживается Ю.А. Тарасенко, автор одного из очерков по актуальным проблемам гражданского права. Он, в частности, указывает, что «исходя из принципа свободы договора, лица вправе избрать для любого договора как реальную, так и консенсуальную модель... Принцип свободы договора позволяет избрать любую модель, сформулировать любые условия, вплоть до неизвестных ГК РФ, при том, что такие условия не противоречили бы основным началам и смыслу гражданского законодательства» [9, с. 423, 427].

Мы поддерживаем позицию Ю.А. Тарасенко и считаем, что изменение сторонами договора своим соглашением установленной п. 1 и п. 2 ст. 433 ГК РФ конструкции договора с реальной на консенсуальную или наоборот допускается. При этом в случае ненадлежащего исполнения или отказа одной из сторон исполнять договор вторая сторона лишается права судебной защиты, т.е. стороны своим соглашением блокируют один из главнейших принципов гражданского права – принцип *pacta sunt servanda* (договор должен исполняться). Для реализации принципа *pacta sunt servanda* при формировании участниками гражданского оборота того или иного договора необходимо его соответствие законодательно предписанной договорной конструкции, опосредующей те обязательственные отношения, возникновение которых предполагают такие участники. Изменение соглашением сторон конструкции (модели) договора, установленной законом, не влечет недействительности договора, однако дезавуирует его принудительную силу.

Имеющаяся классификация договоров, предусматривающая их деление на реальные и консенсуальные, была бы не-

полной без анализа положений п. 3 ст. 433 ГК РФ, в котором также определен момент заключения договора. Так, в пункте 3 указанной статьи установлено, что договор, который в силу специальной нормы закона подлежит государственной регистрации, считается заключенным не с момента достижения соглашения между сторонами или передачи вещи в счет исполнения договора, а с момента государственной регистрации.

В настоящее время государственной регистрации подлежат:

- договор об ипотеке (ст. 339 ГК РФ);
- договор продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры (ст. 558 ГК РФ);
- договор продажи предприятия (ст. 560 ГК РФ);
- договор мены жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры, а также договор мены предприятия (п. 2 ст. 567 ГК РФ);
- договор дарения недвижимого имущества (ст. 574 ГК РФ);
- договор, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества под выплату ренты (ст. 584 ГК РФ);
- договор аренды недвижимого имущества, за исключением договора аренды здания или сооружения, заключенного на срок менее года (ст.ст. 609 и 651 ГК РФ);
- договор аренды предприятия (ст. 658 ГК РФ);
- договор участия в долевом строительстве (ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ (ред. от 10.07.2012) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»).

Во всех обозначенных выше видах договоров после стадии согласования всех существенных условий договора и обложения их в форму, предусмотренную законом, следует не исполнение договора, а стадия его регистрации, только после которой такой договор считается заключенным (п. 3 ст. 433 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 425 ГК РФ договор вступает в силу и становится обязательным для сторон с момента его заключения. Таким образом, до момента регистрации таких договоров у сторон не возникают взаимные права и обязанности.

В статьях 651, 658 ГК РФ отсутствуют нормы, аналогичные вышеупомянутой, однако в случае уклонения одной из сторон от регистрации соответствующего договора может быть задействован п. 3 ст. 165 ГК РФ: если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, но одна из сторон уклоняется от ее регистрации, суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о регистрации сделки, и последняя регистрируется в соответствии с решением суда. В этих случаях принуждение к регистрации договора следует рассматривать как дополнительную стадию при заключении упомянутых выше договоров.

Следовательно, договоры, обозначенные выше, нельзя классифицировать в качестве реальных или консенсуальных, поскольку их завершающей стадией является регистрация, после которой они считаются заключенными. Необходимость осуществлять в отношении таких договоров регистрационные формальности дает основание выделить эту категорию договоров в самостоятельную группу – формальных (регистрируемых). Интересно отметить, что в англосаксонской правовой системе такие формальные договоры часто называют договором «за печатью» (contracts by deed). В средние века такой договор оформлялся на пергаменте в количестве экземпляров, равном числу сторон, подписывался каждым участником и опечатывался гербовыми сургучными печатями, после чего торжественно вручался сторонам. Торжественность оформления соответствовала моменту возникновения юридической силы договора. Опротестовать такой договор можно было только по дефекту формы. В настоящее время вместо сургучных печатей приклеивается марка или делается символический рисунок, но сохранилось значение такого договора: он может быть оспорен только в связи с его

неправильным оформлением, оспорить его содержание, не противоречащее закону, невозможно. В виде документа «за печатью» оформляются односторонние обязательства, сделки с недвижимостью, другие отношения.

Конечно, в этом наименовании есть определенная доля условности, впрочем, такая же условность присутствует и при делении договоров на консенсуальные и реальные. Заметим, что законодатель не противопоставляет реальные, консенсуальные и формальные (регистрируемые) договоры друг другу, что явствует хотя бы из того, что закону известны как реальные, так и консенсуальные договоры, которые подлежат государственной регистрации.

Думается, что в качестве альтернативной классификации по такому основанию, как момент, с которого договор считается заключенным, можно предложить деление договоров на формальные (регистрируемые) и простые (нерегистрируемые). Формальные договоры порождают права и обязанности сторон с момента их регистрации, простые – с момента достижения соглашения или (и) передачи вещи.

Классификация договоров по моменту возникновения синалагматических прав и обязанностей сторон имеет значение не только для развития науки гражданского права, но и практическое значение, связанное: а) с определением правового режима, применяемого к тем или иным видам договоров; б) их действительностью, в) применением последствий их недействительности. Так, например, несоблюдение установленного законом требования о госу-

дарственной регистрации сделки влечет ее недействительность. Такая сделка считается ничтожной (п. 1 ст. 165 ГК РФ).

В заключение следует отметить, что при всем многообразии видов договоров вне зависимости от основания классификации сущность договора как гражданско-правового института и разновидности гражданско-правовой сделки не меняется.

1. Асмус В.Ф. Логика. М.: Госполитиздат, 1947. 386 с.

2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. М.: Статут, 2011. 847 с.

3. Гражданское право: учебник для студентов вузов / под ред. М.М. Рассолова, П.В. Алексия. М.: Юнити-Дана, 2007. 847 с.

4. Гражданское право: учебник / под ред. М.В. Карпычева, А.М. Хужина. М.: Форум: Инфра-М, 2010. 784 с.

5. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. М.: Статут, 2003. 831 с.

6. Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В. Консенсуальные и реальные договоры в гражданском праве. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003. 124 с.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая / под ред. М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М.: МЦФЭР, 1996. 704 с.

8. Витрянский В.В. Договор займа: общие положения и отдельные виды договора. М.: Статут, 2004. 333 с.

9. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2009. 993 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ

И.А. Жилко

(помощник проректора по научной работе Уральской государственной
юридической академии, г. Екатеринбург; irina.zhilko@usla.ru)

Данная статья написана по итогам эмпирических исследований, проводившихся в следственных изоляторах на территории Свердловской области. Она посвящена наиболее острым проблемам исправления и перевоспитания особой категории осужденных – осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Автором предлагаются направления повышения результативности и интенсификации процесса исправительно-воспитательного воздействия на осужденных названной категории.

Ключевые слова: следственный изолятор, пенитенциарные заведения, осужденные к лишению свободы, средства и формы воспитания и исправления осужденных к лишению свободы, исправительно-воспитательный процесс.

В соответствии со ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) воспитательная работа в местах изоляции от общества относится к основным средствам исправления осужденных. Данный вид пенитенциарной деятельности занимает одно из центральных мест среди мер направленного воздействия на осужденных к лишению свободы, оставленных с их согласия в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию в порядке ст. 77 УИК РФ, – воздействия, преследующего цели их личностного преобразования, изменения мировоззрения и линии поведения, а также нравственного, интеллектуального и духовного развития.

До недавнего прошлого теоретическую и дидактическую основы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы составляло идеологическое и политическое воспитание. Такая работа осуществлялась в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) через призму идеологического диктата, в связи с чем всем составляющим исправительно-воспитательного процесса придавалась ярко выраженная идеолого-политическая окраска. Произошедшие кардинальные изменения в экономической и политической областях жизни общества привели к необходимости ревизии и корректировки

телеологического ядра системы воспитания и сместили акценты с идеологических и политических сентенций на цели и задачи духовно-нравственного, морально-этического и культурно-интеллектуального порядка, значительно больше внимания уделяться педагогическим составляющим исправительно-воспитательного процесса.

В нашем понимании воспитательная работа представляет собой одно из основных средств исправления осужденных, суть которого заключается в этическом, нравственном, правовом, педагогическом, психологическом, религиозном и культурном воздействии на осужденных к лишению свободы с целью формирования у последних уважительного отношения к человеку, его правам, свободам и законным интересам, к общественным нормам и ценностям, правилам поведения людей в социуме, а также повышения их образовательного и общекультурного уровня.

Поскольку исправительно-воспитательная работа, проводящаяся сотрудниками ФСИН России и вспомогательным персоналом в следственных изоляторах (далее – СИЗО), осуществляется в учреждениях тюремного типа в отношении особой категории осужденных (лиц, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию),

то ее формы, методы, задачи, а равно решение вопросов ее организации должны в обязательном порядке соотноситься и сформировываться с отмеченными условиями.

Решению задач воспитания и исправления должна быть подчинена работа администрации и всего персонала следственного изолятора, причем данные задачи должны реализовываться с учетом специфики, условий и порядка отбывания наказания осужденными, оставленными в следственном изоляторе для хозяйственного обслуживания.

На специфику воспитательного процесса в СИЗО большое влияние оказывает тот факт, что большинство осужденных, находящихся в СИЗО, пребывают в возрасте от 18 до 39 лет, а для этого периода жизни, согласно наблюдениям представителей юридической психологии и педагогики, характерны неконформизм, эмоциональность, импульсивность, отсутствие психологической лабильности. Между тем в отношении осужденных, оставленных в следственном изоляторе для хозяйственного обслуживания, следует отметить то обстоятельство, что ранее они не отбывали наказание в виде лишения свободы, то есть они не являются рецидивистами и не имеют стойкой и явно выраженной криминальной установки. Последнее имеет важное значение в воспитательной работе с осужденными, во многом способствует и облегчает такую работу.

В качестве дополнительных акселераторов воспитательного процесса в отношении осужденных из отряда хозяйственного обслуживания выступают такие выявленные нами в ходе эмпирических исследований их особенности, как отсутствие стремления воспринимать и воспроизводить тюремные обычаи и традиции – элементы криминальной субкультуры, нацеленность на активное участие в процессе собственного исправления, желание обеспечить условно-досрочное освобождение.

К затрудняющим процесс воспитания и исправления детерминантам следует отнести частую сменяемость личного состава отрядов по хозяйственному обслуживанию СИЗО. Стопроцентное обновление таких

отрядов происходит в среднем в течение одного календарного года, что связано с небольшой величиной сроков лишения свободы, довольно широким применением условно-досрочного освобождения, освобождением осужденных по амнистии, переводом осужденных в колонии общего режима и другими причинами. Отсутствие устойчивого и слаженного коллектива в отрядах по хозяйственному обслуживанию СИЗО в сочетании с особенностями выполняемых им работ существенно ограничивает возможность организации общеобразовательного и профессионального обучения, а также осуществления ресоциализационной подготовки к освобождению за полгода до истечения срока лишения свободы.

К иным факторам, осложняющим воспитательную работу в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в СИЗО, относится то, что в следственных изоляторах находится большое число преступников-рецидивистов, что приводит к формированию весьма особой психологической среды [1, с. 72], атмосферы недоброжелательства, агрессивности, конфликтности. В отношении осужденных из отряда хозяйственного обслуживания часто фиксируются факты недружественных посягательств и попыток давления со стороны лиц, содержащихся в камерах СИЗО, – носителей криминальных взглядов, привычек и ценностей. Причем такое психологическое давление приобретает перманентный характер. На практике это приводит к тому, что администрация СИЗО стремится отбирать в отряды хозяйственного обслуживания в основном психически стойких и волевых осужденных, обладающих способностями противостоять отрицательному воздействию со стороны убежденных и закоренелых преступников.

Существенным условием, оказывающим негативное влияние на процесс воспитательно-исправительного воздействия осужденных в СИЗО, является отсутствие возможности организации профессионального образования и подготовки осужденных с целью получения той профессии,

по которой они могли бы трудиться после выхода на свободу. Данное обстоятельство связано с тем, что в условиях быстрой смены состава отрядов и краткосрочности пребывания осужденных в СИЗО организовать полноценный и непрерывный учебный процесс крайне сложно, именно поэтому общеобразовательные школы в СИЗО не создаются.

Отметим, что, несмотря на такие условия, процесс образования инициировать все же необходимо, так как в противном случае нарушается субъективное право осужденных на получение образования, которое, как известно, гарантировано Конституцией Российской Федерации. Наряду с развитием общей поведенческой культуры, повышение образовательного уровня осужденных в условиях СИЗО следует рассматривать как залог успешной ресоциализации и социальной адаптации отбывших наказание в дальнейшем.

Осужденные с низким уровнем образования, как верно заметил профессор М.С. Рыбак, «менее критичны к окружающей среде, они чаще ориентируются на ее неформальные правила поведения, легче включаются в орбиту субкультурных отношений» [2, с. 356].

В отношении вопроса о профессиональной подготовке осужденных укажем, что в этой сфере приоритетным направлением должно стать создание всех необходимых условий для самообразования и саморазвития: обеспечение книгами, учебниками, учебными пособиями, журналами, газетами и другими материалами, обеспечение доступа в Интернет, организация читальных залов, создание возможности просмотра обучающих видеокурсов и мультимедийных курсов, учреждение совместно с органами образования учебных центров для консультаций и сдачи различных экзаменов экстерном и т.д.

Мы убеждены, что профессиональная подготовка осужденных должна осуществляться только на добровольной основе. Пенитенциарный опыт наглядно демонстрирует, что если профессиональной подготовке придать статус общеобразовательной и исповедовать при этом идеи

начетничества, то это незамедлительно приведет к формализации учебы, резкому снижению интереса к ней, а также требовательности к обучающимся, восприятию учебы как навязанной извне. Это отнюдь не означает, что наряду с полномасштабной организацией и пропагандой учебы и профессиональной подготовки в среде осужденных, находящихся в СИЗО, их не следует всячески стимулировать и поощрять. Стремление к самообразованию, желание обучаться и повышать свой профессиональный уровень должно учитываться при определении степени исправления осужденного и применении института условно-досрочного освобождения.

Рассматривая вопрос о формах и методах воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы в СИЗО, не следует умалять значение правового воспитания как части пенитенциарного предупреждения преступного поведения. Основной целью данного вида воспитания является формирование у осужденного уважения к правовым установлениям, признание их осужденным в качестве должных и соблюдение. Правовое воспитание относится к числу форм предупреждения преступного рецидива во время отбывания уголовного наказания и после такового, а потому оно должно производиться и в процессе социальной реабилитации на свободе.

Немаловажными формами исправительно-воспитательного процесса в отношении осужденных, находящихся в СИЗО, являются религиозное и нравственное воздействие. В последнее время содержание и качество этой активности претерпели важные изменения, так как вся российская пенитенциарная система в целом стала более открытой для проникновения и контроля со стороны общественных институтов, включая институт церкви, общественные объединения и различные гражданские инициативы. Статья 14 УИК РФ и ныне действующее законодательство о свободе совести и религиозных объединениях гарантируют осужденным право на свободу совести и свободу вероисповедания, что позволяет представителям различных религиозных

организаций оказывать администрации и персоналу УИС России помощь в воспитательном воздействии на осужденных. Как показывает современная практика, «религиозное воздействие, нацеленное на заполнение духовного вакуума, активную помощь каждому осужденному сохранить свой человеческий облик, чистосердечно покаяться и тем самым обрести душевное умиротворяющее спокойствие и в конечном итоге вернуться к общественно полезной и честной жизни после освобождения, приобретает для осужденных в местах лишения свободы витальное, судьбоносное значение, выходя тем самым на авангардный план, передний край в механизме общественного воздействия на людей, изолированных от общества» [3, с. 60].

В процессе духовно-нравственного воспитания осужденных следует задействовать все возможные средства, обеспечив его комплексность и всесторонность. Арсенал таких средств составляют нравственные беседы в неформальной, доверительной обстановке, познавательные лекции на философско-этическую тематику, встречи с известными деятелями науки и культуры, священнослужителями, духовными лидерами, известными общественными деятелями, а также показ кинофильмов нравоучительного содержания и организация вещания религиозных и просветительских радиоканалов. Данную составляющую процесса воспитания необходимо усиливать и интенсифицировать, так как в настоящее время в следственных изоляторах обнаруживается дефицит акций и мероприятий по духовному и моральному воздействию на лиц, совершивших преступные деяния и отбывающих наказание.

Вспоминая поговорку «в здоровом теле – здоровый дух», воспринимающуюся ныне многими специалистами-криминологами на неоломброзианский манер, нельзя обойти вниманием такую составляющую процесса исправления преступников, содержащихся в СИЗО, как их физическое воспитание. Оно предполагает не только проведение массовых физкультурно-оздоровительных мероприятий и обеспечение занятий в спортивных и тренажерных за-

лах, но и ознакомление осужденных с физиологией и морфологией человека, его соматической системой, с методиками физического совершенствования.

Данная форма воспитательной работы в условиях наблюдающейся повсеместно вынужденной безработицы дает возможность рационально использовать свободное время осужденных, отбывающих лишение свободы в СИЗО. Спортивные командные игры, физические нагрузки и развивающие ловкость и гибкость гимнастические упражнения оберегают многих осужденных от праздного проведения времени, банального безделья, а также вырабатывают умение поддерживать физическую форму в хорошем состоянии. В настоящее время в отрядах хозяйственного обслуживания такая форма воспитательной работы практически не используется, поскольку специфика труда в следственном изоляторе предполагает полную занятость осужденных, тем не менее, мы считаем, что график хозяйственных работ следует приспособлять и варьировать с учетом возможности проведения названного вида воспитательного воздействия.

Поскольку в условиях пребывания в СИЗО осужденные заняты работой в разное время и на различных объектах, основным форматом воспитательно-профилактической работы с ними является индивидуальная профилактика, а также работа в малых референтных группах. Последняя наиболее подходит отрядам хозяйственного обслуживания, так как их численность, как правило, составляет 20-35 человек, в отличие, например, от исправительных колоний, в которых численность отряда составляет от 100 до 200 человек.

При кажущейся многим тривиальности, эффективным методом воспитательно-нравственного воздействия на осужденных является беседа, как один из методов исправления. Профилактические воспитательные беседы должны проводиться специалистами – психологами, клириками, прошедшими специальную подготовку, педагогами, социальными работниками – в непринужденной, фидуциарной обстановке, как правило, в отсутствие представите-

лей руководства исправительного учреждения, причем каждый из присутствующих осужденных должен иметь возможность задать любой вопрос по теме беседы или вступить в диалог с собеседником.

По нашему убеждению, такие беседы следует проводить на основании принципов адресности и индивидуального подхода к каждому осужденному, с использованием знаний тюремной психологии об особенностях психики лишенных свободы и особых психолого-педагогических приемов. Это опосредовано тем, что пребывание в условиях изоляции от общества не только на время парализует участие осужденных в социально-политической жизни и приводит к обостренному и критическому отношению к любой информации о нормах и ценностях, которые культивируются в текущий момент в социуме, но и способствует появлению дистантной отгороженности, депрессии, повышенной возбудимости и неустойчивого эмоционального фона, развитию тревожности, мнительности, различных фобий и страхов [4, с. 115].

Кроме того, долгое нахождение в условиях лишения свободы зачастую влечет потерю индивидуальности и личностных инициатив, отчужденность, недоверчивость к людям, интеллектуальную лень, вялость мысли, притупление памяти, неспособность сосредоточить внимание на какой-либо деятельности и другие негативные личностные изменения, появление которых в зарубежной научной литературе принято обозначать термином «призонизация» [5, с. 70-71].

Для корректной, педагогически правильной организации и проведения индивидуальной воспитательной работы необходимо предварительное тщательное изучение личности осужденного, выявление характерных для него личностных особенностей, индивидуальных качеств.

Отдельно следует остановиться на таком «передовом участке» исправительного воздействия, как применение к осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы в СИЗО, мер взыскания и поощрения. Перечень таких мер закреп-

лен в ст.ст. 113-115 УИК РФ и является закрытым.

Внимательный анализ ныне существующей в пенитенциарных заведениях практики наложения дисциплинарных взысканий и применения мер поощрения выявил, что основным видом дисциплинарного взыскания является выговор, который чаще всего налагается за такие виды нарушений, как курение в неположенном месте, употребление спиртных напитков и наркотических препаратов, неисполнение законных требований представителей администрации, нарушение правил ношения одежды. В случае, если осужденный совершил в СИЗО злостное нарушение режимных требований, он этапируется в колонию общего режима. Однако следует отметить, что злостных нарушителей установленно-го порядка отбывания лишения свободы в следственных изоляторах крайне мало: ежегодно из СИЗО в колонию препровождается порядка 4-6 человек.

В настоящее время в воспитательных и исправительных целях к осужденным активно применяются меры поощрения. Как показывает практика, осужденные из отрядов хозяйственного обслуживания в СИЗО поощряются чаще остальных осужденных. В среднем в год на эту категорию осужденных приходится по 3-4 поощрения на каждого. В качестве мер поощрения применяются благодарность, разрешение на получение дополнительной посылки или передачи, предоставление дополнительного краткосрочного или длительного свидания и иные.

На наш взгляд, в действующем российском уголовно-исполнительном законодательстве в отношении рассматриваемой нами категории осужденных было бы целесообразно закрепить такую меру поощрения, как проведение за пределами исправительного учреждения выходного либо праздничного дня. В связи с этим мы предлагаем дополнить ст. 113 УИК РФ частью 2.1 следующего содержания: «К положительно характеризующимся и не имеющим нарушений установленно-го порядка осужденным, оставленным в следственном изоляторе для выполнения

работ по хозяйственному обслуживанию, может применяться мера поощрения в виде разрешения на проведение за пределами следственного изолятора выходных и праздничных дней».

1. Антонян Ю.М., Верещагин В.А., Калманов Г.Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право. 1996. № 10. С. 72-77.

2. Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. Саратов, 2001.

3. Лещенко В.Г. Религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012.

4. Анисимков В.М. Тюрьма и ее законы. Екатеринбург, 2005.

5. Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных: учеб. пособие. М., 1985.

6. Артамонов В.П. Наука советского исправительно-трудового права: учеб. пособие. М., 1974.

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В.Е. Лоба

(и.о. проректора по научно-исследовательской и инновационной деятельности
Армавирской государственной педагогической академии,
кандидат юридических наук; vsevolodka@inbox.ru)

Е.В. Сафронова

(профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского
государственного университета, доктор юридических наук, профессор;
elena_safronova_2010@mail.ru)

Одним из наиболее дискуссионных вопросов как в дореволюционной, так и современной доктрине уголовного права является вопрос о целях наказания. В данной статье представлены взгляды на цели наказания, содержащиеся в диссертационных исследованиях российских юристов.

Ключевые слова: диссертационные исследования, цели наказания, университеты Российской империи.

Столетиями умы философов, теологов, юристов и даже врачей занимал вопрос о целях наказания как о желаемом результате, к которому стремится законодатель при применении того или иного вида наказания. И это не случайно, поскольку в уголовный закон вносятся изменения, связанные с кардинальными социально-экономическими предпосылками, задачами и приоритетами государства, а также с морально-нравственным состоянием общества, каждый раз по-новому формулируются и цели уголовного наказания. В связи с этим совершенно прав А.М. Богдановский, который в магистерской диссертации «Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого» отмечает, что развитие понятий о преступлении и наказании в истории русского права идет рука об руку с развитием государственного начала на Руси. «Главным началом, содействовавшим развитию этих понятий, мы должны принять внутреннее органическое возрастание самого общества, народа от состояния непосредственности к более или менее развитому юридическому быту» [1, с. 89-90].

Как результат, со второй половины XVIII века появились различные теории основания и целей наказания. С.М. Буд-

зинский в докторской диссертации на тему: «Начала уголовного права», защищенной 19 января 1871 г. в Московском университете, свел эти теории к трем главным группам: абсолютные, относительные и смешанные [2, с. 22]. Соглашаясь с предложенной классификацией, все же заметим, что свое деление теорий предлагал и С.В. Познышев [3]. В рамках данной статьи нет возможности и необходимости анализировать указанные теории. Рассмотрим лишь формулирование целей наказания отечественными дореволюционными учеными сквозь призму их приверженности к той или иной группе теорий.

Так, абсолютные теории имеют своей точкой отправления следующее воззрение на государство: государство вытекает из нравственной необходимости человеческой природы: природа принуждает человека жить в обществе. Государство не существует единственно для внешних целей: оно само себе цель. Согласно такому понятию о государстве, карательная власть государства и наказание основаны на нравственной необходимости: наказание само себе цель. Таким образом, абсолютные теории находят верховное начало уголовного права во внутренней разумной необходимости [2, с. 22].

Родоначальником абсолютных теорий принято считать кенигсбергского профессора И. Канта. Его перу принадлежит теория наказания как категорического императива, которое должно быть применено, хотя бы с последним преступником погиб весь род человеческий. Целью наказания, по И. Канту, является возмездие. Возмездие как единственную цель наказания воспринимал и Г.В.Ф. Гегель: «Снятие преступления есть *возмездие* постольку, поскольку это возмездие есть по своему понятию нарушение нарушения и поскольку преступление по своему наличному бытию имеет определенный качественный и количественный объем и тем самым его отрицание как налично бытие имеет такой же объем» [4, с. 146].

Идея возмездия в большинстве случаев не разделялась известными нам до-революционными отечественными диссертантами, вследствие чего подвергалась справедливой критике. Так, С.В. Познышев, позиционировавший свои воззрения как синтез классического, антропологического и социологического направлений в уголовном праве, в магистерской диссертации, посвященной основным вопросам учения о наказании, называл ее безнравственной: «Подсказываемая животным чувством мести эта идея (т.е. идея возмездия) безнравственна» [3, с. 60]. Тем не менее сторонником сущности наказания как возмездия был А.А. Жижиленко. Да и «...в обыденном словоупотреблении, — пишет он в защищенной в Харьковском университете 26.04.1914 г. докторской диссертации «Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств», — можно сказать, рельефно чувствуется в выражении “наказание” указание на идею возмездия, воздаяния...» [5, с. 16].

Относительные теории образовались под влиянием господствовавшей во второй половине XVIII столетия теории общественного договора, согласно которой «общество возникло вследствие договора и для пользы неделимых; и, как созданное их произволом оно существует настолько, насколько соответствует их интересу» [2, с. 23]. Так, согласно теории Ч. Беккариа,

цель наказания «заключается не в истязании и мучении человека, а в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удерживать других от совершения того же» [6, с. 89-157]. Говоря современным языком, речь идет об общей и частной превенции.

Оригинальная уголовно-правовая теория была разработана английским ученым-философом И. Бентамом. В основе всех своих построений, положив принцип пользы, он определяет четыре цели наказания, которые, говоря современным языком, можно обозначить как общее и частное предупреждение, экономию репрессии, а также восстановление нарушенных прав и свобод потерпевшего от преступления [7, с. 167, 173-174].

Ярким представителем теории общего и частного предупреждения был австрийский криминалист европейского масштаба Ф.Ф. Лист. Определяя наказание как «зло, присуждаемое уголовным судом преступнику за преступление», он выводит следующие цели: исправление, удержание, обезвреживание преступника [8, с. 274-277]. Такая позиция полностью или частично разделялась многими учеными, что нашло свое отражение в отечественных диссертациях. В частности, С.М. Будзинский целями наказания считает «устрашение и исправление преступника». Характеризуя их, он органично следует тезису, что «эти цели могут быть достигнуты или посредством самой угрозы наказанием, или посредством исполнения его» [2, с. 247].

А.М. Богдановский в своей докторской диссертации «Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики», защищенной 26.04.1870 г. в Новороссийском университете, к основным целям наказания несовершеннолетних относит «исправление» и «устрашение» преступника. В свою очередь, устрашение преступника он подразделяет на «общее» и «частное». Рассматривая исправление как одну из целей такого уголовно-правового явления, как наказание, диссертант полагает, что законодатель не должен выпускать из виду ее ни при каком роде или виде преступления, а также на какую бы развра-

щенность преступника не натывало государство. Высказанную позицию он мотивирует тем, что неисправимых людей не бывает [9, с. 101].

С.П. Мокринский в защищенной в Московском университете (8 октября 1902 г.) магистерской диссертации «Наказание, его цели и предположения» предлагает достаточно мотивированную концепцию общего и специального предупреждения преступлений. Так, в частности, автор высказывает мысль о том, что уголовное наказание предполагает по своей задаче известное психологическое воздействие на личность. Это психологическое воздействие может быть направлено, в зависимости от воли уголовного законодателя, или на самого наказываемого, или на посторонних ему лиц, на окружающее общество. В первом случае объектом репрессии явится личность, отмеченная индивидуальными признаками. Во втором случае субъект, психологически воздействовать на который законодатель ставит своей целью, исчезает, растворяется в массе; он отмечает себя признаками не индивидуальными, а только родовыми. Ничем иным, как именно этим свойством – большей или меньшей определенностью объекта психологического воздействия – и различаются между собой два основных возможных направления реалистической уголовной политики – специальное и общее предупреждение преступлений.

С.В. Познышев в своей диссертации «Основные вопросы учения о наказании», говоря о целях наказания, полагает: «Наказание есть воздействие на личность; его цель производить такое впечатление на душу людей, которое предупреждало бы совершение преступлений» [3, с. 373]. Иными словами, говоря о конечном социальном результате, которого государство стремится достигнуть с помощью такой меры государственного принуждения, как уголовное наказание, на первое место автором ставится общее и частное предупреждение преступлений.

Во всей богатой и красочной палитре теорий наказания, сформировавшихся в истории уголовного права, свое место за-

нимает теория общего или психического принуждения А. Фейербаха, суть которой состоит в том, что для поддержания правопорядка государство, по недостаточности народного воспитания, образования, религии, прибегает к принудительным мерам. «Оно употребляет: 1) принуждение физическое, предупреждая преступление, расстраивая злодейские замыслы, требуя от преступника гарантий в том, что он не будет покушаться на преступление, наконец взыскивая с имущества его вознаграждение в пользу пострадавшего от его действий лица... 2) принуждение психическое, предшествующее и противодействующее возможным в будущем посягательствам. Оно заключается в уголовном законе, грозящем наказаниями» [10, с. 36]. Каждое правомерное наказание в Государстве есть правомерное следствие закона, на необходимости сохранений внешних прав основанного, и за нарушение прав чувственным злом угрожающего [11, с. 20]. Таким образом, целью наказания ученый считал предупреждение преступлений путем психического принуждения с акцентом на общую превенцию. В своем диссертационном исследовании С.П. Мокринский, рассматривая слабые и сильные стороны этой теории, предостерегает противников против односторонних и опрометчивых выводов, справедливо замечая, что система А. Фейербаха, действительно, не уголовно-политическая панацея. Ее значение как бесспорно, так и относительно. Но «можно ли, однако, браковать средство только потому, что оно не универсально?» [12, с. 62].

С определенной долей условности «отцом» частной превенции являлся немецкий ученый Грольман. Для этого он рекомендовал психическое устрашающее воздействие на преступника путем применения к нему наказания. В случае неэффективности принятых мер требовал полного удаления преступника из общества в форме пожизненного заключения, ссылки или казни. Представителем теории частного предупреждения, которую именновал «обезоруживание преступника», являлся В.Д. Спасович. В своей докторской

диссертации «Учебник уголовного права», защищенной 22 декабря 1888 г. в Санкт-Петербургском университете, он пишет: «...наказание имеет главную цель: обезоружение преступника, которой оно достигает двумя путями: или отнятием у него физической возможности вредить, или отнятием у него решимости вредить...» [10, с. 179].

Между тем, по мнению С.П. Мокринского, увлечение целями частного предупреждения преступлений временно отодвинуло на задний план в науке уголовной политики задачу общего психологического принуждения. «Но частное предупреждение, само по себе, не в силах ни раскрыть смысла существующей системы репрессии, ни обосновать системы, пригодной для будущего. Исправление и механическое обезвреживание преступника, при настоящих условиях, могут быть обеспечены только, как восполнение практики общего предупреждения» [12, с. 156]. Как показало время, истина оказалась посередине.

Описание существовавших взглядов на цели наказания в диссертационных исследованиях Российской империи будет недостаточно полным, если не вспомнить защищенную 12 декабря 1894 г. А.А. Пионтковским (отец) в Казанском университете магистерскую диссертацию «Об условном осуждении или системе испытания». С точки зрения рассматриваемой нами темы работа интересна тем, что автор институт условного осуждения по целям, по форме выражения и по условиям применения относит к виду наказания, целью которого является превентивное воздействие. При этом первенствующее значение в деле борьбы с преступностью, по мысли диссертанта, принадлежит не общей, а специальной превенции, «т.е. непосредственному воздействию на индивидуальный фактор преступления в его конкретном виде» [13, с. 102, 120].

Согласно немецкому криминалисту Бару, право принадлежит к области нравственности, морали. Вот почему все то, что согласуется с моралью, вызывает нашу похвалу; все то, что не согласуется – порицание, имеющее широкие рамки – от

суждения до полного уничтожения. Бар видит в наказании только общественное порицание. «Целями наказания, по взгляду Бара, являются общее и частное предупреждение преступлений. Из них первенствующее значение он придает первому» [3, с. 198]. Н.Д. Сергеевский, следуя Бару, сущностью наказания считает порицание. Цели наказания должны сменяться в соответствии с меняющимися условиями государственного устройства [3, с. 220-222].

Смешанные теории появились, как только стали появляться философские исследования, в связи с чем некоторые ученые стали предпринимать попытки разрешить основные вопросы посредством соединения разнородных теорий. «Задача этих попыток состояла в том, чтоб сохранить то, что в разных системах истинно, и избежать того, что в них односторонне» [2, с. 24]. В.Д. Спасович не без иронии называет это всесторонним сплавом «из исключających себя взаимно односторонностей» [10, с. 15].

В эту группу теорий следует отнести и теорию А.Ф. Бернера, согласно которой целями наказания являются: удовлетворение, исправление и устрашение. «Все эти цели наказания, – заключает А.Ф. Бернер, – должны однако удовлетворяться тем *maximum*, *Om* наказания, которое определено идеей воздающей справедливости, составляющей основу наказания» [14, с. 558-561].

П.П. Пусторослев в своей магистерской диссертации под названием «Понятие о незаменимой саморасправе, как учреждении уголовного права», защищенной 14.10.1890 г. в Харьковском университете, предлагает цели наказания толковать следующим образом: «Оно производится как с целью порицания преступнику за учиненное уже им преступное посягательство, так и с целью мести, или с целью частного предупреждения уголовных правонарушений, или с целью их общего предупреждения, или с целью мести и общего предупреждения, или с целью частного и общего предупреждения, или с целью мести, частного и общего предупреждения» [15, с. 40-41].

Автор под «мстью» понимает отплату злом за причиненное зло. Под «частным предупреждением уголовных правонарушений» он понимает устранение физической, иногда духовной, а иногда физической и духовной возможности к учинению будущих уголовных правонарушений со стороны того, кто уже учинил преступное посягательство. Под «общим предупреждением уголовного правонарушения» П.П. Пусторослев подразумевает устранение, а по большей мере ограничение духовной возможности к учинению будущих уголовных правонарушений со стороны каждого человека. Таким образом, диссертант искусственно соединяет такие несовместимые цели, как возмездие, воздаяние, с общим и частным предупреждением.

В основу докторского диссертационного исследования А.А. Жижиленко на тему: «Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств», защищенного 26 апреля 1915 г. в Харьковском университете, также положена мысль, что цели, которые могут быть достигнуты при помощи возмездия, различны: они способны меняться *«в зависимости от степени культурного развития данной общественной среды»*, но не могут и не должны прикрывать собой внутреннего содержания наказания, его сущности, которой является возмездие, т.е. воздействие на учиненное, заключающее в себе его оценку [5, с. 16]. Как нам представляется, данная точка зрения соединяет две теоретические конструкции: наказание как возмездие (кара) и наказание как достижение полезных для общества целей в зависимости от степени социально-экономического развития общества (устрашение и исправление как преступников, так и других лиц).

В ряду диссертационных исследований особое место занимает защищенная Н.Д. Сергеевским 22 мая 1888 г. в Санкт-Петербургском университете докторская диссертация на тему: «Наказание в русском праве XVII века». Исследование интересно тем, что во многом система наказаний того периода русской истории основана на древнейшей теории – так называемой теологической, особенно развитой в средние

века, связывавшей наказание с требованиями божества: «душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» [16, с. 189]; «свободный – за свободного, и раб – за раба, и женщина – за женщину» [17, с. 53]. Диссертант выделяет следующие главные цели наказания: 1. Обеспечение защиты общества от преступника на будущее время. «Эта цель могла достигаться истреблением преступников, обессиливанием их, или лишением фактической возможности вновь совершать преступные деяния, и удалением из отечества». 2. Устрашение преступника и всех граждан от совершения преступных деяний тяжестью и жестокостью наказаний. «Цель устрашения определяла собою, кроме смертной казни и наказаний изувечивающих, господство наказаний телесных, болезненных в весьма жестоких формах: кнут, батоги и, в конце XVII века, плети занимают добрую половину всей карательной системы» [18, с. 12]. 3. Извлечение выгод материальных из наказания, достигающаяся имущественными наказаниями в форме конфискации и иных формах [18, с. 15]. 4. Стремление дать удовлетворение пострадавшему, достигающееся путем испрошения прощения у пострадавшего и системы денежных штрафов в его пользу [18, с. 21].

Представив палитру авторских позиций относительно целей наказания, отраженных в магистерских и докторских диссертациях по уголовному праву университетов Российской империи, полагаем возможным подвести итоги. Очевидно, что приоритет ученых отдан таким целям наказания, как общая и частная превенция, а также исправление преступника. В то же время и другие обозначенные авторами точки зрения на цель наказания, как извлечение материальной выгоды; стремление дать удовлетворение пострадавшему и цели в зависимости от степени культурного развития данной общественной среды имеют право на существование. Более того, несмотря на кажущееся различие в содержании, они являются взаимосвязанными и взаимообусловленными, где одна цель предполагает другие цели, и достижение каждой из них способствует реализации других.

1. Богдановский А.М. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857.
2. Будзинский С.М. Начала уголовного права. Сочинение С. Будзинского. Варшава, 1870.
3. Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. Исследование приват-доцента Императорского Московского университета. М.: Университетская типография, 1904.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
5. Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг., 1914.
6. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004.
7. Бентам И. Избранные сочинения Иеремии Бентама. Том первый. Введение в основания нравственности и законодательства. Основные начала гражданского кодекса. Основные начала уголовного кодекса. Перевод по английскому изданию Боуринга и французскому Дюмона А.Н. Пыпина и А.Н. Неведомского. С предисловием Ю.Г. Жуковского. СПб., 1867.
8. Лист Ф.Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. Разрешенный автором перевод с 12-го переработанного издания Ф. Ильяшевич. С предисловием автора и проф. Московского университета М.В. Духовского. М., 1903.
9. Богдановский А.М. Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики. Одесса, 1870.
10. Спасович В.Д. Учебник уголовного права, составленный Спасовичем. Общая часть уголовного права материального. СПб., 1863.
11. Фейербах П.А. Уголовное право. Сочинение доктора Павла Анзельма Фейербаха. СПб., 1810.
12. Мокринский С.П. Наказание, его цели и предположения. М., 1902. Ч. 1: Общее и специальное предупреждение преступлений.
13. Пионтковский А.А. Об условном осуждении или системе испытания. Уголовно-политическое исследование А. Пионтковского, приват-доцента Новороссийского ун-та. Одесса, 1894.
14. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Магистра уголовного права Н. Неклюдова. Т. I. Часть Общая. СПб., 1865.
15. Пусторослев П.П. Понятие о незаменимой саморасправе, как учреждении уголовного права. Исследование П.П. Пусторослева, приват-доцента Московского ун-та. М., 1890.
16. Второзаконие. Russian Orthodox. United Bible Societies. 1991.
17. Коран. М., 2001.
18. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. Исследование Н.Д. Сергеевского, экстраорд. проф. С.-Петербургского ун-та. СПб., 1887 [на обл. 1888].

Summary

Section 1. Methodology, theory and history of state and law regulation

Iskhakov E.R., Aksenov S.G. State and law regulation of health care during the reign of Peter the Great

The legislation of Peter the Great concerning the organization of the various areas of health care for the citizens and the armed forces is analyzed in the article.

Keywords: history of the Russian medical legislation, legislation of Peter the Great.

Blazhevich N.V., Blazhevich I.N. The genesis of the new branches of law: theoretical and methodological analysis

The authors try to present a new branch of law as a result of a synthesis of common, immediate and underlying assumptions. The article explains that the specific nature of the genesis of a new branch of law is manifested in such content of the legal regulation which can not be covered by the general provisions of the other branches of law, but requires the formulation of independent positions guiding the application of the given set of legal rules, which can be called a new branch of law.

Keywords: branch of law, legal rules, legal regulation, legal reality.

Section 2. The problems of state and municipal construction

Alexeeva A.P. The road map of further reforming of the Russian law enforcement bodies (personnel professionalism, openness to trust and optimization): problems and realization prospects

The article is devoted to the detailed analysis of the first three sections of the project «Road map of further reforming of law enforcement bodies of the Russian Federation» which is submitted for national discussion by the Public Chamber of the Russian Federation. The potential of the rules aimed at increasing the personnel professionalism, openness, optimization of activity of different structures is analyzed.

Keywords: reforming, law enforcement bodies, professionalism, openness, trust, optimization.

Yaroslavtsev S.F., Yaroslavtseva S.V. The information and legal policy of Russia in the judicial field: theoretical bases and implementation issues

The concept of information and legal policy in the judicial field as an important component of the state legal policy is revealed in the article. Basing on laws and regulations, the current state of information and legal support of the judicial activities in the Russian Federation is analyzed by the authors. Some areas of information processes improvement in the judicial field are denoted and the problems hindering their development are mentioned.

Keywords: information and legal policy, information, judicial activities, judiciary, judicial acts, Internet.

Section 3. Private law, regulation of contracts

Komissarova E.G. Professional honour and dignity of civil servants: preconditions of the interdisciplinary approach

Analyzing the available achievements of legal and not legal sciences concerning the honor and dignity problem, the author tries to reveal the essence of such benefits as professional honor

and dignity. These categories are investigated in terms of moral regulators of civil servants' professional behavior. The necessity of using the interdisciplinary approach is proved.

Keywords: honour, dignity, personal non-material benefits, civil servants, professional honor, professional dignity.

Oleynik L.V. Implementation of the right of house territory ownership

The expediency of «privatization» of land under an apartment house and the problem of benefit for owners of residential and non-residential premises are analyzed in the article. The author points out the conflict of laws concerning the legal regulation of fixing the boundaries of such lands. He also draws attention to the absence of clearly defined criteria in the legislation of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: house territory, right of ownership, boundaries and size of land, owners of residential and non-residential premises.

Section 4. Criminal legislation and Criminology

Anisin A.L. Criminological cut of the theory and practice of multiculturalism

Criminological consequences of the multiculturalism policy are analyzed in the article. Contemporary civilization crisis and break with the traditional system of values are considered as the key factors determining both the logic of multiculturalism ideology formation and the reasons for its negative criminological consequences.

Keywords: multiculturalism, ideology, ethnic crime, civilization crisis, traditional values.

Moiseenko M.I. Topical issues of the criminal liability for mediation in bribery

Some topical issues of the criminal liability for mediation in bribery arising during the application of a new article 291-1 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed in the article. The author proves the algorithm of qualification the mediation in bribery considering the size of a bribe. He also defines the boundaries of criminal liability for different forms of mediation in bribery. Proposals to improve the criminal law in this sphere are given by the author.

Keywords: bribe, mediation, bribery, qualification, criminal liability.

Kostylev S.P. To the question of the social conditioning of establishing criminal liability for non-payment of wages, pensions, scholarships, benefits and other payments

Recently, violations of the constitutional rights of citizens in the field of labour relations and social security are a significant part of the offences of the social block. Delay in payment of wages, pensions, scholarships and benefits still remains one of the most pressing issues in many regions of the Russian Federation. It contributes to the creation of economic and social tension. The reasons and necessity of establishing criminal liability under the article 145-1 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed in the article.

Keywords: wages, pension, scholarships, benefit, social payments.

Karimov R.R., Karimova G.U. Regulatory and legal support of counteracting organized crime in the 21st century

The issues connected with the legal support of counteracting organized crime are covered in the article. The authors consider the international regulatory legal acts of universal and regional character. Special attention is paid to the decisions taken by the Congress of the UN.

Keywords: organized crime, counteracting organized crime, cooperation of States, UN Congress.

Section 5. The improvement of the law enforcement agencies' activity in crime detection and crime investigation

Alekseev V.V., Batoev V.B. Concept, structure and significance of the complex characteristics of mobile phones theft

The complex characteristics of mobile phones theft is given in the article. Particularly, the state, structure and dynamics of mobile phones theft are considered. The authors also analyze the object of crime, modus operandi, circumstances of crime and the ways of selling the stolen mobile phones. The characteristics of offender and victim are presented in the article.

Keywords: theft of mobile phones, crime detection counteraction, theft, fraud, robbery.

Shmidt A.A. On perspective forms of organization of work of law enforcement bodies on voluntary surrender of illegally held arms

The article is devoted to a problem of improving the law enforcement bodies control of trafficking in arms, ammunition and explosives. The ways of prevention work carried out by law enforcement bodies are analyzed in the article. Proposals for the use of innovative forms of propaganda and prevention are given by the authors.

Keywords: weapon and ammunition, crime prevention, police, licensing system.

Section 6. Procedural law, jurisdiction, procedures

Trusov N.A. To the question of the practical implementation of the right of law enforcement officers to compensation for renting (sublease) of the residential premises

The topical issues concerning the practical implementation of the right of law enforcement officers to compensation for renting (sublease) of the residential premises in the Russian Federation are considered in the article. The author analyzes the legal acts regulating the institution of compensation for renting (sublease) of the residential premises. The contradiction between the institution of compensation for renting (sublease) of the residential premises by law enforcement officers and the institution of state support for young families is also investigated in the article.

Keywords: officer of the Russian Interior, compensation for renting (sublease) of the residential premises, right to housing, state support for young families.

Section 7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

Rogova Y.V. Some questions concerning the classification of civil contracts

The main problems of the classification of civil contracts are revealed in the article. The author suggests the alternative division of the contracts on such basis as the moment at which the contract is concluded.

Keywords: classification, contract, deal, real contract, consensual contract, formal contract, state registration.

Zhilko I.A. To the question of the correctional and educational impact on convicts serving their sentences of imprisonment in detention centers

This article is written on the basis of empirical studies conducted in detention centers of the Sverdlovsk region. It is devoted to the most topical and urgent problems of correction and re-education of a special category of convicts – prisoners serving a sentence in detention centers of the penal system. The author analyzes the current state of the process of correctional and educational impact on convicts serving a sentence in detention centers. The effective solutions

and ways to increase efficiency and intensification of the correctional and educational impact on such convicts are suggested by the author.

Keywords: detention center, penitentiary establishments, persons sentenced to imprisonment, means and forms of education and correction of convicts, education and correction process.

Section 8. Surveys, reviews, criticism

Loba V.E., Safronova E.V. The category «purpose of criminal punishment» in dissertational researches in universities of the Russian Empire

One of the most debatable issues both in pre-revolutionary and the modern criminal law doctrine is the question of the purposes of punishment. The views on the purposes of punishment in dissertational researches of the Russian lawyers are presented in this article.

Keywords: dissertational researches, purposes of punishment, universities of the Russian Empire.

К сведению авторов

Извлечения из Положения об организации деятельности по изданию Тюменским институтом повышения квалификации сотрудников МВД России научно-практического журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» (утверждено приказом ТИПК МВД России № 239 от 27.04.2012 г.)

«4. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально и рассылается в ведущие публичные библиотеки Российской Федерации, а также в библиотеки образовательных учреждений.

5. Журнал является рецензируемым изданием. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

6. Журнал имеет официальный сайт в сети Интернет (www.naukatui.ru), на котором размещается его полнотекстовая версия».

«10. Общее руководство, определение политики формирования и издания Журнала осуществляет редакционный совет издаваемого Институтом Журнала...».

«12. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в Журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия издаваемого Институтом Журнала...».

«15. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакции в других печатных и (или) электронных изданиях.

16. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, акты официального толкования права, материалы правоприменительной практики, научную литературу, статистические, информационно-аналитические и иные данные, подтверждающие их научную обоснованность.

17. Для опубликования научных материалов в Журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные:

рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное);

заявку на опубликование;

внешнюю рецензию (не распространяется на опубликование рецензий как вида научного материала).

18. Научный материал, заявка на опубликование и внешняя рецензия должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска Журнала.

19. Научный материал, заявка на опубликование и внешняя рецензия предоставляются для опубликования по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала и заявки на опубликование.

20. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

21. Плата с адъюнктов и аспирантов (вне зависимости от формы их обучения), а также с иных категорий авторов за опубликование в Журнале научных материалов не взимается.

22. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

23. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и внешней рецензии помещаются в каждом выпуске издания и на его официальном сайте в сети Интернет».

«24. Все публикуемые в Журнале научные материалы, за исключением непосредственно подготовленных членами редакционной коллегии, подлежат внешнему и внутреннему рецензированию...».

«25. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором представленного материала...».

«26. Внешним рецензентом может выступать специалист в соответствующей отрасли науки, практической деятельности: доктор наук, кандидат наук, руководитель органа (учреждения) государственной власти, местного самоуправления либо руководитель его структурного подразделения.

27. Внешняя рецензия должна давать всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включать следующие элементы описания рецензируемого труда:

данные об авторе рецензируемого материала;
наименование и статус научного материала;
актуальность, степень научной проработанности проблемы и новизна исследования;

логическая стройность и грамотность изложения рассматриваемых вопросов;
научно-теоретический уровень материала (методология исследования, постановка проблем, анализ научных взглядов, обоснованность и аргументированность выводов и предложений, их значимость, степень самостоятельности автора в раскрытии рассматриваемых вопросов и иное);

наличие в материале необходимого инструментария (ссылки на законодательство, акты официального толкования права, материалы правоприменительной практики, научную литературу и иные данные);

ошибки, неточности, спорные положения, замечания по отдельным вопросам или в целом по материалу с указанием страниц рецензируемого научного материала;

иные элементы по усмотрению рецензента;

заклучение о соответствии научного материала предъявляемым требованиям, необходимости его доработки, возможности опубликования.

28. Во внешней рецензии указываются место работы, должность, ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы рецензента. Подпись рецензента заверяется печатью.

29. Ответственность за качество подготовки внешней рецензии на научный материал возлагается на рецензента.

30. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, внешней рецензии редакционная коллегия в течение пяти рабочих дней с момента поступления определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует внутреннее рецензирование научного материала.

31. В целях проведения внутреннего рецензирования редакционная коллегия определяет члена из своего состава и (или) профильную кафедру Института, направления научной работы которых соответствуют тематике научного материала, представленного для опубликования в Журнале.

32. Член редакционной коллегии, профильная кафедра Института в течение десяти рабочих дней осуществляют внутреннее рецензирование представленного научного материала.

33. Если научный материал направляется на профильную кафедру Института, его внутреннее рецензирование осуществляется руководством или наиболее квалифицированными, имеющими ученую степень, сотрудниками (работниками) профильной кафедры Института. При определении внутренних рецензентов учитываются научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы сотрудников (работников) профильной кафедры Института.

34. При подготовке внутренней рецензии учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемой внешней рецензии.

35. Внутренняя рецензия должна давать всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включать элементы описания рецензируемого труда, обозначенные в пункте 27 настоящего Положения.

36. Во внутренней рецензии указываются место работы, должность, ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается на фирменном бланке Института, подписывается и передается рецензентом в редакционную коллегию для учета и хранения.

37. По результатам внутреннего рецензирования редакционная коллегия принимает решение:

- об опубликовании научного материала в Журнале;
- о направлении научного материала автору на доработку;
- об отклонении научного материала.

38. Принятое редакционной коллегией решение и содержание внутренней рецензии доводятся до сведения автора в течение пяти рабочих дней по электронной почте или факсимильной связью.

39. В целях обеспечения объективной оценки научных материалов редакционная коллегия направляет автору внутреннюю рецензию без указания сведений о рецензенте и подписи рецензента.

40. В случае принятия редакционной коллегией решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются требования, предусмотренные пунктом 17 настоящего Положения. На повторно направляемый автором для опубликования в Журнале доработанный научный материал заново оформляется внешняя рецензия и заявка на опубликование».

«46. При выходе очередного выпуска Журнала в свет редакционная коллегия организует направление одного бесплатного (авторского) экземпляра каждому автору научного материала».

Требования, предъявляемые к материалам:

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить в редакцию надлежащим образом оформленные материалы, заявку и внешнюю рецензию, а также (при положительном решении об опубликовании) направить заполненный и подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном или электронном виде, либо оформляется на сайте издания (<http://www.naukatui.ru>). Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещен на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу издательству неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, он собственноручно заполняется и подписывается автором.

Оформление материалов:

1. Материалы представляются в распечатанном (с обозначением наименования файла и подписью автора) и электронном вариантах.

Объем материалов: научная статья – до 1 авт. листа, научное сообщение, рецензия, обзор – до 0,5 авт. листа (авторский лист – 40 тыс. печатных знаков, включая пробелы).

2. Материалы набираются в редакторе Word (шрифт – Times New Roman Cyr, размер – 14 pt, межстрочный интервал – 1,0 (одинарный), верхнее поле – 20 мм, нижнее – 20 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм).

3. Заглавие (тема) материала набирается прописными буквами.

4. Указываются сведения об авторе (инициалы, фамилия, место работы, должность, ученая степень, ученое звание).

5. Обязательно наличие списка литературы.

Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46]).

Литературные источники перечисляются в списке в порядке их упоминания в тексте. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

6. В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

Оформление заявки:

Обязательными элементами заявки на опубликование являются:

1. Индекс УДК.
2. Заглавие публикуемого материала (на русском и английском языках).
3. Сведения об авторах:
фамилия, имя, отчество полностью (на русском и английском языках);
ученая степень (полностью), ученое звание;
должность;
место работы: полное наименование организации, населенного пункта, почтовый адрес и (или) e-mail (на русском и английском языках);
контактная информация (телефон и (или) e-mail автора).
4. Аннотация (на русском и английском языках).
5. Ключевые слова – выбираются из текста материала (на русском и английском языках).
6. Список литературы, соответствующий требованиям, предъявляемым к оформлению материалов. В рецензиях список литературы допускается не приводить.

Оформление рецензии:

Внешняя рецензия содержит традиционные элементы описания рецензируемого труда. В рецензии необходимо указать место работы, должность, ученую степень, ученое звание, фамилию и инициалы рецензента. Подпись рецензента заверяется надлежащей печатью. Рецензия может быть направлена как в распечатанном, так и в электронном виде.

